

история / география / этнография

Вера Бокова

Д Е Т С Т В О
В Ц А Р С К О М Д О М Е
Как растили наследников
русского престола

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Annotation

Родиться в царской семье, по мнению многих, — везение. Но везение это оборачивалось в самом юном возрасте тяжким грузом обязанностей. Что значит быть наследником престола и авансом, с самого раннего возраста, ощущать ответственность, которая в будущем ляжет на плечи? Как воспитывать того, кто через несколько лет получит в свои руки неограниченную власть и будет вершить судьбы мира? Как жили сыновья и дочери царей, с кем дружили, во что играли, что читали и как привыкали к своим многотрудным обязанностям, как складывались их взаимоотношения с родителями и воспитателями, в каких придворных празднествах и церемониалах участвовали?

Книга Веры Боковой посвящена и самим царственным отпрыскам, и тем, кто выполнял особую миссию — растил их, учил и пестовал.

Вера Бокова — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Государственного исторического музея.

-
- [Вера Бокова](#)
 - [Вступление](#)
 - [Бережение и научение](#)
 - [Чинность и безчинство](#)
 - [Новые времена](#)
 - [Первый блин комом](#)
 - [Неудача графа Остермана](#)
 - [Царственные пионерки](#)
 - [Бедный, бедный... Петр](#)
 - [«Вожделенный - пришел»](#)
 - [О царевиче Хлоре и Осле](#)
 - [Бриллианты госпожи фон Ливен](#)

- [Как закалялась сталь](#)
 - [«Мы просто делили с ними жизнь»](#)
 - [Три товарища](#)
 - [На детской половине](#)
 - [Несбывшийся](#)
 - [Последние](#)
-

Вера Бокова
Детство в царском доме
Как растили наследников
русского престола

Вступление

С XVI по начало XX века Россия была монархическим государством, во главе которого с 1547 по 1721 год находился царь, а с 1721 по 1917-й - император. Власть русского государя была самодержавной, единоличной. Особа его была священна и неприкосновенна. Государь объединял в своих руках и законодательную, и исполнительную власть, вершил внешнюю политику, заключал мир и договоры с иностранными государствами, являлся «державным вождем» армии и флота. Он жаловал титулы, ордена, знаки отличия, права состояния, осуществлял судебную власть, обладал правом помилования и смягчения приговоров.

Монарх одновременно являлся и символом государства, и главным его слугой. Официальная идеология пропагандировала, что неограниченная власть русского царя основывается не только на Провидении, но и не в меньшей степени на его подвигах на ратном поле и усилиях на ниве строения государства.

В этих условиях большое внимание должно было уделяться формированию личности, навыков и знаний будущего монарха. Царская, а затем императорская семья состояла из самого государя, его жены и детей, его братьев и сестер с их супругами и детьми. Все вместе они составляли царствующий (императорский) дом, который уже с конца XVIII века стал разрастаться и к началу XX века составлял более двухсот человек. Все цари стремились обзавестись максимально возможным числом детей, чтобы упрочить положение своего рода на престоле и помимо основного наследника престола иметь «запасные варианты» наследования.

Возглавлялся императорский дом императором (царем) и императрицей (царицей), «Его и Ее величествами». Дети императорской четы в XVI-XVII веках назывались царевичами и царевнами (позднее эти слова остались в разговорной речи). Петр I стал называть своих детей цесаревичами и цесаревнами (такие титулы, в частности, были у его дочерей Анны и Елизаветы), но в более поздние времена такой титул стали присваивать только наследнику престола, а всех других детей называли великими князьями и великими княжнами. К ним обращались «Ваше высочество». По мере роста царской семьи великими князьями становились и братья царствующего монарха, и их дети (т. е. царские внуки), а также дети детей (царские правнуки). Число великих князей грозило превзойти все разумные пределы, а ведь каждому великому князю полагалось государственное содержание, штат, дворцы и резиденции. Поэтому император Александр III повелел урезать права и доходы правнуков императора и их потомков и именовать их «князьями императорской крови» с обращением «Ваша светлость». 2 июля 1886 года был издан новый закон, по которому правнуки императора признавались не великими князьями, а князьями императорской крови и должны были титуловаться не императорскими высочествами, а просто высочествами. В этот момент в императорской фамилии насчитывалось двадцать два мужчины, которые носили титулы великих князей.

Жены великих князей титуловались великими княгинями. Таким же титулом именовались дочери императора или великих князей, если после замужества они оставались жить в России. Вообще же девочки из царской семьи после замужества получали тот же титул, который имели их супруги. До замужества девочки носили титул великих княжон.

В конце XIX века помимо Романовых в состав царской семьи входили принцы Мекленбург-Стрелицкие и Ольденбургские, герцоги Лейхтенбергские. Все они, женившись на великих княжнах, стали членами императорского дома и постоянно жили в России.

Супругами представителей императорского дома могли быть только протестанты и ни в коем случае католики. Поэтому с Габсбургами, Бурбонами и домом Браганцы русский императорский дом никогда не роднился, но зато часто брал невест и женихов из различных германских владетельных домов.

Братья и другие родственники царя обязаны были беспрекословно исполнять возлагаемые на них императором обязанности.

Принадлежность к правящей династии давала большие права, но и налагала огромные обязанности. Романовы не имели права заниматься чем-либо, кроме военной службы, особенно в молодости. Не избавляла от этой обязанности даже серьезная одаренность в иных сферах - а среди Романовых были люди очень одаренные, такие как превосходный поэт «К. Р.» (внук Николая I - великий князь Константин Николаевич) или замечательный историк великий князь Николай Михайлович. Оба они вынуждены были заниматься главным делом своей жизни в промежутках между учениями, парадами, летними лагерями и прочей рутинной военной профессией.

Несмотря на свой уникальный статус, царская семья была не только духовным символом нации, но и просто семьей, в укладе жизни которой было много общего со всей русской аристократией.

Правда, если в обычной семье детей могли баловать, то в семьях, принадлежащих к императорскому дому, старались этого не допускать. Обычный дворянин мог исповедовать любые политические пристрастия - в семьях же

императорского дома приветствовались умеренно-консервативные воззрения, царская семья должна была быть выше любых политических пристрастий (во всяком случае, внешне).

Как и для всякого российского дворянина, для царских детей на первом месте стояла идея верности долгу и личной ответственности перед Отечеством.

Система воспитания царских отпрысков, прежде чем окончательно сформироваться, впитала в себя зарубежный опыт и педагогические теории, практические

потребности и индивидуальные наработки. В общем, царское воспитание прошло тот же путь, что и дворянское воспитание вообще. Немало на этом пути было проб и ошибок, успехов и провалов - только провалы и ошибки, как и педагогический брак, стоили много дороже, чем в случаях с простыми смертными.

В царской семье считалось, что соответствующее статусу образование получили только Александр I и Александр II. Остальные представители Романовых изучали по преимуществу языки и военные науки.

Бережение и научение

Жизнь русских царей с рождения и до смерти довольно подробно регламентировалась и соответствовала «чину» - набору правил и предписаний, призванных упорядочить жизнь и придать ей стройность и систему. Существовали тексты, описывающие тот или иной чин («Чин венчания на царство», «Чин свадебный» и т. д.); еще больше чинов известны были в устной традиции. Все вместе они составляли и образцы-модели того или иного действия (как это должно быть), и руководство к такому действию.

Все течение жизни царских детей должно было быть «чинным» и регулировалось традицией и системой народных представлений.

Рождался ребенок всегда вне жилых помещений, как правило, в бане. Незадолго до родов в одной из дворцовых палат («Крестовой») устраивалось царицыно «место» - богато убранная постель, окруженная лавками для сидения.

Как только начинались схватки, в хоромы царицы приходило духовенство, служило молебн с водосвятием, а потом ближние женщины вместе с повитухой под руки вели царицу и «сажали на место». Здесь все вместе дожидались начала собственно родов. Баню тем временем жарко топили, и, когда приспевало время, царицу переводили туда. В «мыльне» происходил главный акт родин.

Сразу после появления на свет ребенка посылали за духовником и сообщали радостную весть царю-отцу. Духовник нарекал имя новорожденному (обычно того святого, который праздновался на восьмой день от

родин). После этого государь шел сам смотреть на младенца и посылал сообщить о новости патриарху.

Далее на протяжении нескольких дней радостное событие праздновали: служили молебны, раздавали по церквам и монастырям, а также по богадельням и тюрьмам милостыню. Царь объявлял амнистию за незначительные преступления. Устраивался родильный стол, производили большие пожалования служилым людям, награждалась родня царицы. Во все города, к митрополитам, архиепископам и прочим церковным иерархам, к воеводам и по монастырям рассылали грамоты, «чтоб они Бога молили за государские здоровья и за новорожденного царевича». После этого воеводы и прочие ответственные лица собирались в Москву с подарками для новорожденного, чтобы показать, как они радуются государевой радости.

Младенцу подносились благословенные кресты и иные святыни, а также дары от родных и ближних людей, от придворных, от духовенства, торговых и посадских людей. Чаще всего это были драгоценные кубки. Во дворец дары везли в течение нескольких недель и даже месяцев - из ближних и дальних мест. Обычай требовал отвечать на подношения -отдариваться от имени самого новорожденного. Так, старице Марфе (матери царя Михаила Романова) «для государевой радости» о новорожденном были как-то поднесены серебряные кубок и стопа, а также бархат, камка и сорок соболей. Но ответные дары подносились не всем. Часть подношений рассматривалась как проявление обязательного верноподданнического долга. Из даров духовенства брали только иконы, кресты, мощевики и прочее, имевшее отношение к религии, остальное же по исполнению чина дарения возвращали обратно. Таким образом строго оберегали и государеву честь, и честь царевича.

С младенца снималась «мера рождения», и в эту меру заказывали икону его тезоименитого ангела. Потом эта икона сопровождала царевича или царевну всю их жизнь, а после кончины висела над их гробницей.

Через несколько дней, смотря по состоянию здоровья младенца, устраивались крестины

- «рождение во Святом Духе». Крещение должно было и воцерковить ребенка, и «закрепить» его на земле. Начиная с Ивана Грозного, в царской семье утвердилась традиция крестить новорожденных детей в Чудовом монастыре, где покоились мощи св. митрополита Алексия. После крестин младенца возлагали на раку с мощами, символически поручая его заботам чтимого святого. В дальнейшем - через несколько месяцев - маленького царевича могли свозить в Троице-Сергиев монастырь и там возложить еще и на гробницу св. Сергия Радонежского, покровителя всей Русской земли. Во всяком случае, так было с Иваном Грозным и его сыновьями.

Царь Алексей Михайлович несколько раз изменял старинному обыкновению и крестил своих детей также в Успенском соборе Кремля или во внутриворцовой церкви св. Екатерины, но с детьми от Натальи Нарышкиной вернулся к прежнему обыкновению, так что Петра Алексеевича и обеих его сестер - Наталью и рано умершую Федосью - крестили вновь в Чудовом монастыре.

Обряд крещения царственных детей совершал либо патриарх, либо личный духовник государя - обычно это был протопоп Благовещенского собора Кремля. Крестными родителями (восприемниками) могли быть иноки наиболее известных монастырей - тех же Троицкого и Чудова, - но случалось, что эту обязанность исполнял старший брат новорожденного (крестным

Петра Алексеевича был его брат, будущий царь Федор Алексеевич).

Крестной матерью становилась какая-нибудь из царевен - сестер новорожденного, его тетка или другие царские родственницы. После крестин устраивался еще один стол, после которого царевича благословляли образами и разными ценными дарами. Затем, выпив задравные чаши в честь царевича, гости разъезжались. Во дворе в этот день (как и в предыдущее, родинное пиrowанье) устраивалось угощение для стрельцов, пушкарей и прочих служилых людей: ставили сто, а то и двести ведер водки, еще пива и меда, «и кто хочет пить окромя стрельцов, и ему пить вольно».

При рождении девочки соблюдали те же обычаи, только жалованья и подарков раздавали поменьше и праздновали не так долго.

До пятилетнего возраста мальчики находились в женских руках и жили на женской половине дворца, в особых комнатах.

Мать могла сколько угодно ласкать и «тетешкать» ребенка, играть с ним и на него любоваться, но вся будничная забота о малыше ложилась на специально приставленный и довольно многочисленный женский штат. Матери-царице не по статусу было даже вскармливать младенца: этим занималась только специально отобранная кормилица.

В этом отношении русская традиция не отличалась от западноевропейской. В Европе XVI-XVIII веков чем знатнее была женщина, тем меньше она должна была заниматься собственными детьми. Во Франции знатный новорожденный в большинстве случаев сразу после крещения вообще отбывал вместе с наемной кормилицей к ней в деревню и оставался там безвыездно до тех пор, пока не приходила пора его учить. Ребенок рос, и кормилица плавно превращалась в

няню. Родители навещали его раз или два в год (или вовсе не навещали, смотря по обстоятельствам). Потом приезжал поверенный родителей, расплачивался с кормилицей, забирал ребенка и перевозил его в закрытую военную или монастырскую школу (очень редко домой, буде отцу и матери вдруг захотелось бы учить дитя дома). В этой школе юный аристократ и оставался до шестнадцати лет, после чего возвращался домой и имел наконец счастье - часто впервые - увидеть своих родителей, а потом поступал на службу. Это что касается юношей, девушек же вскоре выдавали замуж.

Русский детский придворный штат (его тоже называли чином) состоял из мамки, множества нянек, кормилицы, казначеи, постельниц, горничных, прачек, швей и т. д. Входила в штат и принявшая ребенка повивальная бабка. Под именем комнатной бабки она оставалась при царевиче до его пятилетнего возраста. В силу своей профессии повитуха знала все, что относится до женского и детского здоровья, и была главным авторитетом в лечении детей. Также она знала все обряды, приметы, магические действия, обереги, молитвы и заговоры, обеспечивающие младенцу здоровье и благополучие. Она умела по количеству и расположению родинок на теле предсказать судьбу ребенка, запрещала падать на его колыбель лунному свету - чтобы сон не пропал, не давала глядеть на него на спящего

- чтобы не испортили, мазала ему за ушком сажеей от сглаза, а перед встречей с новым человеком сыпала на темечко под шапочку чуток соли, приговаривая: «Злому, лихому соли в глаз». Словом, обязанности бабки были многообразны и очень важны. При царевнах она могла остаться как лекарка и отчасти ведунья на всю их жизнь.

Мамой или мамкой царевича назначалась «боярыня честная, вдова старая», которая исполняла роль

старшей воспитательницы. Все другие женщины находились у нее под командой, а сама она лично отвечала за жизнь и благополучие младенца. Должность эта была почетной, и выбирали на нее представительниц лучших фамилий. Мамка получала изрядное жалованье - 100 рублей в год (для сравнения: комнатной бабке платили полтора рубля в год и отсыпали 6 четвертей хлеба: овса и ржи). Свое звание и жалованье она сохраняла пожизненно.

Кормилицу для царского ребенка подбирали с особым тщанием из числа придворных или городских женщин любого звания, недавно произведших на свет собственное дитя. «А на воспитание царевича или царевны, - писал в XVII веке публицист Г. Котошихин, - выбирают всяких чинов из жен - жену добрую, и чистую, и млеком сладостну, и здорову, и живет та жена у царицы в Верху на воспитание год». После завершения этого срока кормилиц жаловали подарками и льготами. Если это была дворянка, государь назначал ее мужа воеводой либо давал ему вотчину. Мужа более скромного происхождения награждал деньгами и «честью», а с податного человека пожизненно снимал все подати (налоги). Кормилица царских детей «целовала крест» в том, чтобы «государям своим и ему (имя рек) государю (государыне, если речь шла о девочке) служить и прямити и добра хотети во всем без всякия хитрости, и... от сосца своего кормити с великим береженьем и со опасеньем, а зелья лихова и коренья в естве и в питье не подати... и лихих волшебных слов не наговаривать и над государским платьем, и над сорочками, и над портами, и над полотенцами, и над постелями, и над всякими государскими обиходы лиха некоторого не мнити, и ото всякого лиха оберегати, и над подругами своими и надо всякими людьми смотрити и беречи накрепко».

Одной из обязанностей женского штата было всячески скрывать царственное дитя от посторонних глаз. Это делалось и для безопасности и, главным образом, для защиты от наговора и колдовства.

Видеть ребенка могли только свои; посторонних избегали. Попасть на женскую половину могли только женщины и немногие из особо доверенных слуг-мужчин. Если царским детям случалось выходить из дворца в церковь, по обеим сторонам от них слуги несли на вытянутых вверх руках «суконные полы», создавая вокруг высочайшей особы своего рода передвижную ширму. В церкви же их окружали другие ширмы, с тафтяными занавесками, да и лишних прихожан при этом в церковь старались не пускать: были только бояре и ближние люди. Возили царских детей в возках и колымагах с наглухо занавешенными окнами. Окна детских комнат разрисовывались по слюде цветами и зверями, так что снаружи рассмотреть, что делается внутри, было невозможно. Двор, куда детей выпускали играть, был обнесен высоким глухим забором.

В таком строгом затворе мальчики пребывали до совершеннолетия, до пятнадцати лет, а девочки - по сути, всю жизнь, ибо этикет воспрещал не только девице, но и женщине из царского дома показываться на глаза посторонним.

Вместе с тем при всей изолированности царевичей от внешнего мира они не были лишены общества других детей. В раннем детстве им составляли компанию братья-ровесники и сестры, а также дети слуг и придворных («жильцы»). Позднее к ним приставляли еще группу специально отобранных сверстников для услуг, игр и забав («робяток», как их называли). Эти дети - как правило, отпрыски придворных, а также родственники по матери (среди мальчиков, росших вместе с Петром I, к примеру, были Нарышкины,

Матвеев, Головкин, Стрешнев) - выросли вместе с царевичем и впоследствии становились его «стольниками», ближними, «комнатными» людьми. Их одевали одинаково - в малиновые суконные кафтаны на беличьем меху, с золочеными пуговицами, и в шапки и рукавицы из того же сукна.

Важной заботой женского штата в первые лета жизни царственного ребенка было эту самую жизнь ему сохранить. Детская смертность в те времена была чудовищно высокой не только у простых смертных, но и у царей. Так, из шестерых детей, рожденных Ивану Грозному его первой женой, кроткой Анастасией Романовой, выжили лишь два младших сына; из десяти детей Михаила Романова уцелели пятеро, в том числе всего один сын, и т. д. Никто, естественно, не имел представления ни о закаливании, ни о прививках, ни о витаминах, ни о правильном питании. Дети страдали цингой, диареей, золотухой и рахитом (последняя болезнь у Романовых была наследственной, о чем свидетельствуют детские и взрослые останки в их родовой усыпальнице). Смертельно опасно было большинство детских болезней. Царских отпрысков косили эпидемии. Бывали и несчастные случаи - в том числе от недогляда приставленных женщин. И вот тут козлом отпущения становилась мамка.

Когда в 1591 году в Угличе во время приступа падучей болезни погиб, напорвшись на нож, царевич Димитрий, его мать Мария Нагая первым делом набросилась на мамку Василису Волохову. Царица сперва лупила ее поленом, потом принародно сорвала платок, растрепала косу и драла за волосы - «опростоволосила», что считалось на Руси худшим позором для женщины...

Кто именно из детей доживет до совершеннолетия, заранее знать не могли, поэтому никого из сыновей до совершеннолетия без крайней необходимости

наследником не объявляли: считалось, что это может навлечь беду. Делали так разве что в том случае, если отцу приходилось идти в военный поход, из которого он опасался не вернуться. Тогда государь оставлял завещание и назначал преемника, как это сделал Иван Грозный в 1562 году с восьмилетним царевичем Иваном. Древняя примета в этом случае, как известно, сбылась. Ивану так и не суждено было царствовать: в 1581 году он погиб от отцовской руки, а на престол впоследствии взошел Федор.

Царских детей холили и баловали без меры. Первый год жизни они почти не покидали своих комнат, даже не дышали свежим воздухом. В комнатах всегда было жарко натоплено; стены и полы для сбережения тепла обиты сукном; колыбель тоже подбита сукном или даже мехом, и в ней на пуховых перинках и подушках, под меховым одеялом находился плотно спеленатый младенец.

Первой одеждой ребенка была детская рубашечка, пеленки и непременно свивальник -длинная, до 3 метров, суконная или, по праздникам, бархатная лента шириной десять-пятнадцать сантиметров, которой маленького плотно «бинтовали» от шеи до пяток. Под свивальник «едва перст подходил». Ручки и ножки ребенка опутывались, сам он не мог пошевелиться и только беспомощно и протестующе кричал. Считалось, что свивальник выпрямляет тело и без него младенец непременно вырастет кривоногим и горбатым.

Но младенческие крики - «это не есть хорошо». Чтобы нормально вырасти, дитя должен быть спокойным и много спать. Поэтому при первом же плаче младенцу давали грудь, сколько бы раз за сутки это ни потребовалось, а в промежутках он сосал соску из нажеванного няньками и завернутого в тряпицу пряника (иногда смоченного «успокоительным» - сладкой водкой или маковым настоем).

Подобная практика продолжалась и позднее, когда дитя становилось на ноги. Еда была универсальным средством от всех проблем - огорчений, неудовольствий, капризов и болей.

Едва ребенок принимался реветь, как ему совали крендель, яблоко или кусок пастилы, тот же пряник, горсть орехов или маковников. При этом его, конечно, еще и обильно и жирно кормили пять раз в день завтраками, полдниками, обедами, паужинами и ужинами. (В наши дни значения слов перепутали и называют полдником трапезу между обедом и ужином; на самом деле это паужин.) Полнота, даже чрезмерная, в те времена ни пороком, ни недостатком не считалась, поэтому много и от души кушать детям ничто не препятствовало.

Поскольку в народе были уверены, что от плохого отношения, раздражения взрослых, а тем более брани дети чахнут, не растут и могут даже погибнуть, от ласковых же слов и любовного отношения расцветают и украшаются всеми добродетелями прямо на глазах, то няньки ни в коем случае не должны были гневаться на своего подопечного. Наоборот, им положено было говорить с ним только ласково, медовым голосом и нараспев, используя слова в уменьшительно-ласкательной форме, поминутно восхищаясь красотой, умом и прочими достоинствами дитяти, носить его побольше на руках, во всем потакать и исполнять каждое желание. Под запретом находилось только то, что могло причинить прямой вред ребенку. Унимать его можно было отнюдь не физическим воздействием, но лишь страшая букой и гневом Отца Небесного.

Одевали детей богато и нарядно - в яркие камки, цветные бархаты, парчу, жемчуга, ценные камни и великолепные меха. Детский костюм ничем, кроме размера, не отличался от взрослого: был тяжелым, многослойным, долгополым и красочным.

Ребенка заваливали игрушками и «потехами»: куклами во всевозможных нарядах, фигурками разных животных, игрушечными домиками («кельями» и «городками»), посудой, мячиками, волчками, кубарями и вертушками, шахматами, бирюльками и разными музыкальными инструментами - от простого пастушьего рожка до дорогостоящих клавикордов с медными струнами и немецких цимбал. Были и заморские механические игрушки, и музыкальные шкатулки, и всякие курьезы вроде потешных немецких кубков, литых из серебра фигурок, резных из кости ажурных кареток, стеклянных и восковых цветов, заводных птичек в клетках и множество «потешных книг» и картинок - географических карт с рисунками и «немецких печатных листов» (гравюр). Среди игрушек Петра I имелась качель на веревках, обшитых бархатом (она висела в одной из комнат). Для летних прогулок боярин А. С. Матвеев (воспитатель матери) подарил мальчику потешную каретку и четырех пони. Окна в каретке были хрустальными, с росписью красками (всё цари и короли разных земель). Свиту царевича составляли четыре карлика, важно шествующие по бокам каретки, а пятый ехал позади на крохотном иноходце.

Такие карлики наряду с попугаями и канарейками, зайцами, лисятами, кошками и собаками входили в число своего рода «живых игрушек», которых также имелось множество у каждого царевича и царевны.

Игрушки дарились родными и родителями; ими «ударяли челом» царедворцы; их во множестве покупали на торгу - в Овощном, Пряничном и Потешном рядах. Привозили игрушки и из богомольных походов (особенно из Троице-Сергиева монастыря, где игрушечный промысел существовал чуть не с XV века: считалось, что

у его истоков стоял сам св. Сергей Радонежский, основатель обители).

Особое место в палатах царевича занимали, конечно, военные игрушки и миниатюрное оружие - луки и стрелы, знамена, барабаны и бубны, топоры, ножи, молоты, пистолы, карабины и пищали, сабли и булавы, палаши и пики. На видном месте непременно красовался деревянный конь.

В древности у русичей, как у князей, так и у простых смертных, существовал обряд посажения на коня, символизирующий переход малыша из возраста в возраст и его закрепление среди мужчин. Отголоском этого обычая в XVI-XVII веках оставалось вручение мальчику игрушечного коня, которого заказывали придворным мастерам, когда будущего хозяина еще заворачивали в свивальник.

Коня вырезали с большим искусством из дерева, обтягивали настоящей кожей, снабжали колесами, уздечкой и седлом, и когда мальчику исполнялся год, его торжественно сажали ненадолго на деревянного скакуна, и тот потом оставался в числе любимых игрушек лет до десяти-одиннадцати.

Царские дети с детства были наставляемы и крепко утверждаемы в православной вере и благочестии. То было нравственное воспитание, взросление в страхе Божьем, а страх Божий - «начало добродетели». Уже с трех-четырех лет дети «упражнялись в молитвах» и выстаивали службы. Англичанин Самуэль Коллинз, семь лет проживший в России, замечал: «Достигнув двухлетнего возраста, они уже соблюдают посты очень строгие». Довольно рано детям давали и первое причастие, и тем раньше, чем слабее был младенец - торопились, если будущее ребенка внушало опасения, и заботились о полном исполнении церковного устава. Здоровый младенец получал первое причастие обычно после первого года жизни.

Вместе с матерью-царицей дети посещали обедни и молебны, выезжали на богомолье и под ее присмотром жаловали от своего имени священников за службы и славения и раздавали милостыню.

Первая поездка на богомолье совершалась, когда царевичу исполнялось полтора-два года. Царица выезжала в такие поездки в окружении множества знатных боярынь - приезжих и дворовых, близких родственниц, прислуги, мастериц, шутов и в сопровождении нескольких знатных царедворцев, приставленных к государыне с детьми для бережения. «Поезд» состоял из нескольких десятков колымыг и растягивался на значительное расстояние. Именно во время такого паломничества в Кирилло-Белозерский монастырь погиб первенец Ивана Грозного полуторагодовалый царевич Димитрий (потом этим же именем был назван и последний сын грозного царя). Выходя из лады, нянька, не спускавшая царевича с рук, оступилась на мостках и полетела в воду, выронив драгоценную ношу.

Едва достигнув полутора лет, отправился в свое первое богомолье и Алексей Михайлович - в Троицкий монастырь.

По достижении пятилетнего возраста мальчиков передавали в мужские руки и поселяли в специально сооруженных отдельных хоромах, расположенных ближе к передней, мужской части дворца. Теперь почти все, кто окружал мальчика в младенчестве, от него отходили, и на смену «холе» и баловству приходили более суровые требования «мужской» жизни.

Ответственным за воспитание и обучение наследника становился «дядька», назначенный, как тогда выражались, «для бережения и научения», - «боярин, честью великий, тих и разумен, а к нему придадут товарища окольничего или думного человека», - писал Г. Котошихин. Должность дядьки по

влиянию на возможного будущего государя была очень престижной и почетной, и ставили на нее особо доверенных людей, набожных, сведущих в книжном учении, уравновешенных и многоопытных. Их задачей было обучить мальчика ратному делу и этикету, воспитать из него воина, правителя и богомольца. Полномочия дядьки были самые широкие: он фактически выполнял роль отца и волен был наказывать ребенка, ибо с переходом в мужские руки на сцену являлась розга - главное и обязательное воспитательное орудие тех лет.

Учительная литература регламентировала объем и виды наказаний, применяемых при воспитании детей. Иоанн Златоуст советовал: «Аще ли не слушает дитя твое, то не пощади его: шесть ран или 12 дай сыну или дочери; аще ли вина зла, то и многи раны дай ему плетю». Потому что «аще и жезлом биеша, то не умрет, но паче здраво будет, аще б накажеша, то и душу его спасеша».

Розгу использовали и для «вразумления» при непослушании, и в качестве кары за плохую учебу, непонятливость и лень.

Под руководством дядьки у царевича выработывалось чинное поведение, исключавшее суетливость, быстрые и резкие движения, слишком стремительную или семенящую походку, громкий голос и смех. Царскому ребенку, в особенности мальчику - будущему государю, полагалось двигаться неспешно, говорить негромко, смотреть прямо, держаться спокойно, с достоинством, не размахивать руками, не кривляться и не гримасничать.

Дядька же подбирал для ребенка учителей из числа священников, дьяков, наиболее образованных дворян.

Естественно, что образование было в первую очередь православным, направленным на постижение открывающих путь ко спасению православных

ценностей. Всякий царский сын, подобно Алексею Михайловичу, мог с гордостью сказать о себе: «Я рожден и воспитан во благочестии».

Учить грамоте выбирали «мастеров грамоты» «из учительных людей», а письму -кого-нибудь из посольских подьячих, при обязательном условии, что наставники - люди тихие и «не бражники». Если дядька царевича был человеком уважаемым и влиятельным, то к учителям большого пиетета у большинства царственных воспитанников не было. С ними обращались запанибрата, а со временем нередко даже поколачивали. Учитель был безусловно «холопом», в то время как дядька-воспитатель считался «отца вместо».

Традиционное обучение начиналось с чтения. Пяти лет царевича усаживали за азбуку. Обычно перед этим для азбуки делали новый футляр, а саму книгу заново переплетали. Перед началом учения служили молебен и вообще обставляли это событие довольно торжественно. Как правило, начало учебы приурочивали ко дню пророка Наума - 1 декабря (была даже поговорка: «Пророк Наум, наставь на ум»).

Одолев буквы и «склады», ученик переходил к толковой грамоте, в которой изречения Христа и толкования о вере располагались в алфавитном порядке. Обучение происходило вслух и нараспев, как церковная служба. Затем заучивались наизусть Псалтирь и Часослов, содержащий литургические тексты суточных служб, часть которых тоже выучивалась наизусть. За Часословом была очередь «Деяний апостолов» - последней книги начального обучения. Переходы от одной книги начального обучения к другой каждый раз поощрялись денежными и иными пожалованиями учителю. Помимо этих обязательных книг возможно было подробное изучение с частичным заучиванием также богослужебных сборников -Триоди, Каноника и др.

После того как чтение было освоено, а все необходимое прочитано и выучено, следовало обучение письму. Руку «ставили», упражняясь на прописях, с вариантами написания букв, слогов, слов. Затем следовали образцы скорописи, содержавшие нравоучительные изречения и советы. При необходимости царевич мог выводить почти каллиграфические письма, но, как правило, став взрослым, царь писал неразборчиво: небрежность почерка в известной степени была статусным признаком. Государь стоял так высоко, что мог себе позволить не думать об удобстве читателя и переписчика своих строк.

После освоения грамоты переходили к знакомству с нотной богословской книгой -Октоихом. Эту премудрость дети постигали лет в семь-восемь. Обычно на изучение ежедневных и праздничных служб уходило около двух лет; потом наступал черед «Страшного пения» - изучения песнопений Страстной седмицы. В результате ученик должен был уметь свободно петь по крюкам (тогдашний способ записи нот) стихиры и каноны. Впоследствии, уже взрослыми, некоторые из государей (Алексей Михайлович, Федор Алексеевич и др.) и сами писали распевы, попадая, таким образом, в число ранних русских композиторов.

Общеобразовательные предметы царевичам не преподавались - подобные сведения они черпали из усердного чтения и бесед с многознающим дядькой и другими бывалыми людьми, среди которых могли быть и иноземцы.

Царевича знакомили с русскими летописями, особенно иллюстрированными -«лицевыми», рассказывали об основных русских землях и городах и соседних державах - кто там правит, как они устроены и чего от них следует ожидать; знакомили с основами дипломатии и государственного управления. Очень

много времени отнимали воинские науки: верховая езда, фехтование, стрельба из лука и пищали и пр.

Между тринадцатью и пятнадцатью годами царевича выводили из «затвора» и «объявляли» народу как наследника. Случалось, что и после этого юноша умирал, и тогда «объявляли» следующего. Так, Алексею Михайловичу пришлось объявлять наследников дважды: сначала царевича Алексея Алексеевича, а после его смерти - Федора Алексеевича.

«А как уведает люди, что уж его объявили, и из многих городов люди на дивовище ездят смотреть его нарочно», - писал Г. Котошихин. С этого времени царевич считался совершеннолетним и везде появлялся вместе с отцом - в церкви и «на потехах», проходил последнюю, крайне важную стадию своего образования: осваивал на практике дворцовые церемониалы, приобщался к «царской забаве» - охоте, тоже являвшейся в какой-то степени церемониалом, участвовал в государственных делах. В шестнадцать-семнадцать лет его женили.

Если до взрослого возраста доживали и другие царские сыновья, им выделяли «удел» - довольно обширную территорию с несколькими городами, где царевич считался владетелем

- «удельным князем». Так было с сыновьями Ивана Грозного, из которых Федору предназначалось (пока был жив его старший брат Иван) Суздальское княжение, а Димитрию

- Угличское.

С пяти лет начинали учить не только царских сыновей, но и дочерей. Им ни воспитателей, ни учителей не полагалось: мужчины доступа на женскую половину не имели. Приставленные к девочкам мамка и большинство нянек оставались с ними на всю жизнь, но после пяти лет начинали обходиться с детьми строже и, если требовалось, наказывали их.

Вступление в пору учебы знаменовалось для царевен переходом из детских покоев в новое помещение: отдельно стоящую постройку, связанную с остальными сооружениями дворца крытыми переходами.

Учили девочек, как и мальчиков, грамоте, молитвам и церковному пению. Наставницей была «мастерица», которую находили либо среди ближних женщин, либо, поскольку грамотниц среди боярынь было немного, делали ею даже одну из сенных девок, для чего ее специально научали грамоте.

Очень основательно и вполне профессионально девочки учились также рукоделию - и шить, и плести кружева, и в особенности вышивать шелками, золотом и жемчугом. Когда они вырастали, рукоделие становилось их главным занятием. В церквях теремного дворца, в кремлевских монастырях, а порой и в иных обителях можно было встретить покровы, воздуха, облачения и шитые образа работы царевен.

Девочек не обделяли ни игрушками, ни лакомствами, ни нарядами, ни даже развлечениями. Они могли потешаться шутами и карлицами, слушать сказки няnek и рассказы странниц и богомолков, которых привечали на женской половине (призрение странных и убогих и благотворительность в виде раздачи милостыни были обязательны для царицы и взрослых царевен). Вместе со всей семьей царевны совершали переезды на лето из Кремля в загородные дворцы (Покровское-Рубцово, Коломенское, Измайлово, Преображенское и пр.) и там могли гулять в садах и рощах (при условии отсутствия мужчин и чужих).

Нарушали монотонность будней и поездки на богомолье в монастырские обители (не дальше шестидесяти верст от Москвы).

Царевны могли видеть (не принимая сами участия) происходящие в Кремле и на Красной площади

праздники, въезды послов, крестные ходы. Вдоль кремлевской стены, на башнях, на Воскресенских воротах имелось несколько смотровых площадок для царской семьи, куда можно было попасть по переходам прямо из дворца, не нарушая этикета. В Грановитой палате до сих пор существует тайная «палатка» с окнами, выходящими внутрь палаты, откуда царевны с царицей и маленькими царевичами смотрели на церемонии приема послов.

При царе Алексее царевнам дозволялось и кататься по городу (в закрытых возках), и присутствовать на театральные представления (в закрытой решетками ложе), и даже из укрытия наблюдать за охотой.

Вместе с тем, чем старше становились девочки, тем жестче действовали для них запреты на общение с противоположным полом и на появление на людях, зато продолжительнее и строже становились требования к их благочестию: они держали много суровых постов и выстаивали ежедневные утомительные церковные службы.

В тринадцать-четырнадцать лет у царских дочерей наступал брачный возраст, однако надежды на замужество у них практически не было. Царская дочь могла выйти только за православного и только за ровню - царского сына. За своего подданного - «холопа» - отдавать царевну было зазорно: это царь мог жениться хоть на простолюдинке - и она становилась царицей; царевна же, выйдя за простого смертного, сама становилась простолюдинкой. Равных же ей по положению православных женихов, за отсутствием самостоятельных православных царств, не имелось. Оставалось пытаться искать женихов на чужбине, притом таких, которые согласны были бы «переменить закон», т. е. перейти в православие. Некоторые попытки в этом направлении делались. Иван III выдал свою дочь Елену за великого князя Литовского Александра. Борис

Годунов также намеревался выдать дочь за иноземного принца, но тот умер незадолго до свадьбы. Ирина Михайловна, старшая дочь Михаила Федоровича, была просватана за датского принца Вальдемара, но брак так и не состоялся, так как принц исповедовал лютеранство и наотрез отказался принять православие. Принца пытались взять измором; его содержали в Кремле как узника; он несколько раз пытался бежать, но безуспешно. Как бы то ни было, Вальдемар не уступил. Ирина осталась вековухой, а принца отпустили домой только после смерти царя Михаила в 1645 году.

Таким образом, большинство царских дочерей оставались навеки девицами, призванными провести жизнь в теремном затворничестве и посвятить ее благочестивым делам. Они общались преимущественно с представителями духовенства, покровительствовали монастырям и отдельным храмам и непрестанно молились за свою землю и за грехи отца и братьев.

Как мы видим, царские дети должны были расти, надежно спрятанными от дурного глаза и житейских бурь. Их растили, как комнатные растения, не знающие ни голода, ни жажды. Их почти не касались людские пороки, зависть, злость и недоброжелательство: если дети и видели что-то подобное, то лишь во взаимоотношениях своей челяди. Почти отсутствовали и сильные впечатления: дети надолго (а девочки навсегда) помещались во внутридворцовое «мелкотемье», в замкнутый и душноватый мирок теремов с их постоянным набором лиц, событий и обстоятельств.

Уклад и строй старинной царской детской оказался очень живуч и в общих чертах благополучно просуществовал до младенческих лет Павла I, то есть до второй половины XVIII столетия.

Чинность и безчинство

Такова была идеальная модель жизни царских детей в XVI-XVII веках. Действительность совпадала с ней не всегда. Начать с того, что несколько русских государей этого времени - Борис Годунов, Василий Шуйский и Михаил Романов - были «избранниками», рожденными в простой доле, и воспитывались не по-царски, а по-боярски. К царствованию их, разумеется, не готовили. Не сразу стали воспитывать как царских отпрысков и детей Бориса Годунова. Когда их отец взошел на престол, Федору было десять лет, а Ксении - двенадцать. Однако отец сразу и очень серьезно занялся ими, и в итоге дети получили прекрасное, редкое по тому времени образование. Дядькой Федора был весьма ученый человек И. И. Чемоданов, служивший до этого в Посольском приказе. Под его началом царевич изучал всякие премудрости, даже «естествословие философское», постоянно «упражнялся в благочестии, злобу, мерзость и всякое нечестие ненавидел». Современник писал о Федоре: «Научен же бе от отца своего книжному почитанию, и в ответах дивен и сладкоречив вельми; пустотное же и гнило слово никогда же из уст его не исходяше; о вере же и научении книжном со усердием прилежа...» Юношу учили географии и истории. «Любопытным памятником географических сведений сего царевича, - писал Н. М. Карамзин, - осталась ландкарта России, изданная под его именем в 1614 г. немцем Герардом». Ксения же была «писанию книжному искусна», отличалась красноречием, любила пение: «гласи воспеваемые любляше», как выражался тогдашний хронограф, а современник, английский бакалавр Ричард

Джемс, записал тогда же песни, особенно любимые Ксенией и ею якобы сочиненные. Была Ксения и искусной рукодельницей - в музеях хранится несколько приписываемых ей работ.

Не слишком совпадало с моделью воспитания младшего сына Ивана Грозного царевича Димитрия Угличского (двое старших росли в высшей степени чинно). Во всяком случае, к моменту гибели, на десятом году, когда он давно уже должен был находиться на попечении дядьки-воспитателя и всюду учиться, Димитрий (возможно, вследствие падучей болезни, которой страдал) все еще жил на женской по лавине, на попечении няньки и кормилицы, а дядьки в штате не имел.

Тяжелое детство было и у самого Ивана Васильевича - первого, официально принявшего на себя царский титул. Он остался без отца в три года, без матери -

в неполных восемь лет, и, разумеется, нормальный ход событий этим сиротством был сбит.

Долгожданный наследник, он появился на свет, когда отец его, великий князь Василий III, совсем отчаялся иметь детей: его первый брак с Соломонидой Сабуровой был бездетным, а во втором, с Еленой Глинской, первенца пришлось ждать более трех лет. На радостях великий князь не только роздал множество наград и подарков, но и снял опалу с целого ряда своих приближенных.

Крестить Ивана родители отправились в Троице-Сергиев монастырь. Крестных отцов-восприемников - сразу троих - для княжича выбрал сам Василий III. Именно по его настоятельному желанию крестным отцом Ивана стал один из самых почитаемых старцев Иосифо-Волоколамского монастыря - любимой обители Василия - Кассиан Босой. Старца, глубокого старика,

«яко младенца привезоша» и во время совершения обряда постоянно поддерживали под руки два троицких инока. Другим крестным отцом стал хорошо известный великому князю игумен Троицкого монастыря в Переславле-Залесском Даниил, вскоре после смерти причисленный к лику святых. Третьим восприемником был старец Троице-Сергиева монастыря Иев Курцов.

Крещение состоялось 4 сентября 1530 года. После этого великий князь сам возложил младенца на гробницу преподобного Сергия, отдавая его под покровительство самого почитаемого из русских святых.

Умирая, отец подозвал Ивана к себе и благословил его крестом св. митрополита Петра. Мамке наследника боярыне Аграфене Челядниной умирающий приказал «ни пяди не отступать» от ребенка. Ивану в то время шел четвертый год, но на него легли уже довольно многочисленные обязанности по представительству. Через несколько дней после смерти отца он - государь - принимал гонцов от крымского хана «и подавал им мед», а в феврале 1535 года вместе с матерью присутствовал на торжественной церемонии переноса мощей одного из главных патронов московской митрополичьей кафедры - св. Алексия, митрополита - в новую раку. В июне 1536 года (неполных шести лет) он отправился на свое первое богомолье в Троице-Сергиев монастырь. В августе 1536 года принимал литовских послов, причем у трона шестилетнего великого князя «берегли» кн. Василий Васильевич Шуйский и конюший князь Иван Федорович Овчина-Телепнев-Оболенский - родной брат Аграфены Челядниной и любимец царицы Елены Глинской. Мальчик просидел весь прием, время от времени произнося полагавшиеся слова. Лишь от обеда, устраивавшегося обычно в честь послов, отказались: от имени великого князя бояре сообщили послам, что при его малом возрасте ему «будет стол в

истому». Крымским послам в аналогичной ситуации объяснили, что великий князь ест у матери.

До шести лет Иван, как положено, жил на материнской половине, затем к нему был приставлен дядька Иван Иванович Челяднин, племянник (по мужу) мамки Аграфены.

Иван был царь; мать - правительница при нем, и власть она держала крепко, железной рукой расправляясь со всеми потенциальными узурпаторами.

Потом мать умерла. Одновременно ушли и другие близкие Ивану люди: советника матери Ивана Овчину-Телепнева-Оболенского уморили в тюрьме голодом «и тягостию железною», а мамку Аграфену сослали в Каргополь и постригли в монахини. Началась ожесточенная борьба за власть - «боярское правление», одно из тех, о котором в народной памяти остались потом самые тяжелые воспоминания.

Иван был царь. Перед ним становились на колени, ему целовали руку, ему льстили и потакали, пока он сидел на престоле, но в частной жизни Иван был бессилен и безгласен. При нем люди из враждующих группировок врывались во дворец, избивали, убивали и мучили друг друга - и не обращали ни малейшего внимания на слезы и мольбы малолетнего государя пощадить того или иного боярина. И за кулисами тронного зала Иван чувствовал себя пренебреженным, заброшенным, игрушкой в чужих руках.

Опекунами Ивана и его «скорбного главой» брата Юрия в конце концов стали князья Шуйские, которые совсем забросили детей: те обносились; их часто элементарно забывали покормить. В этих обстоятельствах говорить о каком-то систематическом образовании юного государя, видимо, не приходилось. Еще при матери он должен был обучиться грамоте, письму и молитвам, и на этом учение для него надолго прекратилось.

Так продолжалось до тех пор, пока царь не вошел в разум и не научился использовать человеческие слабости и пороки в своих интересах. У него появились сторонники, и в тринадцать лет он впервые «топнул ножкой», приказав царям убить «ближнего боярина» Андрея Шуйского, одного из тех, кто притеснял его все эти годы. «И от тех мест, - как сообщал летописец, - начали бояре бояться, от государя страх иметь и послушание». А к власти пришли родственники по матери - бояре Глинские.

О следующих годах Ивана со слов Андрея Курбского известны всякие гадости: он мучил животных и людей, повесничал, разбойничал, портил девок и не занимался ничем дельным. Не исключено, что так оно и было. О крутости нрава юного Ивана свидетельствуют и летописи. По его приказам и языки резали, и головы рубили, а летом 1547 года, разгневавшись на псковских челобитчиков, жаловавшихся на наместника - князя Турунтая-Пронского, семнадцатилетний государь псковичей «бесчествовал, обливаячи вином горячим, палил бороды и волосы да свечою зажигал, и повелел их покласти нагих по земли».

В 1545 году пятнадцатилетний Иван отметил свое совершеннолетие большим и уже самостоятельным паломничеством: сперва к Троице, потом в Переяславль, Ростов, Ярославль, на Белое озеро. Посетил Кирилло-

Белозерский, Ферапонтов, Корнильев Комельской, Павлов Обнорский монастыри, потом опять отправился к Троице, а оттуда в Александрову слободу и в Можайск. В промежутках между посещениями обителей вовсю охотился и занимался звериной ловлей. Он становился взрослым, и окружению далеко не безразлично было то, что входящий в возраст государь так и остался неучем.

В это время Максим Грек написал для наставления молодого государя «Главы поучительны

начальствующим правоверно». Они начинались весьма резким утверждением, что тот, кто подчиняется действиям страстей - «ярости и гневу напрасному и беззаконным плотским похотем», - не человек, но «бессловесного естества человекообразно подобие». Далее шла речь о том, что истинному христианину не подобает услаждать свои глаза «чюжими красотами», а слух «душегубительным глумлением смехотворных кощунников». Ему не следует открывать свои уши для клеветников, «ниже язык удобь двизати в досады и злословия и глаголы скверны».

Вняв поучениям и под влиянием священника Сильвестра, с которым Иван сблизился в 1547 году, он начал читать - в первую очередь, конечно, богословские и нравоучительные труды - и обсуждать с Сильвестром прочитанное. Высокообразованным человеком был и духовник Ивана протопоп Благовещенского собора Андрей, и Андрей Курбский, один из друзей молодости Ивана. Под их совместным влиянием, как считается, Иван занялся восполнением недостатков образования и в довольно короткие сроки овладел «безднами премудрости». В дальнейшем он обнаруживал глубокое знание древнерусской книжности и Священного Писания, был знатоком духовной музыки, и ему даже приписываются некоторые духовно-хоровые сочинения той поры. Уже взрослым он много читал по древней и новой истории (древнерусские переложения византийских хроник и т. п.). Основные знания Иван набрал в 1550-х годах.

В итоге он заслужил у потомков славу одного из лучших литераторов своего времени, автора нескольких ярких и весьма информативных «Посланий».

Особого упоминания среди его сочинений заслуживает Духовная грамота (завещание) 1572 года, продолжающая традицию древнерусских «поучений» (таких как «Поучения» киевского князя Владимира

Мономаха, жены суздальского князя Всеволода Юрьевича Марии, великого владимирского князя Константина Всеволодовича и др.). «Заповедую вам, да любите друг друга, - наставлял царь Иван сыновей. - Сами живите в любви и военному делу сколько можно навыкайте... Как людей держать и жаловать, и от них беречься, и во всем уметь их к себе присвоивать, вы б и этому навыкали ж. Людей, которые вам прямо служат, жалуйте и любите, от всех берегите, чтоб им притеснения ни от кого не было, тогда они прямее служат, а которые лихи, и вы б на тех опалы клали не скоро, по рассуждению, не яростью...

Всякому делу навыкайте: естественному, судейскому, московскому пребыванию и житейскому всякому обиходу, как которые чины ведутся здесь и в иных государствах, и здешнее государство с иными государствами что имеет, то бы вы сами знали. Также и во всяких обиходах, кто как живет, и как кому пригоже быть, и в какой мере кто держится - всему этому выучитесь: так вам люди и не будут указывать, вы станете людям указывать. А если сами чего не знаете, то вы не сами станете своими государствами владеть, а люди...

И люди бы у вас заодно служили, и земля была бы заодно, и казна у обоих одна - так вам будет прибыльнее. И ты, Иван сын, береги сына Федора и своего брата, как себя, чтобы ему ни в каком обиходе нужды не было, всем был бы доволен... А ты, сын мой Федор, держи сына Ивана в мое место, отца своего, и слушай его во всем, как меня, и покорен будь ему во всем и добра желай ему, как мне, родителю своему».

Сам Иван Васильевич, как мы знаем, следовал далеко не всем правилам преподаваемой им же науки, но сыновья его, в особенности доброжелательный и набожный Федор, отцовским заветам внимали и старались им следовать.

Любопытно, что скорее всего свои сочинения Иван Васильевич не писал, а лишь надиктовывал. «Писать своей рукой, - пишет современный исследователь, - считалось как бы недостойным государя. Так, служилые люди, вплоть до бояр высокого ранга, если были грамотны, сами подписывали те или иные документы, а имя царя на грамоте писал дьяк, царь же лишь прикладывал к ней свою печать».

Едва ли не первым государем, любившим писать собственноручно и делавшим это весьма часто и охотно, был Алексей Михайлович, которого, как и всех остальных детей Михаила Романова, воспитывали в высшей степени «чинно», в полном соответствии с образцом.

Алексей Михайлович был первенцем царя Михаила. Крестили его в Чудовом монастыре. Крестными стали келарь Троицкой лавры Александр Булатников и двоюродная бабка новорожденного Ирина Никитична Романова. По традиции, в честь рождения Алексея были устроены праздничные столы - родинный, затем крестинный. Дед, патриарх Филарет, благословил внука крестом, в котором находилась частица Животворящего древа, Млеко Богородицы и восемь частиц мощей разных святых; великая инокиня Марфа (бабушка) -фамильным образом Богородицы. На крестинах свои дары новорожденному преподнес и отец Михаил Федорович. Это был золотой крест с частью Ризы Христовой и часть мощей св. благоверного царевича Димитрия. Среди подношений были также частицы мощей преподобного Михаила Малеина и св. Евдокии, тезоименитых отцу и матери Алексея.

Первой мамкой Алексея Михайловича была дворовая боярыня Ирина Никитична Годунова. Затем ее сменила Ульяна Степановна Собакина, к которой царь сохранил привязанность на всю жизнь. Уже взрослым он

постоянно справлялся в своих письмах сестрам о ее здоровье.

Известно имя первого духовника Алексея Михайловича - священника главной «домашней» церкви царского семейства Благовещенского протопопа Максима.

Дядькой у Алексея был известный боярин Борис Иванович Морозов, игравший впоследствии, когда питомец его начал царствовать, важную государственную роль. Помощником Морозова был назначен окольный Василий Иванович Стрешнев. Для обучения царевича грамоте был приглашен дьяк Василий Сергеевич Прокофьев, письму и счету его учил подьячий Посольского приказа Григорий Васильевич Львов, бывший, по московским меркам, человеком весьма образованным. Пению царевич учился у певчих дьяков Луки Иванова, Ивана Семенова, Михаила Осипова и Николая Вяземского. Приучение к коню и обучение верховой езде Алексея происходило, как и других царских сыновей, очень рано, и впоследствии, по отзывам современников, он был лихим наездником.

У царевича был собственный штат накрачеев - музыкантов, бьющих в бубны. Его «тешили» борьбой с медведем, показывали, как «работают» охотничьи соколы (возможно, именно тогда, в возрасте двух-трех лет, зародилась всепоглощающая страсть царя Алексея к соколиной охоте), перед ним выступали «метальники» - акробаты и жонглеры, его смешили «дураки и карлы». В 1636 году семилетний царевич начинает играть в шахматы. В восемь лет он уже всюду стреляет из лука. В документах сохранились упоминания о стрельнике Проньке Донкове, которому приходилось не покладая рук делать стрелы для воинственных царевичей - Алексея и его младшего брата Ивана.

Учился Алексей блестяще, прилежно и очень быстро. Он не только научился читать, но и

пристрастился к чтению. Очень рано у него стала формироваться собственная библиотека, в которую входили подаренные и купленные ему книги - азбуки, Апостол, Октоих, Псалтирь, Тестамент (поучения византийского императора Василия сыну Льву), Космография, Лексикон, Стихирарь, Триоди, Грамматика литовской печати.

Со временем благодаря усиленному самообразованию Алексей сделался весьма знающим человеком, одним из немногих московских «интеллектуалов» своего времени. Он оставил воспоминания о русско-польской войне 1654-1667 годов, написал учебник о соколиной охоте («Урядник сокольниковского пути»), пробовал сочинять стихи.

Любопытно, что именно этому государю, носившему знаковое прозвище «Тишайшего» и воплощавшему в себе идеал чинности и благочестия, выпало осуществить целый ряд значимых реформ как в области законодательства и религиозной жизни, так и во всем тогдашнем жизненном укладе. Символами царствования Алексея стали: свод законов -Соборное уложение 1649 года, церковный раскол, воссоединение с Украиной, Немецкая слобода, полки «иноземного строя» и первый русский театр. Своих детей царь Алексей тоже рискнул воспитывать по-новому, в соответствии с новейшими на тот момент образовательными тенденциями.

На протяжении XVII столетия потребность в образовании неуклонно возрастала. Россия включилась в сферу европейской политики, расширились ее деловые и экономические связи. Нового уровня грамотности и культурного развития требовало и усиление власти, и усложнение государственного аппарата, и присоединение новых территорий, и развитие производства и торговли.

В России год от года возрастало число школ; устанавливались тесные контакты с книжниками Юго-Западной Руси, где уже в 1580- 1620-х годах существовали многие учебные заведения, в которых наряду с основами православного вероучения и церковнославянским языком изучались латынь, древнегреческий и польский языки, а также дисциплины, составлявшие основу европейского образования: грамматика, арифметика, риторика и диалектика (логика).

В 1648 году «ближний человек» Алексея Михайловича любитель наук и просвещения Ф. М. Ртищев основал на берегу Москвы-реки у подножия Воробьевых гор Андреевский монастырь «для распространения свободных мудростей». В нем жили приглашенные царем Алексеем из западнорусских земель ученые монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский, Дамаскин Птицкий и еще около тридцати иноков, которые занимались переводами с греческого богословских трудов и наставляли учеников в греческом, латыни, польском языке и науках. (Алексей Михайлович назначил неродовитого Ртищева в товарищи дядьке своего сына Алексея Алексеевича.)

На фоне всех этих явлений традиционное дворцовое образование выглядело архаичным и недостаточным.

Особенно новаторским стало обучение языкам (для царевичей сочли достаточными латынь и польский). И предшественники Алексея, и он сам, согласно чину и этикету, должны были демонстрировать брезгливость и пренебрежение к иноземцам. После общения с ними (в частности, на посольских приемах) государь демонстративно омывал руки в лохани, а затем уходил полностью очищаться в баню. Если кто-нибудь из иноверцев заходил в православный храм, церковь считалась оскверненной, и ее потом заново святили большим чином освящения. В таких условиях

приобщаться к чему-нибудь, исходящему от «еретиков»-иноземцев, было шагом действительно смелым.

Но реальность давно уже научила обходить традиции и запреты. Иноземцы составляли все более заметный элемент московской жизни; без них не обходилось ни войско, ни строительство, ни ремесло, ни торговля, ни придворная жизнь. Иноземные обычаи, знания, роскошь - все это манило человека XVII столетия и притягивало его как магнитом. Сам Алексей Михайлович не избежал искушения и, помимо пристрастия ко всяким иностранным штучкам в виде замысловатых часов, игрушек-автоматов и разной занятой мелочи, с удовольствием приобщился и к «огненной потехе» - новомодным фейерверкам (в Европе эта забава вошла в употребление в XVI веке), и к театральным зрелищам, и к закордонной мудрости.

Учить детей Алексея Михайловича был приглашен умнейший монах Симеон Полоцкий (1628-1680, в миру Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович) - поэт, переводчик, богослов, проповедник, издатель, автор знаменитой в свое время «Псалтири рифмотворной», любимой книги молодого Ломоносова, кокоторую наряду с «Арифметикой» Леонтия Магницкого и «Грамматикой» Мелетия Смотрицкого он называл «вратами учености».

Глубокое благочестие Полоцкого было гарантией, что приобщение к новой мудрости не будет содержать опасности восхваления иных вероисповеданий или умаления православия.

Симеон Полоцкий с согласия Алексея Михайловича применил для его детей новую образовательную систему: «учение грамматичное» (причем преподавались даже основы стихосложения) и познание «семи свободных художеств» - грамматики, риторики, диалектики, арифметики, геометрии, музыки,

астрологии. Полоцким же были сформулированы дидактические принципы обучения и воспитания, пригодные всем отрокам: здесь был и добрый родительский пример, и признание вреда от чрезмерной родительской любви.

У Полоцкого учился и царевич Алексей, на которого возлагали большие надежды (он умер в 1670 году), и, позднее, Федор, достигший в новой науке больших успехов. По словам историка В.Н.Татищева, Федор Алексеевич «великое искусство в поэзии имел и весьма изрядные вирши складывал», также «к пению был великий охотник». У Федора была обширная музыкальная библиотека; он сам занимался композицией (до сих пор исполняется его песнопение «Достойно есть»), довел до совершенства придворную хоровую капеллу и одобрил переход со старых крюковых нот на европейские.

В свое недолгое царствование (1676-1682) Федор Алексеевич довольно успешно продолжал преобразовательную деятельность своего отца царя Алексея: занимался усовершенствованием судопроизводства, отменил калечащие наказания, укрепил положение дворянства, реформировал костюм (повелев всем носить «венгерское»), унифицировал и упростил налоговую систему. При этом, как отмечал современник, стремился народ свой «преукрасить всякими добродетельми, и учениями, и искусствами, и прославить не только российские народы, но и прежде бывших славнях предков своих». В планах Федора было создание печатного курса русской истории и создание высшей школы -

Славяно-греко-латинской академии, которая открылась вскоре после кончины государя, - и возглавил ее Симеон Полоцкий.

Ученицей Симеона Полоцкого - совершенно небывалая вещь - была и знаменитая «правительница»

царевна Софья. Как и братья, она знала латынь и польский, слагала вирши и штудировала «свободные художества». Наставник даже посвятил ей вирши:

О благороднейшая царевна София, Ищещи премудрости выну небесных,

По имени твоему жизнь твою ведещи: Мудрая глаголещи, мудрая дееши... Ты церковные книги обыкла читати И в отеческих свитцех мудрости искати...

Еще больше новшеств включало в себя воспитание младшего сына царя Алексея (от брака с Натальей Нарышкиной) - Петра Алексеевича.

То есть сначала все было традиционно: у Петра были и мамы - сперва княгиня Ульяна Петровна Голицына, потом боярыня Матрена Романовна Левонтьева, - и кормилица Ненила Ерофеева, и множество маленьких «стольников». Восприемниками Петра были царевич Федор Алексеевич и царевна Ирина Михайловна. «Когда несли новорожденного в церковь, то по пути кропил святой водой дворцовый рождественский священник Никита, весьма уважаемый тогда за святость жизни». Детская и весь обиход царевича отличались роскошью. Наряжали его в парчу и драгоценные меха; всячески баловали.

В шесть месяцев Петр стал ходить с помощью «ходячих кресел» на колесиках. В год ему была сделана деревянная «потешная лошадка» на железных колесах. В детской рядами стояли потешные деревянные стрельцы, деревянные пушки с кожаными ядрами, пистолы, барабанцы, игрушечные знамена, вообще игрушек было множество, в том числе и дорогих иноземных, с механикой и всякими фокусами.

Лучшие мастера Оружейной палаты выполняли заказанные Натальей Кирилловной для сына красочные изображения городов, сражений, кораблей, оружия для «потешных тетрадей».

Но еще при жизни отца для Петра был создан особый «Петров полк» - такого прежде не бывало, - и четырехлетний царевич стал его полковником. Ему рапортовали по всем надобностям полка, от него же требовали и распоряжений, в которых помогал Петру отец. Полк был устроен на европейский лад, а руководил его занятиями офицер-шотландец Павел Менезиус; он же учил военному делу и самого Петра и вообще выполнял обязанности, по сути, гувернера царевича, что тоже было новацией, тем более что дядьки к Петру не назначили. После прихода к власти Софьи Менезиус от этой обязанности был освобожден и отправлен по службе в Смоленск.

С пяти лет Петр находился также под надзором Никиты Моисеевича Зотова, происходящего из приказных людей; порекомендовал его царю Федору Алексеевичу (опекуну и крестному Петра) окольный Федор Соковнин. Соковнину же было поручено доставить Зотова во дворец для представления государю.

О цели поездки Зотову не сказали, и когда комнатный человек позвал его к царю, будущий наставник так испугался, что некоторое время не мог сдвинуться с места. «Оробевший учитель просил, чтоб дали хоть малое время, когда придет в память, - пишет историк И. Е. Забелин. - Постояв немного, сотворил он крестное знамение и пошел за комнатным во внутренние покои к царскому величеству. Государь милостиво принял его, пожаловав к руке. Началось испытание: Зотову велели писать и потом честь книги. К испытанию был призван Симеон Полоцкий,

муж премудрый в писании, который, рассмотрив писание и слушав чтение Зотова, объявил государю, яко право то писание и глагол чтения.

Проекзаменованный учитель был отведен Соковниным к царице. Когда Соковнин представил его,

царица, держа за руку маленького Петра, обратилась к избранному учителю с следующей речью: „Известна я о тебе, что ты житья благого, божественное писание знаешь, - вручаю тебе единородного моего сына. Прими его и прилежи к научению божественной мудрости и страху Божию и благочинному житию и писанию“. До сих пор Зотов мало понимал, в чем дело. Услышав повеление царицы, весь облился слезами, упал к ее ногам и, трясая от страха и слез, проговорил: „Несмы достоин принять в хранилище мое толикое сокровище“. Государыня повелела ему встать, пожаловала его к руке и приказала явиться наутро для учения царевича. На другой день утром, в присутствии царя Федора, патриарх, сотворя обычное моление, окропя блаженного отрока святою водою и благословив, вручил его Зотову. Зотов, посадив царевича на место, сотворил ему земное поклонение и начал учение. В то же время учитель был щедро награжден: патриарх пожаловал ему сто рублей, государь - двор, государыня - две пары богатого платья и весь убор».

С Зотовым Петр учил Часослов, Псалтирь, Деяния и Евангелие, а для знакомства царевича с начатками географии и истории Зотов велел изготовить так называемые «куншты», т. е. картинки. Изучал Петр и богослужебный чин, причем особенно пристрастился к церковному пению и впоследствии охотно пел во время богослужений на клиросе.

До назначения Зотов занимал скромную должность дьяка в Челобитном приказе. Авторитетом у воспитанника он пользовался лишь в первые годы; потом стал попивать. К совершеннолетию Петр обходился с ним уже запанибрата, хотя и довольно тепло - все-таки был к наставнику привязан. Как писал историк П.В.Долгоруков: «Позднее Зотов стал прислужником своего ученика, его сотоварищем по гульбе и попойкам... Когда же в 1710 году в Петербурге

праздновали известие о капитуляции Риги, день был отмечен грандиозным банкетом, где вино лилось рекой. К концу застолья полупьяный Зотов подошел к совершенно пьяному царю и, положив ему руку на плечо, сказал: „Вот какими высокими делами отмечается твое царствование; а ведь это я научил тебя читать и писать; ты должен был бы достойно отблагодарить меня“. Пьяный Петр дал ему кулаком в живот и сказал: „Как тебя, папа, отблагодарить?“ (на „всепьянейших соборах“ Петра Зотов носил титул „князь-папы“. - В. Б.) - „Я хочу быть графом и тайным советником“, - ответил Зотов. И Петр немедленно написал соответствующий указ».

Петр стал царем еще в детстве и рос без особого надзора (мать и слабовольный Зотов не в счет), вдали от двора своей сестры Софьи, в Преображенском. Науками, как мы видим, его особо не обременяли, так что позднее Петр даже жаловался, что так и не смог получить хорошего образования. Арифметические правила он постиг только на пятнадцатом году, когда ему самому этого сильно захотелось, а грамотно писать так до конца жизни и не научился.

Искупались недостатки образования Петра его природной любознательностью и врожденными упорством. Жадный интерес к Немецкой слободе, ее укладу и ее жителям -мастеровым, купцам, офицерам, знавшим и умевшим невиданные вещи, - подвигнул Петра самому узнать и научиться тому, что знали инженер Тиммерман, плотник Брандт, офицер Зоммер.

Постепенно детские игры переросли в серьезное дело, а упорство в достижении цели соединилось с бесконечным трудолюбием.

Может быть, именно отдаленность от двора с его этикетом в сочетании с сознанием неизмеримой высоты своего сана выработали в Петре совершенно

уникальное чувство независимости от внешних условностей, которым он отличался всю жизнь.

Он всегда вел себя и поступал так, как считал нужным, опрокидывая все каноны, обычаи и правила приличия, если они его стесняли. Разве что в церкви он сохранял почтительность и не выходил за рамки дозволенного; во всем же остальном был самовластен и неуправляем. По всем обычаям физический труд считался зазорным для государя, но Петр плевал на эти обычаи. Когда ему исполнилось двенадцать лет, ко двору были доставлены для царевича разные ремесленные орудия - инструменты для каменной работы, для печатания и переплета книг, а также верстак и токарный станок. Сделано это было по неотвязному желанию самого Петра, ибо ни один из его предшественников не проявлял подобного интереса. Впоследствии Петр владел не то четырнадцатью, не то двадцатью ремеслами и очень любил их демонстрировать.

Петр не любил соколиной охоты, ненавидел торжественные выезды, не «шествовал стопами», как положено государю, но носился бегом и вообще вел себя безчинно: хохотал, кричал, когда хотел, был порывист, размашист и вечно «хотел странного».

Новые времена

Петровские времена с их глубокими преобразованиями, затронувшими все стороны жизни страны - политику, экономику, общественную и умственную жизнь, нравы и быт, - неминуемо должны были внести коррективы и в жизнь царских отпрысков. Новая эпоха требовала новых людей - и новых государей, а значит, нового, далекого и от сложившихся традиций, и от новаций времен Алексея Михайловича воспитания и обучения.

Правда, как воспитывать, чему и как учить, а главное, где взять учителей и наставников

- все это долго еще представляло серьезную проблему. Она стояла в те времена перед всяким дворянским семейством, но в еще большей степени - перед императорским домом.

Петр требовал от своих подданных в первую очередь прикладных знаний - в механике, фортификации, артиллерии, медицине, архитектуре, инженерном деле и пр. Новый образ жизни призывал учиться «политесу», танцам и немецкому языку, дабы уметь объясниться

с наехавшими на Русь иноземцами. Европейская традиция предписывала знание латыни и истории с географией (европейских, естественно). Что из всего этого могло пригодиться государю нового времени - было совсем неясно.

Детей в царской семье - как при Петре, так и после него - оказалось совсем немного, и никого из них так и не удалось вырастить с оглядкой на грядущее царствование как наследников престола. Отлаженный в прошлом и понятный механизм наследования, при

котором власть переходила по мужской линии от отца к сыну, а за неимением сыновей - к брату, как раз в петровскую эпоху дал сбой.

Поначалу естественным наследником Петра считался его старший сын от первого брака с Евдокией Лопухиной - царевич Алексей Петрович. Отец-император и воспитывать его старался как наследника (в меру своего тогдашнего разума, конечно, - об этом мы ниже еще поговорим). Но, как известно, Алексей возлагавшихся на него надежд не оправдал и попал сначала в немилость, а потом и в каземат. В 1718 году он умер при обстоятельствах, которые, вероятно, так никогда и не будут прояснены до конца. После этого Петр отменил прежний закон о престолонаследии и ввел новый, позволявший императору определять наследника по своей воле, вне зависимости от старшинства, пола и даже степени родства с правящим государем.

Так началась всем известная «эпоха дворцовых переворотов». Петр умер, так и не успев назначить преемника, - и на престол стали восходить произвольно тасуемые фигуры из правящей династии, за спинами которых на тот момент сосредоточивались почему-либо наиболее влиятельные политические силы.

Дети самого Петра были недолговечны. Он потерял младенцем и второго рожденного нелюбимой Евдокией сына Александра, и большинство детей от Екатерины Алексеевны (Марты Скавронской). В числе этих умерших были и все пятеро сыновей - три Петра и два Павла, в каждом из которых Петр поначалу видел наследника. В общем, из одиннадцати детей, рожденных Екатериной, до взрослых лет дожили лишь две девочки - Анна и Елизавета.

К моменту кончины царя-преобразователя его семейство состояло из двух жен - нынешней и бывшей, двух дочерей (Анны и Елизаветы), двух внуков по сыну

Алексее (Натальи и Петра), двух племянниц по брату-соправителю Ивану Алексеевичу (Ивану V, умершему в 1696 году) - Анны и Прасковьи, а также внучатой племянницы Анны Леопольдовны, рожденной старшей дочерью царя Ивана Екатериной (умершей в 1723 году) - сплошь бабы да малолетние дети.

Первая жена Петра, Евдокия, стала монахиней и в династических играх не участвовала.

Внучка Наталья Алексеевна умерла в возрасте четырнадцати лет, в 1728 году.

Старшая (и любимая) из дочерей - Анна Петровна - скончалась в 1729 году, оставив сына Петра Федоровича.

Прасковья Ивановна (племянница) вышла замуж за простого смертного - графа Дмитриева-Мамонова - и тоже покинула поле игры.

Все же остальные представители семейства на русском престоле побывали - сперва Екатерина Алексеевна, затем Петр Алексеевич, потом Анна Иоанновна, далее Анна Леопольдовна (правительница при своем сыне, грудном младенце Иване Антоновиче), за ней Елизавета Петровна и, наконец, Петр Федорович.

При этом четырнадцатилетний Петр Алексеевич (Петр II) умер, так и не успев жениться. Анна Иоанновна официально числилась бездетной вдовой; Елизавета Петровна - девицей. И хотя молва трубила о детях Анны от ее фаворита Бирона (якобы они носили фамилию отца и считались рожденными законной супругой временщика Бенигной Бирон), а также и об отпрысках Елизаветы от ее тайного мужа Алексея Разумовского, прав на престол все это предполагаемое потомство не имело. Такие дети росли и воспитывались как частные лица. Младенец-император Иван Антонович, занявший трон в двухмесячном возрасте и свергнутый через год с небольшим, также не слишком обогатил историю детства в царском доме.

Мало было детей в царской семье. Традиции нового воспитания укоренялись поэтому медленно, а вырастить полноценного наследника престола не удавалось еще очень долго.

Первый блин комом

Царевич Алексей Петрович, первенец Петра I, стал первой такой неудачей.

Рождению его в 1690 году отец очень радовался: принимал традиционные в таком случае поздравления и вообще следовал устоявшемуся «чину», описанному выше. Едва ли не единственной данью новизне был великолепный фейерверк, который Петр устроил на Пресне через неделю после торжественного события.

В остальном воспитание наследника первое время шло по накатанной колее: ему назначили прислужниц и «маму» - Марфу Афанасьевну Колычеву (которую Алексей очень любил и почитал), а также снабдили штатом малолетних «стольников», которые выросли вместе с Алексеем и впоследствии составили его ближний круг.

До шести лет царевич находился в женских руках и, как впоследствии сам говорил в покаянном письме к отцу: «Со младенчества моего несколько жил с мамою и девками, где ничему иному не обучился, кроме избных забав, а больше научился ханжить, к чему я и от природы склонен».

Двор царицы Евдокии Федоровны в Преображенском жил вполне традиционной жизнью: здесь привечали «странных» и юродивых, тешились шутами и карликами, рукодельничали, много ели и молились. Все так, как заведено исстари. Отличие состояло в том, что Евдокия была брошенной женой, отвергнутой супругом-государем, а потому оскорбленной и негодующей. Сама она и ее окружение находились в постоянной оппозиции к Петру и всячески судили и пересуживали его деяния и поступки. Вероятно, это не лучшим

образом повлияло на характер Алексея. Отца он не любил и ужасно боялся.

Сам Петр в воспитание сына долго не вмешивался: у него были и другие дела, более для него важные.

В шесть лет Алексей, как и положено, был передан в мужские руки. Дядька Никифор Константинович Вяземский должен был также и учить его грамоте и чтению Часослова и Псалтири; его оставили потом при мальчике то ли доверенным слугой, то ли нянькой мужского пола. Уже одно то, что почетнейшая должность дядьки настолько утратила свой престиж, свидетельствовало о наступлении совершенно новой эпохи. Теперь воспитанием занимались иностранцы, а в дядьки со временем стали брать людей самого простого звания.

Когда Алексею исполнилось восемь лет, его родители окончательно расстались. Евдокия Федоровна была пострижена в Суздальском Покровском девичьем монастыре, а

Алексеем стал заниматься отец. Он поручил воспитание наследника самому энергичному и преданному из своих соратников - А. Д. Меншикову, но поскольку тот сам не только не получил никакого образования, но даже не знал грамоты, ему, конечно, потребовались помощники.

Сначала царевича думали отослать учиться в Европу, но начавшаяся в 1700 году Северная война этот вариант исключила. Петр не мог подвергать сына опасности оказаться в шведских заложниках, да и дороги в Европу из-за военных действий сделались небезопасны.

Тогда наставника для царевича стали искать среди наличных иноземцев. Выбор пал на «ученого немца» Нейгебауера, и тот около трех лет занимался с Алексеем. Чему уж они учились - бог весть, только в конце концов учитель был с позором изгнан - за

пьянство, бешеный характер и разные «непотребные и омерзительные поступки».

Вернувшись домой, Нейгебауер жестоко отомстил негостеприимной Московии, издав несколько книг, в которых рисовал петровское государство самыми черными красками, а главное - призывал иноземцев ни в коем случае туда не ездить. Книги эти произвели некоторое впечатление и на несколько лет стали головной болью Петра, который, конечно, был заинтересован совсем в обратном: чтобы иноземцы приезжали почаще и побольше.

Преемником Нейгебауера стал другой «ученый немец» - барон Генрих Гюйссен (или Гизен, как его называли в России). Он имел университетское образование и был, видимо, польщен оказанной ему высокой честью. В лучших традициях века Просвещения он начал свою педагогическую миссию с написания записки, излагающей принципы воспитания и образования русского наследника. С тех пор подобные записки стали в воспитании царских сыновей традиционными, хотя содержащиеся в них принципы редко когда выполнялись.

Гюйссен намеревался «его высочеству обще все внушения, мнения и правила вкоренять... прилежно учение главных добродетелей и властностей великого принца, яко суть страх Божий, ревность о справедливости, легкосердие, великодушие, сожаление, щедрость, постоянство в решениях, верность и веру держати, прозорливость и остерегательство в советах, внимание и прилежание в правительстве государственном, храбрости и тому подобным мужественным властностям споспешествовать и утверждати тщится».

Воспитатель обязывался также привить наследнику «любовь к добродетели» и внушить «отвращение и мерзость ко всему, еже пред Богом и человеком

злодетельно есть и злодеяние именуется». «Надлежит, - писал Гюйссен, - особливо его высочество от злого товарищества и от таких людей остерегать, которые чрез соблазнительные противно учтивству ратоборствующие нравы, виды и разговоры его высочество ко злодеяниям соблазнят и злой приклад подать могут». Следовало сделать так, чтобы окружающие Алексея Петровича люди «благо и добродетельно поступали», в особенности находящиеся при его особе «господские дети».

Программа обучения Алексея предусматривала совершенствование в чтении и письме на родном языке «и особливо в чтении всякого письма рук».

Предполагался также французский язык, как «легчайший и потребнейший из всех европейских», география, изучаемая преимущественно по географическим картам, на которых следовало показывать «особливо европейские королевства, земли и государства... и чрез разговоры знаемость оных внушать, кому сии земли принадлежат, какой народ в них живет, какие правила и обычаи в житии оные имеют, какие великие случаи и перемены в оных бывали и какой интерес или пользу Московское государство при оных имеет». «При забавных часах», т. е. на досуге, царевича предполагалось обучить употреблению циркуля и геометрии с арифметикой. Кроме того, Алексей должен был проштудировать сочинения авторитетного в то время социолога Самуила Пуффендорфа «О должностях человека и гражданина» и «Введение к истории европейских государств», читать французские газеты, чтобы ориентироваться в европейской политике, а также получить представление о политических делах во всем свете, прежде всего в сопредельных с Россией странах, и разбираться в том, что полезно и что вредно государству.

Наконец, царевич должен был овладеть навыками военных экзерциций, изучить фортификацию, артиллерию, наступательные и оборонительные действия, а также - если проявит соответствующие склонности - архитектуру и навигацию.

На все про все наставник отводил два года.

Алексею меж тем было уже тринадцать лет, при том, что совершеннолетие в те годы наступало, как мы знаем, в пятнадцать.

Записка Гюйсена легла в основу подписанного Петром I наказа, который и стал обязательной программой обучения наследника. После этого Алексей с Гюйссеном... отправились на войну, ибо Петр желал еще и чтобы сын прошел все ступени военной службы, начиная с нижней, а тут как раз начался очередной военный поход.

Алексей был принят на службу солдатом бомбардирской роты и участвовал в овладении Ниеншанцем, а через несколько месяцев - в осаде Нарвы. В промежутках между этими баталиями он, может быть, и штудировал Пуффендорфа и географические карты, только наука эта продолжалась недолго: в 1705 году Гюйссен понадобился Петру для другого дела и надолго отбыл в Германию с целым рядом дипломатических поручений, между которыми государь наказал ему еще и присмотреть для Алексея Петровича невесту: тот приближался к брачному возрасту, и Петр намеревался устроить политически выгодный династический брак с какой-нибудь из немецких принцесс.

Алексей остался без учителя, на руках дядьки Вяземского (главный воспитатель - Меншиков - жил в Петербурге и имел там множество других дел и занятий помимо воспитания царевича). Подросший царевич Никифора Константиновича порой поколачивал, таскал за волосы и вообще, по сути, в грош не ставил. Учиться

без принуждения Алексей не хотел и в основном бил баклуши. Единственное дельное занятие, которому он предавался в отсутствие Гюйсена, была работа на токарном станке, которой юноша неожиданно увлекся (все-таки петровские гены иногда давали о себе знать!).

До 1708 года, пока не вернулся наставник, царевич жил в Москве, бездельничал, бражничал в компании подросших «жильцов», охотно выстаивал длинные церковные службы, ибо был набожен, и «при забавных часах» работал на токарном станке у мастера Людовика де Шопера. Никакие книжные науки ему на ум не шли.

Петр стал давать сыну разные поручения: оболтусу шел как-никак восемнадцатый год, пора было помогать отцу. Но ни заготовка фуража, ни набор рекрутов, ни надзор за строительством укреплений вокруг Кремля Алексея не увлекали. Он томился, скучал, занимался всем этим формально, небрежно, из страха перед батюшкиным гневом.

В 1708 году вернулся Гюйсен, и под его руководством Алексей налег на арифметику и фортификацию. У Петра возникла мысль все же отправить сына за границу - для завершения, так сказать, образования.

23 октября 1709 года царевич получил отцовское предписание: «Объявляем вам, что по прибытии к вам господина князя Меншикова ехать в Дрезден, который вас туда отправит и, кому с вами ехать, прикажет. Между тем приказываю вам, чтобы вы, будучи там, честно жили и прилежали больше учению, а именно языкам (которые уже учишь, немецкий и французский), также геометрии и фортификации, также отчасти и политических дел. А когда геометрии и фортификации окончишь, отпиши к нам. За сим управи Бог путь ваш».

Меншиков приехал, назначил Алексею в спутники помимо дядьки Вяземского и учителя Гюйсена молодых товарищей - князя Ю. Ю. Трубецкого и графа

И.Г.Головкина, вручил им петровскую инструкцию (вести себя за границей достойно, деньги тратить экономно и следить, чтобы царевич учился - не только наукам и по-французски, но и танцевать, и «на флоретах забавляться»), - и Алексей отправился. Очень он был рад, что вырвался из-под отцовского давления.

За границей Алексей наносил светские визиты, посещал невесту - кронпринцессу Шарлотту-Софию Брауншвейг-Вольфенбюттельскую (которая, впрочем, ему очень не понравилась), осматривал достопримечательности, лечился на водах. А учиться - почти не учился. С чем уехал - с тем и вернулся. И когда Петр решил по возвращении

проэкзаменовать уже двадцатилетнего сына, Алексей пришел в ужас.

Особенно потрясло его требование отца представить изготовленные им чертежи. Мысль о том, что батюшка может заставить чертить в своем присутствии (нечего и говорить, что никакому черчению царственный отпрыск так и не выучился), вызвала у Алексея Петровича такой шок, что он решился... на самострел. Зарядил пистолет, поднес правую руку... но в последний момент смалодушествовал: руку отдернул и отделался лишь сильнейшим ожогом. Увидев наследника, обмотанного бинтами, Петр сжалился и экзамен отменил.

Тем образование Алексея и закончилось. Ну что ж, что выросло - то выросло, а первый блин, известно, комом.

Вольно или нет, но история воспитания Алексея Петровича послужила своего рода моделью для тогдашнего дворянского воспитания. Многие и многие дети петровской эпохи проделали сходный путь: и бессистемное воспитание, когда неизвестно было толком, какие качества воспитывать, и отрывочная, случайная по набору предметов учеба, и длинные

перерывы между учебными периодами, и частые смены учителей, почти всегда людей далеких от педагогики. В обычай вошли и образовательные поездки молодых дворян за границу, часто бесполезные.

Впрочем, назвать царевича Алексея человеком невежественным было бы неверно. Он по-тогдашнему неплохо, даже не без изящества, писал по-русски, свободно владел разговорным немецким, был способен изъясниться по-французски, более или менее умел держать себя в обществе, имел представление о военном деле. Наверное, и от других наук кое-что засело в памяти. Главный порок, обнаружившийся в воспитании Алексея, он и сам весьма самокритично признавал в покаянном письме к отцу: «Природным умом я не дурак, только труда никакого понести не могу». Поэтому и обучение, писал он, «мне было зело противно, и чинил то с великою леностию, только чтобы время в том проходило, а охоту к тому не имел». Впрочем, и в этом пороке Алексей был не одинок. Трудолюбие в те годы никоим образом не являлось добродетелью русского благородного сословия.

Дальнейшая судьба Алексея Петровича была печальна. Постылая, вынужденная дипломатическими играми женитьба, раннее вдовство, вечное недовольство отца, требования которого полностью противоречили всей природе царевича - и его вялому, пассивному характеру, и традиционным вкусам.

В 1715 году Екатерина Алексеевна родила Петру, как он думал, нового наследника, и прежний - Алексей - окончательно впал в немилость.

Петр прислал ему «Объявление сыну моему», в котором после обвинений в лени и нежелании заниматься государственными делами содержалась прямая угроза: «...известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, яко уд гангренозный, и не мни себе, что один ты у меня сын...»

Потом было безнадежное и отчаянное бегство Алексея за границу, его насильственное возвращение, фальшивое примирение, отречение от престола, пытки и смерть в двадцать восемь лет. В общем, плохо все закончилось.

Неудача графа Остермана

Еще одна попытка нового по духу воспитания была предпринята в отношении юного Петра II, взошедшего на русский престол в одиннадцатилетнем возрасте.

По распоряжению Петра I его сын Алексей вступил в 1711 году в брак с кронпринцессой Шарлоттой-Софией Брауншвейг-Вольфенбюттельской. Это был первый в русском царском семействе брачный союз с иностранкой - немкой и лютеранкой, -открывавший дорогу задуманному Петром «династическому наступлению» на Европу, призванному кровными узами связать династию Романовых с европейскими владетельными домами.

Естественно, что чувства жениха и невесты при таких политических расчетах ничего не значили. Алексей и Шарлотта крепко не любили друг друга и в равной степени тяготились своим союзом. История их совместной жизни была коротка: молодые постоянно ссорились, Алексей злился и пил, даже, как говорили, бил жену; Шарлотта злилась и страдала. Все же у них родилось двое детей. Через десять дней после вторых родов, приведших в жизнь сына Петра, двадцатиоднолетняя Шарлотта скончалась. Петр I симпатизировал невестке и, когда она умирала, дал ей слово лично позаботиться о сиротах (кроме новорожденного Петра, у Шарлотты оставалась дочь Наталья).

Слово свое царь-преобразователь сдержал. И хотя династическое будущее Петра Алексеевича-внука было в то время смутно, воспитывали его как полноценного царского ребенка.

Именно он, по-видимому, был первым царственным отпрыском, которым занимались не русские няни, а бонны-иностранки. Таких по именам известно две: сначала мадам Брианд, затем мадам Роо. После смерти последней в 1719 году новую «немку» выписывать не стали, а передали четырехлетнего Петрушу на руки дядьке Семену Афанасьевичу Маврину (впоследствии Маврин впал в немилость у светлейшего князя Меншикова и в самые первые дни по воцарении Петра II был отправлен в ссылку в Тобольск).

Серьезным учением Петра дед-император озаботился, когда мальчик был на восьмом году. В наставники был выбран домашний учитель, живший в доме А.Л.Нарышкина (племянника царя Петра), - Иван Зейкин (Зейкер), венгр по национальности. Петр отправил ему рескрипт: «Господин Зейкин! Понеже время пришло учить внука нашего, того ради, ведая ваше искусство в таком деле и добрую совесть, определяем вас к тому, которое дело начни с Богом по осени».

Зейкер занимался с великим князем до 1727 года, в основном языками - латынью, немецким и французским. Учиться маленький великий князь не любил, успехи делал скромные, зато с упоением играл в солдатиков и стрелял из игрушечных пушек, то есть обнаруживал истинно царские пристрастия к военному делу «Он один из самых прекрасных принцев, каких только можно встретить, - умиленно писал французский посол Лави. - Он обладает чрезвычайной миловидностью, необыкновенной живостью и выказывает редкую в такие молодые годы страсть к военному искусству».

В 1726 году пришедшая к власти Екатерина I назначила одиннадцатилетнего Петра -единственного отпрыска Петра I по мужской линии - своим наследником, и встал вопрос о коррективах в его

воспитании. Теперь предстояло вырастить не просто «принца», но государя.

И воспитателем Петра Алексеевича был назначен один из выдающихся людей эпохи - Андрей Иванович Остерман (1687-1747). К этому времени он уже более двадцати лет жил в России и благодаря своим дарованиям, предприимчивости и трудолюбию успел сделать головокружительную карьеру. Остерман ведал русской внешней политикой, имел чины тайного советника и обер-гофмейстера, занимал посты вице-канцлера, сенатора и члена Верховного тайного совета.

Назначение воспитателем к наследнику - для Остермана это была не только важная ступенька в его карьерной лестнице, но и своего рода интеллектуальный и нравственный вызов. В век Просвещения вопрос о правильном воспитании идеального правителя занимал многие умы. Блестяще образованный Остерман хорошо знал и знаменитый трактат Лейбница «Воспитание

наследника», и книгу Фенелона «Телемак», и многие другие работы на эту тему, прекрасно представляя себе, что правитель должен быть «отцом своей страны» и своего народа, строгим, но справедливым и добродетельным законодателем. Он должен вести свой народ к благоденствию и всеобщему счастью, блюсти права и обязанности своих подданных и самому со своей стороны, быть ими чтимым и уважаемым.

С этими просветительскими идеями в голове Остерман занялся разработкой программы воспитания русского «принца». Она получила название «Княжье зеркало».

Это пособие наряду с принципиальными высказываниями о государстве и политике содержало детальные инструкции по различным дисциплинам.

Юному великому князю рекомендовалось изучать языки, а также «статскую историю», «общую политику» и военное искусство. Прочие науки - математику, космографию, знания естественные и геральдику - предполагалось преподавать так, как «к увеселению потребно». Особое внимание было уделено истории и «нынешнему всех государств состоянию». На поучительных примерах прошлого и внимательном анализе настоящей политики европейских держав Петр должен был «свое государство, оною силу, потребность и способы как в зеркале увидеть». Особенно важным казалось, чтобы отрок о «житии и делах Петра I и всех приключениях его владения довольное и подлинное известие имел».

К практическому преподаванию Остерман (сам, конечно, не учивший, но осуществлявший общее руководство) привлек ученых из новооснованной Академии

наук. Академики Я. Герман и Ж.Делиль составили для Петра Алексеевича учебник по математике. Другой академик - Готлиб Байер - пособие по античной истории от сотворения мира до падения Рима. Блестяще образованный архиепископ Новгородский Феофан Прокопович написал «Наставление в христианском законе». Учебников на русском языке тогда почти не было, и эти книги пригодились потом не только другим царевичам, но и всяким простым школярам.

Теоретическая часть была в порядке. Дело оставалось за малым - превратить теорию в практику. И вот тут все забуксовало.

Пока писались учебники и инструкции, умерла Екатерина, и Петр стал императором. И хотя опеку его до совершеннолетия осуществлял Верховный тайный совет во главе с А. Д. Меншиковым, малолетний самодержец и сам был наделен немалой властью.

Его милости и щедрости домогались толпы царедворцев; у него явились толпы ласкателей. От расположения ребенка зависели многие судьбы. Что мудреного, что скоро Петр уже позволял себе кричать на Меншикова: «Я тебя научу, что я - император и что мне надобно повиноваться!» (И научил: вскоре Меншиков сгинул в березовской ссылке.)

Составленная вице-канцлером Остерманом учебная программа не была перегружена. С понедельника по пятницу Петру Алексеевичу предстояло высидеть всего двенадцать уроков по географии, истории и арифметике. Классные занятия перемежались играми, физическими упражнениями и музыкой. Дважды в неделю - по средам и пятницам - утренние часы (с 9 до 12) должны были посвящаться присутствию на заседаниях Верховного совета, дабы приобщаться к течению государственных дел.

Сперва проект программы поступил на утверждение в Верховный тайный совет. Там сразу было замечено, что Остерман как немец и рационалист пренебрег религиозной составляющей воспитания государя и, кроме утренней молитвы, никаких предметов вероучения в программу не включил. Пришлось вносить исправления: «В дванадесятые и господские праздники и в воскресные дни приходить во Святую церковь к литургии и во время оной стоять со страхом и пение слушать со вниманием, а особливо во время чтения Апостола и Евангелия прилежно слушать и рассуждать о Законе Божьем».

Потом проект поступил на утверждение... к самому императору, а как же иначе? Тот тоже внес в расписание свои поправки: «В понедельник пополудни от двух до трех часов учиться, а потом солдат учить; пополудни вторник и четверг с собаками в поле; пополудни в среду солдат обучать; пополудни в пятницу с птицами ездить; пополудни в субботу

музыкою и танцованием; пополудни в воскресенье в летний дом и тамошние огороды». То есть после обеда император учиться решительно не желал.

После внесения исправлений Его Величество изволил проект утвердить, но осуществлять его не торопился.

За все лето 1727 года Петр II лишь два раза и то на самое короткое время посетил заседания Совета. Уроки также проходили от случая к случаю, когда Остерману лаской или хитростью удавалось заманить царя в классную комнату. К слову сказать, отношения у Остермана и Петра были очень хорошие. У вице-канцлера у самого росли двое мальцов; к царственному мальчику он очень привязался и успевал иногда пробудить лучшие черты его характера - добродушие, живость и любознательность. Петр тоже полюбил наставника и без нужды старался его не огорчать. Но Остерман с его уроками и наставлениями был так скучен! К тому же разбираться в учебной премудрости тогдашнему школяру было сложно из-за крайне невнятного слога учебников и задачников. Литераторы лишь начинали шлифовать родную речь, готовя ее к превращению в литературный язык, а пока ученику предлагалось заучивать наизусть такое, например, определение: «Что есть умножение? - Умножить два числа вместе значит дабы сыскать третье число, которое содержит в себе столько единиц из двух чисел, данных для умножения, как и другое от сих двух чисел содержит единицу...», ну и так далее.

В итоге от учебы юный царь все чаще отказывался, зато «внеучебная программа» осваивалась им с большим рвением, да еще и с прибавлением, в особенности с тех пор, как в камергеры к императору был назначен сын одного из верховников - семнадцатилетний оболтус князь Иван Долгорукий.

Петр рос в одиночестве, без общества сверстников. Единственным близким по возрасту человеком в его окружении была сестра Наталья. Юный царь сестру очень любил, но она была девчонкой, к тому же не по летам разумной и вечно норовившей дать брату полезные советы. А ему не хотелось советов, ему хотелось жить легко и весело и иметь друга-приятеля.

Молодой Долгорукий был человеком легким, веселым, беспринципным, как сейчас говорят, «безбашенным». Он был старше, опытнее и притом очень хотел понравиться юному императору (Долгорукие мечтали о власти, которую могла обеспечить только близость к государю).

Ничего мудреного, что Петр увлекся новым товарищем и быстро к нему привязался. И Долгорукий приобщил царственного друга ко всему, что страстно любил сам: к ружейной охоте, веселым пирушкам, медвежьей травле, кулачным боям, карточной игре и утехам женской плоти.

Жизнь юного императора расцвела самыми яркими красками. Теперь он месяцами пропадал в охотничье-увеселительных поездках, то под Москвой в окрестностях Измайлова, то в Ростове, Боровске, Коломне. В промежутках присутствовал на учениях гвардейских полков, плясал на балах, «строил куры», как тогда выражались, своей очаровательной юной тетке Елизавете Петровне, такой же любительнице охоты и светских увеселений. (Глядя на их флирт, Остерман даже подумывал о внутридинастическом браке: с точки зрения политики союз Елизаветы и Петра был очень даже соблазнителен, ибо соединял воедино обе ветви петровского потомства.)

Наблюдавшие жизнь русского двора иноземные посланники слали в Европу нелицеприятные отзывы.

«Монарх говорит со всеми в тоне властелина и делает, что хочет. Он не терпит пререканий, постоянно занят беготней; все кавалеры, окружающие его, утомлены до крайности».

«Он высокого роста и очень полон для своего возраста... Он бел, но очень загорел на охоте; черты лица его хороши, но взгляд пасмурен, и, хотя он молод и красив, в нем нет ничего привлекательного или приятного».

«Молодость царя проходит в пустыжах... он не заботится о том, чтобы быть человеком положительным, как будто ему и не нужно царствовать. Остерман употреблял всевозможные средства, чтобы принудить его работать, хотя бы в продолжение нескольких часов, но это ему никогда не удавалось».

«Царь только участвует в разговорах о собаках, лошадях, охоте... а о чем-нибудь другом и знать не хочет».

«Царь с некоторого времени взял привычку ночь превращать в день и целую ночь рыскает со своим камергером Долгоруким».

«Говорят, что он начинает пить... О некоторых же других его страстях упоминать неудобно...»

«Прежде можно было противодействовать всему этому, теперь же нельзя и думать об этом, потому что государь знает свою неограниченную власть и не желает исправиться».

«Дело воспитания государя идет плохо».

Стремясь сохранить привязанность императора любой ценой, Долгорукие не только изощрялись во все новых и новых развлечениях монарха, но и стремились выдавить из его жизни Остермана со всеми остатками его влияния. На пользу нравственной физиономии Петра эти усилия явно не шли. «Нельзя не удивляться, - фиксировал французский посол зимой 1729 года, - умению государя скрывать свои мысли; его искусство

притворяться -замечательно. На прошлой неделе он два раза ужинал у Остермана, над которым он в то же время насмеялся в компании Долгоруких; перед Остерманом же он скрывал свои мысли: ему он говорил противоположное тому, в чем он уверял Долгоруких».

Остерман видел, что проигрывает. Несколько раз он заговаривал об отставке, так как не желал принимать на себя ответственность за заведомо безнадёжное дело, но медлил и не уходил - уж очень не хотелось признавать свое фиаско. В его голове мелькали новые планы: отправить императора учиться за границу... приискать где-нибудь в Германии профессора, разбирающегося в тонкостях охоты, чтобы просвещал Петра во время его излюбленного занятия... Разразившаяся вскоре катастрофа положила конец и этим планам, и самому наставничеству Остермана.

Вечно обеспокоенные укреплением своего влияния на юного государя Долгорукие пошли ва-банк и надумали связать Петра со своим семейством нерасторжимыми узами. С этой целью ему в буквальном смысле «подложили» в постель красавицу Екатерину Долгорукую, родную сестру камергера Ивана.

Утром, протрезвев и проспавшись, четырнадцатилетний Петр узнал, что «как честный человек» должен теперь искупить «миг увлечения» женитьбой, ибо «похитил у молодой особы то, что вернуть было отнюдь не в его власти».

Эта перспектива, кажется, вразумила Петра. Впервые в жизни он задумался над последствиями своих поступков. Невеста была на четыре года старше; он не любил ее, но Долгорукие наседали, а Петр был «честный человек». День свадьбы назначили.

Внимательные наблюдатели отмечали, что после торжественной помолвки мальчик-император очень переменялся. Он постоянно был хмур и задумчив, выказывал холодность к невесте, презрительно

отзывался о своих новых родственниках, обзывая их «двуногими собаками». Впервые за много месяцев Петр отказался от охоты и даже заговорил о том, чтобы раздать желающим всю свою псарню.

Несколько раз, втайне от Долгоруких, он встречался по ночам с Андреем Ивановичем Остерманом. Даже заниматься стал прилежно.

Но роковой день приближался.

6 января 1730 года, за тринадцать дней до свадьбы, назначенной на 19-е, у Петра обнаружили признаки оспы. Он слег и в ночь с 18 на 19 января, аккурат накануне венчания, скончался. Так завершилась вторая неудачная попытка воспитать для России идеального монарха.

Через несколько месяцев княжна Долгорукая родила мертвого ребенка; на этом пресеклась линия потомков несчастного царевича Алексея Петровича.

Царственные пионерки

Естественно, что ни дочери, ни племянницы Петра не воспитывались как будущие императрицы. Правда, смысла в их существовании было теперь больше, чем у царевен прежних лет. Те были обречены на почтенное, но бесплодное существование «царских молитвенниц», на прозябание в дальних покоях дворца, без всякой надежды на супружество, деторождение и даже просто на право распоряжаться самой собой.

Девочкам, рожденным в новое время, готовилась иная судьба. Петровская Россия входила в европейскую семью. Ей нужны были прочные международные связи, для установления которых годились прежде всего династические браки. И девушки из царского дома сделались разменной политической монетой, на которую со временем надеялись получить политический же капитал. В обязанность царевнам вменялось не отпугивать, но привлекать потенциальных женихов и уметь с ними объясниться. Это и было главным в их воспитании.

По сути, именно с этих девочек - дочерей Петра Анны и Елизаветы и его племянниц Екатерины, Анны и Прасковьи - началось в России женское образование. Оно было еще, конечно, очень неказистым - кривое, одностороннее, всякое, - но ведь тут главное - начало. По целине была протоптана первая тропка, а уж потом по ней прошло множество новых девочек - и царских, и не царских дочерей.

Дети покойного царя Ивана воспитывались в Измайлове, при дворе своей матери, вдовой царицы Прасковьи Федоровны, в обстановке вполне традиционной, хотя уже и тронутой «бесчинием» новых

времен. Царица была женщиной благочестивой и богобоязненной, суеверной и малограмотной и хотя приобщилась несколько к увеселениям и образу жизни новой эпохи, все же предпочитала жизнь по старинке. Ее окружала бесчисленная челядь, приживалки и призываемые, странные и убогие, шуты, сказочницы, монахини и юродивые. Атмосфера была своеобразная. Камер-юнкер Берхгольц описал в своем дневнике от 1822 года визит в Измайлово. Их привели прямо в спальню царицы, где пол был устлан красным сукном и стояли рядом две кровати - Прасковьи Федоровны и ее любимой дочери Екатерины Ивановны. Гости были шокированы присутствием там же какого-то «полуслепого, грязного и страшно вонявшего чесноком и потом» бандуриста, который «тешил» хозяйку ее любимыми песнями, судя по реакции слушательниц, довольно «скромного» содержания. Тут же слонялась «босиком какая-то старая, слепая, грязная, безобразная и глупая женщина, на которой почти ничего не было, кроме рубашки...».

Дочерям царица Прасковья, по обычаю, дала по целому штату мамок и нянек, а когда пришла пора, дворцовые «мастерицы» обучили девочек грамоте и молитвам (Анну учила некая Ильинична). Известно, что в 1693 году «по ее (Прасковьи Федоровны) изволению и повелению известный ученый иеромонах Карион Истомина преподнес царице экземпляр составленного им „Букваря славяно-российских письмен со образованиями вещей и с нравоучительными стихами“, писанный красками и золотом. По такому же букварю занимался и царевич Алексей Петрович. Заучивали его наизусть и царевны - дочери Прасковьи Федоровны, и, верно, немало слез при этом пролили. Держали девочек в строгости, и с розгой, без которой тогда не учили, они были знакомы не понаслышке.

Ну а потом пришли новые времена. И по образцу образования царевича Алексея царице Прасковье пришлось приискивать дочерям „ученых немцев“. В скором времени к царевнам приставили гувернера и учителя немецкого языка Иогана-Христофора-Дитриха Остермана -немца важного, молчаливого, преисполненного чувством собственного достоинства. И глупого, как гусак. Единственной заслугой этого во всех отношениях бездарного человека было то, что он представил к русскому двору своего младшего брата Генриха-Иоганна, перекрещенного в России в Андрея Ивановича

Чему старший Остерман учил царевен - бог весть. Мать, царица Прасковья, в таких делах нисколько не разбиралась, а дяде, царю Петру, было не до племянниц. Он и за собственным-то сыном не мог уследить. При девочках состоял немец - и на тот момент этого было достаточно, чтобы считать, что они получают достойное образование. По-немецки, во всяком случае, и Екатерина, и Анна впоследствии говорили, но была ли в том заслуга Остермана или это жизнь научила - сие нам не ведомо.

Кроме немца, к царевнам был взят и француз - Стефан Рамбурх, которому обещали 300 рублей в год за то, чтобы он всех трех царевен „танцу учил и показывал зачало и основание языка французского“. Сам Рамбурх свой родной язык знал плоховато, а писал совсем безграмотно, но все же под его руководством царевны задолбили по несколько французских фраз. Что же касается танцев, то тут дело почти не сдвинулось с места за явной и вопиющей неуклюжестью и музыкальной бестолковостью всех трех царевен. Если у старшей

Екатерины хоть что-то иногда вытанцовывалось, то Анна же с Прасковьей были совершенно безнадежны. К слову сказать, обещанного вознаграждения учитель

Рамбурх так ни разу и не получил, так что и стараться было не с чего.

В общем, ни одна из дочерей Прасковьи Федоровны ни в науках, ни в „политесе“ не преуспела. Вышедшая замуж за герцога Мекленбургского Екатерина впоследствии поразила своих германских подданных полной необразованностью, дурным тоном, пошлыми манерами и вульгарным нравом, за что получила прозвище „дикая герцогиня“.

Даже по-русски царевны писали с грехом пополам. Так, Анна Ивановна адресовалась матери: „1сволили вы свет Моі приказовать камне нетли нужды мне вчом здес вам матушка мая извесна што у меня ничаво нет... а деревенскими даходами насилу я магу дом і стол сеоі вгот садержат“.

Впрочем, по-настоящему грамотных женщин в России, похоже, тогда вовсе не существовало. Практически все, кто умел писать, писали „как слышится“, не мороча себе голову ни правилами орфографии, ни знаками препинания. Огромное большинство дворянок

- даже из очень родовитых семей - вообще не умели тогда ни читать, ни писать. И ничего -проживали жизнь и не тужили.

Дочери Петра I, Анна и Елизавета, росли гораздо позднее своих двоюродных сестер и в совсем другой семье. Мать их была „немка“, казалось бы, полностью выключенная из русской традиции. И тем не менее младенчество обеих „принцесс“ ничем не отличалось от первых лет дочерей царя Ивана. Были кормилицы, мамки, няньки, бесконечное баловство, кутанье и обжорство, полный набор положенных песен, сказок, суеверных примет и т. п. Впоследствии Елизавета, как и Анна Иоанновна, обнаруживала в своих привычках, наклонностях, в образе мыслей и предрассудках многие старорусские черты: это и любовь к народным песням и

пляскам, и боязнь колдовства, сглаза и порчи, и глубокая ненарушимая набожность, и даже пристрастие к чесанию пяток на сон грядущий.

Тем не менее уже с трех-четырёх лет девочки стали появляться на публике (что в предшествующую эпоху, как мы помним, было совершенно невозможно). Теперь детей больше не прятали. Более того, с царевен еще и писали портреты - тоже шаг новый и рискованный: в предшествующие годы изготовление „парсуны“ (портрета) допускалось только после смерти, чтобы не навредить живому.

„Светским дебютом“ Анны и Елизаветы стало участие в венчании собственных матери и отца, во время которого крошки-принцессы исполняли обязанности „подружек невесты“. Дальнейшее их воспитание происходило уже в новом духе. У них были гувернантки и учителя, и вскоре после того, как обе девочки овладели русской грамотой (к восьми годам) и прочитали положенные первые книги (все те же Часослов, Псалтирь и пр.), их стали учить „телесному благолепию“, а также „поступи немецких и французских учтивств“. „Учтивства“ эти состояли в знании церемонных поклонов, в умении танцевать, „держат спину“, принимать картинные позы и грациозно (или хотя бы жеманно) двигаться. Учили также языкам. По-немецки и по-французски дочери Петра могли впоследствии свободно и изъясняться, и писать (без грамматики). По-итальянски, фински и шведски - довольно внятно говорить. В танцах их успехи были еще более впечатляющими, особенно у грациозной и подвижной Елизаветы. Она „танцует так хорошо, как я еще никогда не видывала“, - свидетельствовала супруга английского посланника леди Рондо.

Учили девочек и рукоделию: в церкви подмосковного села Перова (где, как говорили,

Елизавета тайно венчалась с Алексеем Разумовским) долгое время сохранялся комплект церковных облачений и богослужебных предметов, вышитых лично императрицей.

Царевны росли в окружении людей, которым специальными указами приходилось предписывать не сморкаться на пол, не спать в обуви и хотя бы перед ассамблеей менять нательное белье. Уже в девяносто лет Анна с Елизаветой эти самые ассамблеи посещали, а там чего только нельзя было насмотреться да послушаться - и „вусмерть“ упившихся, и матерно бранящихся, да и сцены недвусмысленно-откровенных придворных „амуров“ не оставались незамеченными юными царевнами. Петровское время, как всякая переломная эпоха, ознаменовалось своего рода малой „сексуальной революцией“ и нравы при тогдашнем дворе отличались изрядной распущенностью. Неудивительно, что Елизавета (об Анне сохранилось мало сведений) довольно рано и не дожидаясь брачного венца приобщилась к плотским удовольствиям. Она умела делать реверансы, горделиво и уверенно подать руку для поцелуя, знала предназначение вилок и ножей, могла по всем правилам -милостиво и любезно - по-французски приветствовать иноземного посланника - ну и довольно. Вне официальной обстановки можно было ходить дезабилье и непричесанной, звать придворных дам „девками“, бранить их, не стесняясь в выражениях, и собственноручно лупить прислугу по щекам.

Искушенные иностранцы оплошности Елизаветы, конечно, замечали, иногда сдержанно называли ее в дипломатической переписке „грубоватой“, но в основном тактично помалкивали.

Были ли в программе обучения царевен какие-то собственно научные дисциплины -точно неизвестно. Во всяком случае, князь М.М. Щербатов в своей книге „О

повреждении нравов в России“ сказал о Елизавете как припечатал: „От природы одарена довольным разумом, но никакого просвещения не имела, так что меня уверял Дмитрий Васильевич Волков, бывший конференц-секретарь, что она не знала, что Великобритания есть остров“. Не исключено, что какие-то сведения из истории и географии сестрам все же сообщали, но позже, за недосугом и ненадобностью, они просто выветрились из памяти.

Сам Петр успехами своих дочерей был очень доволен, умилялся, глядя, как они переводят из книжки французские тексты, и, вздыхая, жалел, что сам в свое время почти не учился. В общем, он был прав: при всей недостаточности воспитания его дочерей было заметным шагом вперед по направлению к Европе, да и вряд ли кто из юных современниц Елизаветы и Анны мог похвастать чем-то лучшим.

Завершилось воспитание дочерей Петра, когда им было по тринадцать лет - то есть к их совершеннолетию. Само это совершеннолетие было обставлено особым обрядом - то ли изобретенным лично императором, то ли где-то им, по обыкновению, подсмотренным. Во время праздника по случаю дня рождения девочки выходили к гостям в белых платьицах с приделанными за спиной крылышками; отец-император торжественно брал ножницы и эти крылышки обрезал. Ангелы превращались в девиц на выданье. Потом следовали родительские напутствия, взаимные лобзания, слезы радости и поздравления.

Обряд был живописным, но остался достоянием только петровской эпохи. В более поздние времена ему не следовали.

Утратив ангельские крылышки, царская дочь отбрасывала книжки и тетрадки; ей шили взрослый гардероб, начинали усиленно сватать - словом, дальше шла взрослая жизнь.

Как и в случае с Алексеем Петровичем, воспитание царевен сделалось для русского дворянского общества того времени образцом, на который полагалось равняться.

В этом же роде получила воспитание и будущая правительница Анна Леопольдовна. Отличие заключалось только в том, что гувернантке маленькой принцессы - мадам Адеркас, о которой современники отзывались как об особе прекрасно образованной, начитанной, благоразумной и в целом отличавшейся „прелестью души“, удалось привить воспитаннице редкостное по тем временам качество - любовь к чтению (при дворе это был едва ли не первый такой случай!). Так что впоследствии главным занятием Анны было по целым дням валяться в постели неодетой и при этом глотать том за томом французские романы (французским языком она владела совершенно свободно).»

Бедный, бедный... Петр

Великий князь Петр Федорович, сын дочери Петра Великого рано умершей Анны Петровны и герцога Гольштейн-Готторпского Карла-Фридриха, появился на свет в 1728 году в столице Гольштейна (или как тогда говорили и писали - Голштинии) - городе Киле. При рождении он был наречен Карлом-Петером-Ульрихом и крещен в лютеранскую веру. Вплоть до четырнадцати лет он рос и воспитывался вдали от России, в соответствии с немецкими традициями, и, лишь став официальным наследником российского престола, вкусил несколько и «русского» воспитания.

В трехмесячном возрасте Петр остался без матери; в одиннадцать лет - без отца. Отец долгое время был к сыну довольно равнодушен - по представлениям XVIII века отцам вообще не следовало обращать внимания на детей до достижения ими «отрочества» - десяти-одиннадцатилетнего возраста.

Как раз десятилетним сыном Карл-Фридрих наконец озаботился - и присвоил ему чин секунд-лейтенанта.

После этого Карл-Петер несколько раз участвовал в воинских экзерцициях рядом с родителем, на глазах у него взял первый приз за меткую стрельбу - и на всю жизнь сохранил об отце сентиментальные воспоминания.

Династическое будущее ребенка было смутно. Прямой потомок Петра Великого со стороны матери, по отцу он приходился внучатым племянником шведскому королю Карлу XII (тому самому, который с Петром воевал). Карл-Петер (объединивший имена обоих славных дедов) в равной степени мог унаследовать как русскую, так и шведскую короны. Русская перспектива

юного герцога пугала: Россия была для него неведомым краем, населенным медведями и дикарями. Шведская восхищала: лестно было бы занять место столь великого полководца, каким считался дед Карл. Но вполне устраивала и перспектива стать голштинским герцогом. Голштинию, свою родину, Карл-Петер очень любил.

Впрочем, о русской перспективе, как казалось, вскоре следовало забыть: на престоле оказалась линия Милославских (Анна Иоанновна и ее потомство), и Карлу-Петеру в России, как сейчас выражаются, «ничего не светило». Его стали готовить к шведскому престолу: учить шведскому языку и наставлять в шведском варианте протестантизма. Отец к тому же желал, чтобы сын воспитывался по-военному, на прусский лад.

Когда отец умер, опекуном Карла-Петера сделался его дядя, епископ Любекский Адольф-Фридрих. Слишком озабоченный государственными делами, он свел заботы о племяннике к материальному обеспечению воспитания, а также к регулярному (раз в год) просмотру подробных отчетов приставленных к ребенку наставников.

В 1738 году, когда Карлу-Петеру было десять лет, его воспитание поручили обер-гофмаршалу графу Отто фон Брюммеру, отставному офицеру шведской кавалерии и преданному поклоннику «прусского милитаризма». Брюммер, по отзывам современников, был человеком грубым, мрачным и жестоким, способным, может быть, выдрессировать лошадь (бедная лошадь!), но никак не воспитывать принцев.

Брюммеру, как и подведомственным ему учителям, была дана полная власть карать и миловать юного герцога в соответствии с утвержденными инструкциями. Помимо прописанных там наказаний, о которых чуть ниже, почтенный наставник не пренебрегал и собственноручными кулачными

расправами (которые продолжались потом и в России, куда граф последовал за воспитанником), а также солдатской бранью.

Еще до Брюммера Карла-Петера учили читать и писать по-немецки, арифметике и основам вероучения. Теперь к этим предметам прибавились: латинский, французский и шведский языки, богословие, история, география, юриспруденция и танцы. Кроме того, герцога обучали верховой езде и фехтованию, но нерегулярно: эти уроки он должен был заслужить успехами в основных дисциплинах.

Четыре года - с 1738-го по 1741-й - жизнь Карла-Петера текла по заведенному порядку, без всяких отклонений от расписания. Ему преподавали одни и те же предметы; у него были одни и те же учителя.

С девяти до двенадцати часов у него шли три часовых урока, без перерывов. Далее, до трех часов пополудни, следовали обед, послеобеденный отдых, прогулка и свободное время. С трех до шести часов проходили (без перерывов) еще три часовых урока. Верховой езде - если она дозволялась - герцога обучали до уроков, с семи тридцати до восьми тридцати; фехтованию - в середине дня, с двенадцати до часа дня.

Занятия проходили ежедневно, кроме воскресений, Рождества, Страстной пятницы и Пасхальной недели. От уроков освобождала только болезнь юного герцога либо проезд в Киль «знатных особ владетельного достоинства». Поскольку знатные особы в Киль все эти годы не приезжали, а достаточно серьезная болезнь постигла герцога лишь дважды (три дня в 1739 году и четыре дня в 1740-м), то регулярности занятий не мешало ничего. Правда, у Карла-Петера имелись и государственные обязанности (после смерти отца он был правителем Голштинии, хотя и несовершеннолетним, нуждавшимся в регенте).

Согласно этим обязанностям герцог присутствовал на церемониях или богослужениях, он делал это во время перерыва в занятиях - с полудня до трех часов и потому оставался без обеда.

По воскресеньям Карл-Петер посещал службу в городском соборе и - если всю неделю учился успешно - полуденный развод караула. С трех до пяти часов герцог прогуливался в сопровождении одного из учителей, который все это время проводил поучительную беседу на темы своего предмета. Изредка (два-четыре раза в год) в вечерние часы в замке проводились балы или концерты, на которых герцог мог оставаться до девяти часов вечера.

Богословие и историю Карлу-Петеру преподавал пастор Фридрих Хофеман. В программу входило изучение Катехизиса, Евангелия, заучивание молитв и избранных протестантских гимнов, а также комментированное чтение Библии. Богословию мальчик учился без блеска, но неплохо, и особенно оживлялся, когда в уроках принимал участие органист городского собора, аккомпанировавший во время пения. Герцог любил музыку.

В истории как в предмете преподавания Хофеман, похоже, не слишком разбирался и учил ей бессистемно. После правления Юлия Цезаря изучались греко-персидские войны, потом - падение Рима, дальше - древняя Спарта и т. д. Нечего удивляться, что в голове у ученика образовалась каша, и успехи по предмету он показывал весьма скромные. Но в целом с Хофеманом они ладили; тот никогда на ученика не жаловался и по его инициативе мальчик ни разу не был наказан.

Довольно благополучно проходили уроки географии у профессора Эвальда Эбевольде. Карл-Петер охотно изучал географические карты и устройство компаса, «путешествовал» по глобусу, сам по памяти рисовал очертания различных стран и т. д. Эбевольде умел

интересно рассказывать, так что многое оседало у ученика в памяти.

Правда, невнимание и неаккуратность на этих уроках неукоснительно карались. И когда Эбевольде обмакивал перо в чернильницу и выводил в журнале очередное замечание: «Слушая про течения рек Рейна и Эльбы, Его Высочество был отвлечен игравшей во дворе замка музыкой, почему выслушанной лекции повторить в главных терминах без важных ошибок не сумел», - Карлу- Петеру оставалось лишь тоскливо вздохнуть и гнать от себя мысль о грядущих последствиях.

Самым любимым из наставников был француз Жак Миле. У него ребенок учился лучше всего: с охотой декламировал наизусть французские стихи и писал ежедневно короткие сочинения и переводы. За четыре года Миле ни разу не наказал ученика и неизменно вносил в журнал одну и ту же фразу: «Его Высочество, явив достойное прилежание и усердие, на нынешней неделе учения своего весьма достоин награждения».

Впоследствии в России Карл-Петер французскому уже не учился, так как знал его вполне удовлетворительно.

Мучительными и бесплодными были для нашего героя занятия с другим французом -юстиц-советником Люсьеном Жюлем, который преподавал два предмета - латынь и юриспруденцию. В обоих Карл-Петер нещадно «плавал». Жюль был педант, учил невыносимо скучно и сложно, мучил ученика зубрежкой и труднейшими переводами. На юриспруденции изучалось только римское право, причем зазубривались наизусть многостраничные юридические трактаты на латыни, а уроки латыни неизменно начинались с заучивания грамматических правил или длинейших списков слов, а потом являлись труды Тита Ливия или Цицерона, а то и латинская Библия - ее в целях усложнения задания следовало переводить не на немецкий, а на

французский язык, - после чего следовал разбор перевода. Если в тексте находилось пять ошибок, результат считался неудовлетворительным, и Жюль злорадно писал в журнале: «Его Высочество достоин наказания... весьма строгого наказания... жестокого наказания... достоин телесного наказания». При этом Жюль был единственным из учителей, кто лично присутствовал при исполнении телесных наказаний, назначавшихся ребенку.

Подлинным мучением для малолетнего герцога были уроки танцев. «Танцмейстер Дюмени то ли ничего не понимал в своем деле, то ли не терпел воспитанника, то ли был ограничен в своих педагогических предприятиях особым предписанием», - пишет биограф Петра III. За четыре года мальчик разучил, занимаясь ежедневно, четыре танца - менуэт, контрданс и два церемониальных.

В танцклассе их бывало пятеро: учитель, аккомпаниатор - флейтщик полка лейб-гвардии Ханс Карстен, а также две дамы - баронесса фон Ливен и фрейлина Фетсброхен, исполнявшие обязанности партнерш по танцам. С юным герцогом танцевала наиболее заслуженная из дам - 43-летняя баронесса. Флейтист насвистывал, танцмейстер выкрикивал команды, одновременно проделывая образцовые фигуры с фройляйн Фетсброхен, а Карл-Петер топтался - все в одном и том же танце - рядом с умильно улыбающейся вдовой-баронессой, бывшей выше его на две головы, одетой в глубокий траур и годящейся, по понятиям того времени, ему в бабушки. Будущий император возненавидел танцы на всю оставшуюся жизнь и впоследствии, как умел, от них бегал, огорчая тетушку Елизавету Петровну.

Столь же настойчиво российский наследник впоследствии избегал верховой езды. Лошадей он очевидно боялся - и на то тоже имелись причины. По

личному распоряжению кавалериста Брюммера, для обучения юного герцога использовали строевых драгунских коней местной готторпской породы, известных на всю Европу своим злобным и непокорным нравом. Из них отбирали самых молодых и горячих, дабы «Его Величество от самого начала упражнений своих получил понятие о сложной лошади и не получил привычки к покорному повиновению лошади, от чего многие молодые люди не смогли сделаться хорошими наездниками».

Для лучшей школы одиннадцатилетнего герцога усаживали на лошадь без седла и стремян. Учитель верховой езды - гвардии капитан фон Бонберг - отвечал за безопасность ученика головой и, зная, что сам мальчик справиться со своим скакуном не в силах и уже не раз был сброшен и покусан лошадьми, но не смея ослушаться приказа, принял все меры предосторожности. Занятия происходили в небольшом манеже. Вокруг ограды стояли -пешие и конные - тринадцать драгун, готовых в любую минуту сдержать герцогского коня, если он понесет или перестанет повиноваться. Сам фон Бонберг неотступно сопровождал воспитанника,

который медленно ехал шагом, уныло наматывая круг за кругом.

Считалось, что занятия верховой ездой должны доставлять Карлу-Петеру удовольствие, и потому они проводились только тогда, когда целая учебная неделя проходила без единого замечания. Таких недель за время обучения набиралось, по счастью, не слишком много, так что верховой ездой в общей сложности герцог занимался около восьми месяцев.

Еще меньше ему довелось осваивать фехтование. Эти занятия нравились ребенку как сами по себе, так и потому, что на них бывали его сверстники -двенадцати-тринадцатилетние дворяне, числившиеся в

голштинском войске. Карл-Петер с упоением упражнялся с ними, пока комиссия его учителей во главе с Брюммером не пришла к выводу о вреде этих занятий: «От упражнений у Его Высочества с товарищами в фехтовании не имеется полезного действия, напротив же делается сильный шум и возбуждение, вследствие которых ко времени обеда Его Высочество бывает разгорячен, не прибран, излишне оживлен, подвержен смеху и отвлекается за столом многими страстными рассказами, что весьма скверно отражается на аппетите Его Высочества... из-за чего постановлено названные уроки для Его Высочества более не устраивать».

Печальная картина детства Петра III дополняется ежегодными экзаменами, каждый из которых требовал поистине недетской выносливости. Так, на экзамене по латыни в 1741 году тринадцатилетний герцог должен был перевести с латинского

на французский несколько страниц юридического трактата, для чего в восемь часов утра его заперли в «классном кабинете» до завершения работы. Все следующие четырнадцать часов (именно столько времени заняло задание) мальчик, не разгибая спины, трудился в полном одиночестве. За это время к нему трижды впускали камердинера, который приносил узнику по стакану воды и выносил «необходимую вазу».

В итоговом тексте перевода (семнадцать страниц убористым почерком) было найдено тридцать две ошибки, и экзамен признали «сданным недостойно». («Много ли найдется в современном мире тринадцатилетних детей, способных повторить достижение юного герцога Голштинского и перевести за день семнадцать рукописных страниц с одного неродного языка на другой?» - вопрошает по этому поводу биограф Петра.)

За успехи и неудачи малолетнего герцога поощряли или, наоборот, наказывали. На оба эти случая наставники имели конкретные, четко прописанные инструкции. К наградам относились: уроки, как уже сказано, фехтования и верховой езды; разрешение посмотреть в воскресенье развод караула; разрешение приобрести в воскресенье на свои карманные деньги или получить в подарок одну (одну!) игрушку - чаще всего коробочку с пятью оловянными солдатиками; разрешение присутствовать в воскресенье на концерте в замке; разрешение в воскресенье после церкви погулять по городу; разрешение участвовать в строевых занятиях гвардейского полка, где Карл-Петер числился майором.

Поскольку Карл-Петер почти постоянно получал плохие оценки и замечания от учителя латыни и юриспруденции, то награды ему выпадали нечасто, в особенности те, что стояли в конце списка и считались более желанными. Время от времени ему удавалось посмотреть на развод караула и примерно раз в месяц - получить новую игрушку. В самом вожделенном удовольствии - настоящих строевых занятиях - ему удавалось поучаствовать не чаще, чем раз в год.

Зато наказания сыпались на голову бедного принца часто и в изобилии. Они тоже имели свою градацию: оставление без сладкого (эта мера действовала почти постоянно); запрещение играть в игрушки (камердинер собирал все игрушки в покоях герцога и запирали их в шкаф под замок); уничтожение некоторого количества игрушек на глазах у герцога (ребенка вели к камину, камердинер приносил игрушки, бросал их в камин, а мальчику полагалось стоять и смотреть, пока они совершенно не сгорят). Такие аутодафе ребенок пережил около тридцати раз.

Еще в числе наказаний было: надевание на все воскресенье позорного колпака (свыше тридцати раз);

пребывание с вечера субботы до утра понедельника в одном белье и босиком в «малой капелле» замка на хлебе и воде. Под такой арест в полуподвальной темной и неотопливаемой капелле Карл-Петер попадал в общей сложности двадцать пять раз.

Наконец, прибегали и к телесным наказаниям: «легкому» - стоянию по два-четыре часа на коленях, «ординарному» - стоянию от получаса до двух часов с обнаженными ногами на коленях на горохе (позже Карл-Петер вспоминал, что ноги после двух часов стояния краснели и так распухали, что он едва мог ходить весь следующий день). Наконец, имелось «жестокое» наказание - розгами. Обставлялось оно с мрачной торжественностью. В субботу в восемь часов вечера в одном из парадных покоев замка собирались воспитатели и учителя (обычно только Брюммер и Жюль), лейб-медик, все желающие придворные (до пяти человек), два военных флейтиста и два барабанщика. Сержант вводил приговоренного - маленького герцога. Брюммер зачитывал акт о назначении наказания. Затем ребенок должен был самостоятельно раздеться догола и лечь на лавку лицом вниз. Два солдата держали его: один за щиколотки, другой - за кисти рук, вытянутых над головой. Появлялся палач с закрытым маской лицом; приносили розги. По сигналу Брюммера музыканты начинали играть марш, а ребенка в это время пороли. После каждых десяти ударов использовался свежий пучок розог. Брюммер считал удары, а с завершением наказания давал сигнал музыкантам. Марш обрывался. Зрители и солдаты покидали зал, оставляя ребенка наедине с

лейб-медиком.

Такие экзекуции Карл-Петер переносил семь раз, получая от двадцати до сорока ударов

Случались у юного герцога и особенно горькие недели. Так, в одну из недель февраля 1740 года он умудрился получить самые плохие отзывы по четырем предметам плюс нарекания от географа и требование строжайшего взыскания от учителя танцев. В результате приговор воспитательного совета звучал так: «в субботу в 8-м часу пополудни устроить Его Высочеству экзекуцию посредством сечения розгами 35 раз, сразу после которой препроводить Его Высочество босым и без платья в малую капеллу для заточения там под замком и с пропитанием фунтом крестьянского хлеба и водой до утра понедельника, в ходе коего заключения в воскресенье в полдень подать в малую капеллу 6 фунтов гороху, на каковой, рассыпав его в ящике, поставить Его Высочество без нижних штанов на колени на два часа... По освобождении же Его Высочества из заточения во всю будущую неделю до субботы 8 часов пополудни воспретить Его Высочеству употребление сладкого блюда за обедом, развлечение с игрушками (кои запереть сегодня же камердинеру Баху), а также определенных занятий фехтованием и верховой ездой в будущую неделю Его Высочеству не иметь».

Меж тем на российский престол взошла императрица Елизавета Петровна - и почти сразу озаботилась объявлением себе наследника. Выбирать, собственно, было не из кого: ее единственным близким родственником был племянник - «Его Королевское Высочество владетельный герцог Голштинский».

В декабре 1741 года в Киль прибыло секретное русское посольство, и после переговоров дядя-опекун с радостью передоверил судьбу юного герцога его тетке по матери. В начале февраля 1742 года Карл-Петер вместе со своим воспитателем Брюммером прибыл в Петербург.

Императрица Елизавета встретила «кровиночку» с искренней радостью, осыпала его поцелуями, пообещала стать второй матерью. Несколько дней северная столица ликовала, благо уже 10 февраля «Его Королевскому Высочеству» исполнилось четырнадцать лет, и это тоже следовало отметить.

Потом, когда суматоха несколько улеглась, Елизавета заметила наконец, что новообретенный наследник... несколько странный. Роста небольшого, щуплый, очень бледный, напряженно прямой, дергается, как марионетка, говорит громко и отрывисто, почти кричит - как глухой. В общем, странный. Но выбирать не приходилось, к тому же тетка-императрица понадеялась, что под родственной лаской и заботой сирота согреется и успокоится. Пока же следовало озаботиться его учебой и подготовкой к переходу в православие (русский государь никоим образом не мог быть лютеранином).

В присутствии императрицы Петра проэкзаменовали, и Елизавета (безграмотная Елизавета!) была поражена его невежеством. О России племянник не знал ничего, что и естественно - учили его совсем другим вещам.

Императрица назначила русским воспитателем Петра профессора петербургской Академии наук Якова Штелина. Русскому языку наследника обучал дипломат Исаак Веселовский, а в православии наставлял иеромонах Симон Тодорский.

Уже через год Петр вполне успешно переводил немецкие тексты на русский язык и способен был изъясняться по-русски, хотя ни тогда, ни потом вполне свободно языком своей матери не овладел. В дальнейшем он всегда, предпочитал ему смесь немецкого с французским.

Достаточно успешно - во всяком случае, с формальной стороны, - произошло и обращение в

православие. Правда, почти по каждому догмату Петр вступал с отцом Симоном в бесконечные богословские прения, чем безмерно раздражал наставника, но к назначенному сроку все же заучил по-церковнославянски Символ веры и положенные молитвы. 7 ноября 1742 года в придворной церкви Летнего дворца Карл-Петер принял новое крещение и имя Петра Федоровича. «Герцог держал себя при этом довольно хорошо, - вспоминал Я. Я. Штелин. - Императрица была очень озабочена; показывала принцу, как и когда должно креститься, и управляла всем торжеством с величайшей набожностью. Она несколько раз целовала принца, проливая слезы, и с нею вместе все придворные кавалеры и дамы».

Несмотря на это, подлинно православным Петр Федорович так никогда и не стал. Взойдя на престол, он потребовал, чтобы из церквей были убраны все иконы, кроме образов Спасителя и Богоматери, чтобы облачения священнослужителей были заменены пасторскими сюртуками, а сами иереи обрили бороды.

Учивший Петра Штелин замечал у него цепкую и емкую память, интерес к форме предметов, увлечение всем военным - и с успехом использовал все это в уроках.

Русский воздух подействовал на Петра расслабляюще. Он стал показывать усталость во время слишком долгих и сухих занятий и часто просил заменить уроки по гуманитарным предметам чем-нибудь более для него интересным - геометрией, фортификацией или артиллерией.

Впрочем, он прошел курс русской истории (Штелин преподавал ее, используя коллекцию монет и медалей) - так что скоро мог без запинки перечислить всех русских государей от Рюрика до Петра I. Ознакомили его и с русской географией - посредством планов и описаний военных крепостей.

Знания появились, а чувств к новому местожительству не было. Петр так и остался немцем, скучавшим по родной Голштинии и равнодушным к стране, которой ему предстояло управлять.

Постепенно он действительно раскрепостился и оттаял - особенно когда его мрачный наставник Брюммер был отправлен обратно на родину. Теперь Петр держался даже чересчур непосредственно, почти разболтанно, был вечно весел и на немецкий лад шутив: любил посадить застольного гостя в кремовый торт, подставить собеседнику ножку или ловким движением выбить блюдо из рук официанта - и долго и громко потом смеялся.

Он перестал дичиться окружающих и часто, проникшись внезапной симпатией к какому-нибудь офицеру, пажу или лакею, вступал с ним в долгий доверительный разговор, откровенно повествуя о всех своих делах и побуждениях.

Он дал наконец волю своей любви к музыке (благо, тетка Елизавета ее тоже любила) - и выучился играть на «скрипиче», как уверяли современники, «довольно хорошо и бегло». Впоследствии Петр Федорович даже участвовал в концертах, играл с итальянскими музыкантами симфонии, отрывки из опер, и хотя порой фальшивил и пропускал трудные места в нотах - все равно его хвалили, и он считал, что играет вполне недурно.

Он смог наконец с головой погрузиться в подробности плац-парадной службы, до которой его столько времени не допускали. По его просьбе ему прислали из Киля военный отряд, с которым он занялся (наконец-то!) экзерцициями и маневрами в окрестностях Петербурга. Подлаживаясь под тон храбрых голштинцев и разыгрывая роль «честного и храброго офицера», Петр Федорович заставлял себя пить вино и курить трубку (наивно полагая то и другое

символами солдатской доблести). От трубки его тошнило; вино делало совершенно больным, но он мужественно терпел - старался «соответствовать».

Получив относительную свободу, он смог наконец владеть теми вещами, которых его лишали в детстве, обзавелся целой армией оловянных солдатиков, картонными крепостями, настоящим кукольным театром - и часами с упоением со всем этим возился, даже когда стал уже взрослым, женатым человеком, - «добирал» недополученное вовремя.

Таким - непосредственным, простоватым, доверчивым и, в общем, беззлобным вечным ребенком - он и взошел на престол. И через полгода его убили.

«**Вожделенный - пришел**»

«я. очень страдала, наконец, около полудня, следующего дня, 20 сентября <1754>, я разрешилась сыном, - писала Екатерина II в своих мемуарах. - Как только его спеленали, императрица ввела своего духовника, который дал ребенку имя Павла, после чего тотчас же императрица велела акушерке взять ребенка и следовать за ней. **Я** оставалась на родильной постели... **Я** много потела, я просила горничную сменить мне белье, уложить меня в кровать; она мне сказала, что не смеет... **Я** просила пить, но получила тот же ответ. Наконец, после трех часов пришла графиня Шувалова, вся разодетая. Увидев, что я все еще лежу на том же месте, где она меня оставила, она вскрикнула и сказала, что так можно уморить меня. Это было очень утешительно для меня, уже заливавшейся слезами с той минуты, как я разрешилась, и особенно от того, что я всеми покинута и лежу плохо и неудобно, после тяжелых и мучительных усилий, между плохо затворявшимися дверьми и окнами, причем никто не смел перенести меня на мою постель, которая была в двух шагах, а я сама не в силах была на нее перетащиться... Наконец, меня положили в мою постель, и я ни души больше не видала во весь день, и даже не посылали осведомиться обо мне».

При таких обстоятельствах появился на свет великий князь Павел Петрович - будущий Павел I, долгожданный ребенок, рождение которого знаменовало собой грядущее прекращение дворцовых смут и наступление устойчивости престолонаследия - при условии, конечно, что младенец выживет.

Появление на свет Павла стало важнейшим событием, ибо после Петра I русские императоры не имели детей и по кончине каждого правителя в государстве начинались разброд и смута. Рождение царевича - любого, лишь бы был, - возвещало появление шанса на установление некоторой стабильности.

На рождение Павла была выпущена медаль с изображением коленопреклоненной перед курящимся треножником женщины в короне и мантии, олицетворяющей собой Россию. Она готова принять на свои руки царевича-младенца, сидящего на подушке, которую держит находящийся в облаке гений. Рядом - щит с государственным гербом России, по верху медали надпись по латыни: «Вождеделенный - пришел».

М. В. Ломоносов откликнулся на событие стихами:

Под славным Скипетром Твоим, Елизавета,
К блаженству Росского не доставало света,
В потомках оногo наследия Петру.

Сего все подданны в усерднейшем жару,
Сего единого чрез девять лет желали,
И гласы к Вышнему и очи возвышали.

Сей глас, Монархиня, с Твоим соединенный,
Достигнул к небесам, и Бог им преклоненный
Возвеселил Петров благословенный дом И с ним Россию
всю желаемым плодом.

Естественно, что радостное событие отметили - небывало долгой чередой праздников, продолжавшихся почти полтора месяца.

Павел появился на девятом году брака своих родителей. Это обстоятельство, а также широко известное любвеобилие его матери, сопровождало его рождение нелестными слухами. Молва твердила, что великий князь Петр Федорович, супруг Екатерины, к рождению ребенка причастен не был. На тайну рождения сына намекала в мемуарах и сама Екатерина, тридцать четыре года занимавшая престол, на котором

должен был бы сидеть Павел, и будущие историки, и даже некоторые члены царской семьи ей поверили.

Эти слухи и намеки отравили впоследствии Павлу жизнь, породили тяжелые комплексы, не лучшим образом повлиявшие на его характер и царствование.

И хотя свечку Екатерине, конечно, никто не держал, рискнем утверждать, что с рождением Павла действительно связана тайна. Это была страшная тайна Екатерины, которую она всячески старалась скрыть: настоящим отцом Павла был именно Петр III, и законное рождение давало Павлу все права на российский престол, занятый его матерью. Хотя закон о престолонаследии, введенный Петром, и обязывал принимать в качестве государя любое назначенное императором лицо, всем же было понятно, что, будь у царя-преобразователя сын, такой закон не понадобился бы. Сын наследует отцу - что может

быть проще и естественнее?

Сам Петр Федорович, довольно недвусмысленно открестившийся от второго ребенка своей жены - дочери Анны, родившейся в 1759 году и почти сразу умершей, от Павла никогда не отказывался, признавал его своим сыном и при рождении, и позднее. Убеждает и несомненное сходство двух монархов. Оба были невысокого роста, щуплые, узкогрудые (при росте в 170 см Петр III носил 44-й размер одежды и 90-й - головных уборов). Судя по портретам, у них схожая форма черепов, характерная посадка головы, одинаковая ямочка на подбородке. Современники писали о сиплом голосе Петра III и его отрывистом смехе - эти особенности Павел тоже унаследовал, а потом передал своему второму сыну - Константину.

Схожи Петр и Павел были и характерами - оба непосредственны, смешливы, взбалмошны, нетерпеливы, непостоянны и легковверны, - и вкусами - начиная с пристрастия к «военщине» и кончая

специфическим вкусом на женщин: обоим нравились те, что с общепринятой точки зрения считались дурнушками.

Именно законное (законнейшее!) происхождение Павла поясняет многое в его взаимоотношениях с матерью. Ребенок растет, взрослеет - и наконец из «маленького ангела» превращается в подобие Петра III, ненавидимого тем сильнее, что Екатерина была перед ним глубоко и непоправимо виновата.

Конечно, портили отношения матери и сына и различия во взглядах, и подспудное политическое соперничество (Павел, как магнит железные опилки, притягивал к себе всех недовольных), но все же напряжение в их отношениях возникло лишь с годами.

Но пока стоял сентябрь 1754 года и крохотный Павел лишь появился на свет.

Позднее, анализируя семейные отношения Екатерины, историки много раз обращались к описанным ею обстоятельствам рождения Павла. «Сразу же после рождения его отняли у матери, он воспитывался в покоях императрицы Елизаветы, не привык к матери и впоследствии не испытывал к ней глубоких сыновних чувств... Разлука матери с новорожденным ребенком становится страшной травмой для обоих. У Екатерины с годами возник отчетливый „комплекс кукушки“, а в памяти и в подсознании Павла никогда не возникало первых ощущений теплого, нежного, может быть, неясного, но неповторимого образа матери, с которыми живет почти каждый человек», - пишет, к примеру, современный исследователь.

Все это было бы справедливо - в другое время и в иной среде. Если и было в родинах Екатерины что-нибудь необычное, то это совершенно нескрываемое пренебрежение к родильнице, которая, как «отработанный материал», в отрыве от сына явно

никого не интересовала (и отсюда глубокая, на всю жизнь, обида Екатерины). Тут потерявшая от радости голову Елизавета Петровна явно погорячилась. Очень скоро она и сама это

поняла: когда через несколько дней после рождения долгожданный наследник едва не умер от молочницы. Екатерина оставалась ей нужна как потенциальная мать других детей: одного наследника в условиях восемнадцатого века с его высокой детской смертностью было маловато.

Все же остальные обстоятельства рождения Павла никоим образом не нарушали норм и традиций.

Вот младенец появляется на свет. Его обмывают, пеленают, показывают счастливой бабушке, кладут рядом с матерью - ждут священника, который должен дать ему имя. Какое-то время это, несомненно, занимает - как раз достаточно, чтобы возникло это самое «теплое и нежное» взаимное отношение. Потом священник делает свое дело - и ребенка передают на руки повивальной бабке, а та отдает его заранее выбранной кормилице. Ни одна знатная мать в ту эпоху сама ребенка не кормила и не воспитывала: это делала особо назначенная прислуга - кормилица и няньки. И жил маленький аристократ на собственной половине, которая чаще всего находилась достаточно далеко от материнских покоев. Мать интересовалась им время от времени, сама посещая детскую или выслушивая отчеты челяди.

Детский мир со взрослым соприкасался мало и формально. Родители воплощали для ребенка идею власти, а все нежные и теплые детские чувства и впечатления связывались у дворянских детей в основном с их няньками и «мамками».

Ко всему прочему, Павел Петрович был не просто знатным ребенком. От него - ни много ни мало - зависело будущее всей России. Ясно поэтому, что

присмотр за ним должен был обеспечиваться на самом высоком - императорском - уровне. Так было с крошечным Иваном Антоновичем, которого сразу после рождения забрала к себе бабка - императрица Анна Иоанновна. Так случилось и с Павлом. Так через несколько лет произойдет с сыновьями Павла - Александром и Константином (на обоих у бабушки-императрицы имелись династические виды). Все они воспитывались под надзором не родителей, а императриц, но точно таким же образом, как это было бы и при родителях.

Поначалу, как рассказывала Екатерина, «[императрица] его поместила у себя в комнате и прибежала к нему на каждый крик его; излишними заботами его буквально душили. Он лежал в чрезвычайно жаркой комнате, в фланелевых пеленках, в кроватке, обитой мехом черных лисиц; его покрывали одеялом из розового бархата (розовый в те времена - безусловно „мальчуковый“ цвет. - В. Б.), подбитого мехом черных лисиц. После я сама много раз видала его таким образом укутанного; пот тек у него с лица и по всему телу, вследствие чего, когда он вырос, то простужался и заболел от малейшего ветра. Кроме того, к нему приставили множество бестолковых старух и мамушек, которые своим излишним и неуместным усердием причинили ему несравненно больше физического и нравственного зла, нежели добра».

Через какое-то время бесконечные крики ребенка утомили стареющую императрицу, и маленького Павла вместе со штатом перевели в отдельное помещение, где он и рос в полном соответствии со старинными традициями - в холе, неге и «бережении».

Мать долго болела после родов (болел и ребенок) и все это время новорожденного не видала. Первая их встреча произошла через полтора месяца, но информация о жизни сына доходила до матери и

раньше, а настаивать на свидании она не пыталась, ибо это значило нарушить субординацию и усомниться в заботах Ее Величества.

Потом установился график материнских посещений - раз в неделю, и право же, Павел в отношении частоты встреч с матерью был ни счастливее, ни несчастнее большинства своих маленьких сверстников из знатных семей.

Бабушка Елизавета со временем также почти перестала к нему приходить: дуры-няньки все время стращали ребенка гневом императрицы и запугали до того, что при виде Елизаветы Петровны Павел принимался истошно вопить и биться в конвульсиях.

Доверенная прислуга сообщала императрице о том, как растет царственный ребенок, а придворный доктор Кондоиди сочинял записки о состоянии его здоровья: «Великий князь опочивал сладко и спокойно и пробудился весел. Кушать изволил иной день больше, иной меньше, молочной кашицы и, следственно, благословением Всемогущего в вожделенном находится здравии».

До пяти лет великий князь рос в окружении женщин, которые всячески заботилась о его нуждах, развлекали, закармливали жирным и сладким, ласкали, льстили, рассказывали ему сказки, знакомили с суевериями, преданиями и верой простых людей, учили молитвам, пугали «букой» и матушкой-императрицей - и полностью оправдывали пословицу «У семи нянек дитя без глазу». Как-то раз обнаружилось, что ночью, сонный, Павел вывалился из колыбели на пол и до утра этого никто не заметил.

Такое воспитание, конечно, способствовало раннему и полному приобщению будущего государя к народной жизни и родному языку. (Возможно, именно поэтому Павел, немец по крови, душою стал вполне русским.) Биографы Павла именно к влиянию женского

окружения относят примерную набожность великого князя. Вместе с тем мамушки и нянюшки были, несомненно, повинны в порче здоровья ребенка. Павел не только бесконечно простужался от чрезмерного кутанья; желудок его уже в детстве был совершенно испорчен. Он отказывался есть, а его пичкали; от молочного его несло, от мясного тошнило - и так продолжалось потом всю жизнь. Кроме того, запугивания и страшные сказки совершенно испортили ребенку нервы. Он боялся темноты, грозы, новых лиц, резких звуков, забивался под стол даже при громком хлопанье дверей, был плаксив, излишне возбудим и плохо спал.

Других детей рядом с ним не было. Помимо женщин его общество составляли несколько живущих во дворце «на хлебах» «бедных дворян» (старичков-приживалов).

Но со всеми ими мальчику пришлось расстаться, когда в 1758-м, на пятом году, Павла передали в мужские руки. Воспитателями его стали талантливый дипломат Ф.Д. Бехтеев и двоюродный дядя М. К. Скавронский. Бехтеев обучал мальчика грамоте и счету, прибегая для этого к лично им изобретенной наглядной методике. Он выстраивал в шеренги солдатиков, на каждом из которых была написана какая-нибудь буква или цифра, и так Павел быстро освоил первоначальную премудрость. А разбирая и строя маленькие крепости, Павел знакомился с нумерацией и правилами арифметики.

Чтобы заинтересовать мальчика учением, Бехтеев использовал и элемент состязательности. На занятиях он сажал рядом с Павлом взрослых людей из числа дворцовой прислуги, приказывая им притворяться неграмотными. Для поощрения ребенка он придумал особые ведомости, известия которых касались только успехов или капризов Его Высочества. Ведомости имелись двух родов - «устыдительные» и

«ободрительные». По их прочтении создавалось впечатление, что вся страна жаждет единственно узнать об успехах и учебе юного великого князя. В них сообщалось, что «нельзя ничему утаиться, что б его высочество ни сделал, можно смело сказать, что за поступками Его Высочества следит столько шпионов, сколько людей в Петербурге: все стараются всякими образы ведать, что великий князь делает, чтоб по тому рассудить могли, какого он нрава». Стоящие на часах солдаты, а также крестьяне и торговцы, всякий портной, повар и истопник - все передают из уст в уста новости о великом князе.

Воспитатель убедил мальчика, что рассылает эту газету всем европейским дворам, поскольку и там «все страстно интересуются жизнью и поведением Павла Петровича». Тем самым, даже не задумываясь об этом, Бехтеев, конечно, развивал в великом князе чрезмерное самомнение, эгоизм и гордость. Помогала этому и Елизавета Петровна, активно привлекая мальчика к придворной жизни, что развивало в нем веру в свою исключительность и высокое предназначение - чувство, которое не покинуло его до самой смерти и во многом осложнило Павлу годы царствования.

Поощряя интересы Павла, Елизавета распорядилась изготовить для него форму и личное оружие. Придворные задаривали его предметами воинской амуниции, небольшим, по его росту, оружием, оловянными солдатиками. Адмирал С. И. Мордвинов поднес ему модель 100-пушечного корабля, генерал-фельдцейхмейстер П. И. Шувалов - артиллерийскую батарею с принадлежностями.

В 1760 году воспитание Павла возглавил глава Коллегии иностранных дел граф Никита Иванович Панин (1718-1783), человек с изрядным жизненным опытом, просвещенный, но, по мнению современников, вяловатый и безынициативный. На посту воспитателя

Панин оставался до достижения наследником совершеннолетия. Павел со временем к нему очень привязался, и, по свидетельству современника, «когда престарелый граф Панин, руководитель его юности, лежал на смертном одре, великий князь, имевший к нему сыновнее почтение, не покидал его постели, закрыл ему глаза и горько плакал».

При вступлении в должность Н.И. Панин получил от императрицы Елизаветы специальные инструкции, где были определены основные задачи воспитания наследника. На первое место было поставлено воспитание в Павле высоких нравственных качеств, в особенности любви к Богу, а также «добронравия, снисходительного и доброго сердца». Выбор наук, которые необходимы будущему императору, а также их преподавателей, оставлялся на усмотрение самого Панина «на основании его долговременного обращения в делах политических и благоразумного и дознанного искусства».

В свою очередь, Панин, приступая к своим воспитательным обязанностям, сформулировал собственное «Мнение о воспитании великого князя Павла Петровича». Здесь на первое место было поставлено физическое и нравственное здоровье ребенка. Заботясь о развитии в воспитаннике «мыслей и рассуждений», Панин подчеркивал особую пользу математических наук. Затем следовала история, прежде всего российская. Далее указывалось на необходимость изучения языков - русского, немецкого и французского. Панин также считал необходимым по достижении великим князем четырнадцати лет «приступить к прямой государственной науке», понимая ее в широком смысле, т. е. «к познанию коммерции, казенных дел, политики внутренней и внешней, войны морской и сухопутной, учреждений мануфактур и

фабрик и прочих частей, составляющих правление государства, силу и славу монарха».

В целом Панин оказался вполне сносным воспитателем, привязанным к своему воспитаннику и старавшимся по мере сил и возможностей добросовестно исполнять свои обязанности.

Петр III, взойдя на престол, собирался передать воспитание сына в другие руки - просто потому, что в Паниным у него ассоциировалось «женское правление». Рассказывают, что отец однажды навестил Павла в детской (чего раньше никогда не делал) и довольно долго говорил с ребенком. «Э, да ты будешь славный малый, - сказал император, легонько ткнув наследника в лоб. - Надо будет тобой заняться». И, приласкав сына, сказал свите: «Пусть пока остается под прежним надзором, а я подумаю, что сделать для его лучшего воспитания».

В именном указе Петра от 6 апреля 1762 го да специально подчеркивалось, что от надлежащего воспитания великого князя (ему было всего семь лет) «много зависит будущее благосостояние отечества».

Не отставила от сына Н. И. Панина и Екатерина. Поначалу, правда, она тоже хотела это сделать: хотя во время переворота 1762 года, возведшего ее на престол, Панин и принял сторону Екатерины и даже явился одним из наиболее активных заговорщиков, но он никогда не скрывал, что сделал это ради Павла, а не ради самой императрицы. Екатерине была известна его оппозиционность - Панин довольно критически относился к основным принципам

ее правления. Если Екатерина выступала за сохранение и укрепление единоличной власти монарха и организацию государственного аппарата таким образом, чтобы он лишь проводил в жизнь решения верховной власти, то Панин, напротив, стремился к ограничению императорской власти, выступал за власть

министров при царствующем, но не правящем государе. Критическое отношение к политике Екатерины Панин впоследствии внушал и своему воспитаннику - может быть, и неосознанно.

Императрица Панина недолюбливала и ему не доверяла. Поэтому поначалу она постаралась найти Никите Ивановичу замену.

Екатерина попыталась завербовать в наставники Павла знаменитого французского философа и математика Д'Аламбера, очень ею уважаемого. Она предлагала ему колоссальное жалованье в 50000 рублей в год, но ученый ответил отказом, оправдываясь тем, что мог бы сделать из великого князя «порядочного геометра», но «от порядочного геометра еще далеко до великого императора».

Потом Екатерина делала аналогичное предложение другим французам - философу Дидро, писателю Мармонтелю и популярному в то время поэту Сорену, но никто из них не пожелал брать на себя ответственность за будущее российской монархии. В итоге воспитателем Павла остался Панин. Впоследствии недовольная результатом его деятельности Екатерина уверяла, что это была вынужденная мера, решение, принятое под сильным давлением общественного мнения: «Мне не было воли сначала, а после по политическим причинам не брала от Панина. Все думали, ежели не у Панина, так он пропал».

Вместе с тем в систему воспитания Павла были внесены при Екатерине некоторые существенные коррективы.

Императрица была начитана в современной педагогической литературе и разделала мнение Дж. Локка о том, что из ребенка можно вылепить все, что угодно, ибо дитя появляется на свет чистым и пустым, как лист бумаги. Близко было ей и учение Ж. Ж. Руссо, полагавшего, что в условиях полной изоляции от

«порочной социальной среды» из ребенка можно вырастить идеального человека. Эти принципы легли в основу ее собственной просветительной политики. Руководствовалась она новейшими педагогическими теориями и в воспитании собственного сына и внуков.

Императрица отвергала в воспитании сына телесные наказания; считала, что учителя должны заинтересовывать мальчика занятиями, развивать его кругозор с помощью книг и посещений театра, поощрять подвижные игры и физический труд - на токарном станке. Станок был установлен в покоях великого князя - он занимал руки и воображение маленького наследника, который, работая на нем, воображал себя самим Петром Великим.

Можно сказать, что Павел во многом был точно таким же плодом воспитательных усилий Екатерины, как и ее внуки - Александр и Константин.

В целом Екатерина была хорошей матерью. Воспитанию и образованию сына, несмотря на занятость государственными и иными делами, она придавала огромное значение. Панин регулярно сообщал ей о здоровье Павла, его успехах в учебе. Иногда писал небольшие записки и сам цесаревич. Императрица сама принимала годовые экзамены у сына и хвалила его за хорошие успехи.

Довольно красочное описание такого экзамена имеется в записках С. А. Порошина (о них речь впереди): «12 сентября. Сегодня после обеда Его Высочество не учился, для того что положено быть экзамену в комнатах у Ее Величества. Часу в шестом приехал его преподобие отец Платон, и потом пришел его превосходительство Никита Иванович. Пока не пришел его превосходительство, то государь цесаревич, из угла в угол подпрыгивая, изволил говорить: „Ах, как я страдаю от ожидания! (по-французски. - В. Б.) Ой, трушу, трушу!“ Пошли мы

наконец к Ее Величеству. Начался там экзамен. Из парадной опочивальни отворили двери в ту комнату, где Ее Величество обыкновенно в ломбер играть изволил. Подошли все, кто тут были, к дверям, а иные вошли и в опочивальню. Его Высочество изволил стоять: подле него стоять же изволила государыня-родительница; по другую сторону, уступя несколько назад, стоял его превосходительство Никита Иванович, а перед великим князем стоял его преподобие отец Платон и предлагал вопросы. Его Высочество весьма хорошо и смело изволил ответствовать. Ее Величество с крайним вниманием изволила слушать. Экзамен продолжался три четверти часа. По окончании оногo его преподобие отец Платон сказал маленькую речь Ее

Величеству. Государыня изволила благодарить его за учение, а про великого князя сказать изволила: „Я полагала, что он смутится, но ничуть! Он очень хорошо отвечал“» (по-французски. - В. Б.).

Постоянно отвлекаемый заботами по Коллегии иностранных дел Н.И.Панин предоставил свободу действий и широкие полномочия своим помощникам. Кроме самого Панина, императрица утвердила для сына следующий штат: информатор (т. е., по терминологии XVIII века, наставник) Т. И. Остервальд, суб-информатор П. И. Пастухов, кавалеры: И. С. Барятинский, С. В. Перфильев, С. А. Порошин, К. И. фон дер Остен-Сакен. Остервальд преподавал наследнику историю, географию, русский и немецкий языки, Порошин - арифметику и геометрию, архимандрит Платон - Закон Божий, Ф. И. Эпинус - физику и астрономию, балетмейстер Гранже обучал танцам, француз Тед, а потом Тремундо

- фехтованию, А. А. Греков - рисованию, капельмейстер Манфредини - игре на клавикордах, актер Булич - декламации. Кроме преподавания своего

предмета, все они считали себя вправе участвовать и в воспитании наследника.

Со временем в программу Павла были включены астрономия, логика, естественное право, основы анатомии, физика (преподаватель Эпинус написал персонально для него учебник «Краткое понятие о физике») и специальные предметы: основы архитектурных знаний и теория архитектуры (преподавателем их был знаменитый В. И. Баженов) и морская наука (так как цесаревич был генерал-адмиралом русского флота) - для этого был приглашен генерал-интендант флота и директор Морского кадетского корпуса И.Л. Голенищев-Кутузов.

С этой же целью в 1764 году адмирал С. И. Мордвинов специально для великого князя написал «Книгу об эволюции флота корабельного и галерного в сигналах».

В соответствии с воспитательным планом Панина большое внимание в обучении Павла Петровича уделялось чтению. С самого начала царствования Екатерины II, при ее активном участии и поддержке, стала формироваться домашняя библиотека цесаревича, которая постоянно пополнялась и расширялась. В 1764 году Екатерина специально для наследника приобрела библиотеку русского посланника в Дании барона И. А. Корфа, состоявшую из 36000 томов. Покупалось также много учебной и научной литературы, многие русские писатели и поэты подносили цесаревичу свои произведения. В 1837 году библиотека Павла почти полностью погибла при пожаре Зимнего дворца, однако сохранился ее каталог, позволяющий увидеть, что в нее входила литература по самым разным областям знаний с преобладанием сочинений исторических, военных и книг по искусству.

Екатерина прекрасно понимала, что в народе высоко ценятся приверженность монархов к православию и их

благочестие, особенно после царствования глубоко набожной Елизаветы Петровны. На должность духовного наставника наследника она искала умного и авторитетного человека и нашла его в лице иеромонаха Троице-Сергиевой лавры Платона. Это был блестящий проповедник и оратор и вообще одна из наиболее ярких фигур той эпохи. Современники единогласно уверяли, что его речи всегда производили потрясающее впечатление. Платон слыл человеком ученым и начитанным, он был знатоком не только отцов церкви, но и Вольтера, Гельвеция, Руссо и других французских просветителей. Непомерная гордыня, правда, нередко ставила Платона в трудное положение, так что он конфликтовал с властью предрежущими, в том числе и с самой императрицей, но обычно из сложных ситуаций его выручал исключительный ораторский дар.

Целью, которую императрица поставила перед законоучителем, было воспитание наследника в духе православия, но без излишнего религиозного догматизма. Платону было велено преподавать великому князю три раза в неделю богословие, а по воскресеньям и праздничным дням перед литургией читать и объяснять ему Евангелие. Благодаря своему таланту Платон сумел в короткое время приобрести доверие, уважение и любовь ученика. Применяясь к нраву Павла, Платон пользовался любой возможностью, чтобы дать ему наставление. Уроки его часто превращались в беседы, а беседы - в уроки. Опираясь на исторические примеры, прежде всего на образ Петра I, которого он представлял образцом благочестия, Платон учил своего воспитанника гуманной вере, основанной на разуме.

Учился Павел довольно охотно и даже с удовольствием. «...Окончивши учение, изволил его высочество пойтить в опочивальню и, идучи, изволил

сказать: „Хорошо учиться-то: всегда что-то новенькое узнаешь“».

Семен Андреевич Порошин, оставивший подробный и очень известный дневник о детских годах наследника (он охватывает период с сентября 1764-го по январь 1766 года, когда Павлу было десять-одиннадцать лет), был выпускником Сухопутного шляхетского корпуса, оставленным там же для преподавания, а также литератором, публиковавшимся в журнале «Ежемесячные сочинения», человеком неглупым, ответственным и очень эрудированным.

По своим прямым обязанностям Порошин преподавал цесаревичу математику, к чему тот обнаруживал незаурядные способности. «Если б Его Высочество человек был партикулярный и мог совсем предаться одному только математическому учению, - писал Порошин, - то б по остроте своей весьма удобно быть мог нашим российским Паскалем».

Оказывал влияние Порошин на своего воспитанника и в других дисциплинах, часто исполняя при нем обязанности гувернера. В «Записках» он не раз упоминает, что они «разговаривали по большей части об истории», причем «до споров исторических доходило». Из таких бесед цесаревич постепенно усваивал ход и подробности событий, знакомился с историческими лицами, которые запоминались лучше, чем во время урока, потому что свободные и заинтересованные диалоги будили детское воображение и память.

В разговорах с Павлом Порошин касался императора Августа, Карла I и Кромвеля,

Генриха IV, Людовиков XIV и XV, Кольбера, истории Испании и иезуитов, истории Америки, Византии, книгопечатания, истории войск и многого другого. Говорили они и о европейской литературе - о Корнеле, Расине, Мольере, Детуше, Вольтере.

Особенное внимание Порошин уделял русской истории и литературе. Он познакомил цесаревича с русскими летописями, Степенной книгой, «Ядром российской истории» А. И. Манкиева и «Историей Российской» В.Н.Татищева, «Уветом духовным» архиепископа Афанасия Холмогорского, а также с записками иностранцев о России XVI-XVIII веков.

В записках Порошина часто встречаются такие заметки: «Мы за столом разговаривали по большей части об истории российской. Рассказывал я государю цесаревичу о Мамаевом побоище, о Золотой Орде, о походах Батыея и пр.», и в другом месте: «разговаривали по большей части о истории российской, а особенно о временах Бориса Годунова».

Много внимания в их разговорах уделялось времени и личности Петра I. «За обуваньем прочел я Его Высочеству из Вольтеровой истории о государе Петре Великом два места, - писал Порошин. - ...Потом подробно рассуждал я, как Его Высочеству поступать надобно, чтобы заслужить истинную славу и будущих родов благодарность и почтение. Я весьма доволен был вниманием, с каковым Его Высочество слушать меня изволил».

Порошин старался внушить своему ученику благоговение перед личностью реформатора, «потому что сие имя во всем свете, а особливо в российском народе любезно, славно и почтенно, и что, вспоминая о нем с почтением, может Его Высочество к себе возбудить почтение и любовь». Он рассказывал цесаревичу об окружении Петра, о его образе жизни, об отзывах о нем Ломоносова. Вслед за Ломоносовым, он постоянно подчеркивал, что Павел - кровный наследник своего великого прадеда. Воспитатель старался оправдать недостатки Петра I, смягчить негативные отзывы о нем. Порошин сравнивал императора то с Кольбером, то с Генрихом IV, которого сам считал

образцом правителя. Он подчеркивал, что рассудком должна управлять неустранимость, которую воплощал в себе Петр, что мужество Петра было актом самообуздания - он не был мужественным от природы, но с помощью «рассуждения преодолел свою слабость», и Павел должен следовать примеру своего прадеда.

Стараясь воспитать в Павле чувство патриотизма, Порошин постоянно рассказывал ему о деятелях русской науки и культуры, особенно обращая внимание на то, что многие из них достигли успеха и славы в борьбе с жизненными обстоятельствами и невзгодами (М.В.Ломоносов, В.И.Татищев, С.П.Крашенинников и др.). Таким образом Порошин старался ненавязчиво привить наследнику веру в могущество человеческого разума и воли, в то, что человек способен сам сотворить себя и перестроить мир. Пытаясь воспитать в наследнике чувство ответственности перед страной, Порошин не уставал повторять, что жизнь государя должна быть составлена «из непрерывных трудов и подвигов к пользе и прославлению любезного отечества». Павел слушал с большим вниманием и отвечал: «Подлинно, братец, вить это правда».

Порошин говорил, какая Россия «пространная и какие сокровища в себе заключает, что Его Высочеству надобно стараться обо всем, что касается до России, иметь подлинное, подробное и основательное сведение, дабы по тому узнать, какие в ней есть заведения и яснее усмотреть средства и удобства к содержанию того, чего еще нет». Вместе с тем он старался сказать цесаревичу «о подлинных и коренных причинах, чего ради все идет столь тихою, черепашую поступью, и ничто, как говорят, не ладится, и какие способы все в быстрое и успешное привести движение».

Воспитатель рассказывал великому князю о российских законах, о быте и обычаях народа, о состоянии различных учреждений, обращая при этом

внимание на интересы просвещения и науки. Порошин даже задумывал составить для цесаревича трактат под названием «Государственный механизм», в котором предполагал изложить сравнительное значение для государства различных составных частей общества (войска, купечества, крестьянства и пр.) и показать вред для государства от порядка, при котором один класс процветает, а прочие в «небрежении». Аналогичные мысли Порошин старался исподволь внушить Павлу в ежедневных с ним разговорах.

За неподобающее поведение (в частности, за выказывание нетерпения во время парадного приема) Павла наказывали: с него снимали шпагу, и Панин делал ему строгий выговор, после чего все наставники и челядь уходили, оставляя мальчика одного, и до конца вечера с ним не разговаривали.

Вот как описывает Порошин происходившее на другой день после такого наказания: Павел говорил «о вчерашнем своем поступке, что он весьма сожалеет, что оное сделалось, что показалось ему поздно и скучно; не мог преодолеть себя, изволил просить у меня наигорячейшим и повереннейшим образом совета, как бы сделать, чтоб таковых, как он сам выговаривать изволил, проказ вперед не было. Отвечал я Его Высочеству: „Иного способа я, милостивый государь, не знаю, как только что когда в публике придет к вам такое нетерпение и такая скука, то дайте тотчас волю вашему рассуждению: представьте себе, что полчаса или четверть часа разницы никакой почти не делают; что вы от того ни занеможете, ни похудеете; что все на вас смотрят и, приметя такое нетерпение и малодушие, после называть станут ребенком и никакого почтения иметь не будут. Скажут, что-де Его Высочеству одиннадцатый год уже, а ведет себя как пятилетний мальчик: знать, что вперед надежды на него не много. Сверх того, милостивый государь, - продолжал я, - вы

уже чрез искусство знаете, что всякий раз, как вы такой поступок сделаете, ужинаете вы позже и опочивать ложитесь гораздо позже, и все на вас сердятся и показывают свое неудовольствие, и так вместо мнимого вами выигрыша изволите видеть явный во всем проигрыш и весьма худые следствия. **Я** уверен, что когда Ваше Высочество во время первого к вам приступа нетерпения оными рассуждениями вооружиться изволите, то, конечно, неприятеля далеко отгоните, и никогда мы вас от него побежденным не увидим“».

Нетерпеливость действительно уже тогда была главным пороком Павла: он с трудом мог сосредоточиться на неинтересных ему делах, во время уроков проявлял признаки гиперактивности (почему его и побольше старались учить на досуге, приватными беседами), торопливо ел (чтобы приступить после обеда к увлекавшим его играм), всюду бегал вприпрыжку; с вечера рвался скорее лечь спать, чтобы поскорее проснуться. Впрочем, он был доброжелателен, жалостлив, ласков и привязчив, хотя и непостоянен, - и при этом очень хотел, чтобы его любили.

Порошин писал: «Зашла... речь о трудах, в коих государю обращаться всегда должно. Его Высочество между прочим молвил тут: „Что ж, ведь государю-та не все-таки трудиться. Он не лошадь, надобно и отдых, также иногда и свои увеселения“. На сие говорил я великому князю, что никто того не потребует, чтоб государь никогда не имел отдохновения, и... сие сверх человечества, а государь такой же человек, как и прочие; только что он возвышен от Бога в сие достоинство не для себя, а для народа; что для того беспрестанно пещись и стараться должен всеми силами о народном благосостоянии и просвещении; что увеселения и удовольствия его в том состоять должны, что он ведает и представляет себе живо, коликое

множество его подданных от его трудов и попечений наслаждается благополучиями и несчетными удовольствиями, и государство цветущим своим состоянием, в которое от его трудов приходит, сохраняет имя его с праведною славою до позднейшего потомства».

В общем, Павлу повезло с наставником. Это был как раз тот случай, когда обе стороны получали и удовольствие, и пользу от взаимного общения, а в результате выигрывало дело воспитания. «...При всех моих с Его Высочеством обращениях и разговорах, - писал Порошин, - единственно всегда перед глазами своими имел намерение, чтобы вкоренить в нежное его сердце любовь к российскому народу, почтение к истинным достоинствам, снисхождение к человеческим слабостям и строгое последование добродетели, отнять во многих случаях предубеждения, почитаемые от легкомысленных за непреоборимые истины, и сколько можно, обогатить разум его разными полезными знаниями и сведениями. К сему все мои силы и все способности посвящены были».

Только продолжалось это плодотворное общение недолго.

Ведение наставником дневника, посвященного воспитанию, было, как мы видели выше, самым обычным, даже почти обязательным делом, но записки Порошина имели для их автора печальные последствия. Учителя угораздило пылко влюбиться в графиню Шереметеву, которая позже стала невестой графа Никиты Ивановича Панина. Панин взревновал. Поводом к тому, чтобы убрать от двора соперника, стал злополучный дневник. Панин показал его - с соответствующими комментариями - императрице, и той не понравилось, как в нем описана жизнь двора.

Цесаревичу внушили, что записки Порошина не могут служить к его чести, поскольку в них

зафиксированы все его детские проступки, и тот, уже в детстве легко менявший привязанности, стал считать Порошина своим врагом. Наставник был удален от наследника и отправился на войну с турками; подцепил под Елизаветградом лихорадку и умер в 1769 году, в возрасте двадцати восьми лет.

Павел долго был лишен общества сверстников. Лишь начиная с 1765 года Панин стал допускать к нему подростков из аристократических семей - Александра Куракина (приходившегося Панину племянником), Андрея Разумовского, Николая Мордвинова и некоторых других, с которыми наследник постепенно подружился и вместе играл.

Значительное место в формировании общей эрудиции и политических взглядов наследника отводилось беседам с крупными государственными сановниками и военачальниками. Многие из светил тогдашней политики, военного дела и литературы регулярно приглашались в покои Павла и зачастую оставались у него к обеду, ибо известно, что застольные беседы обычно самые оживленные и непринужденные. Среди тех, кто обедал у наследника, были граф П.А.Румянцев, граф А. С. Строганов, А. И. Бибиков, И. И. Бецкой, графы З. Г. и И. Г. Чернышевы, князь Н. В. Репнин, М. Ф. Каменский, А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин и др. Темы бесед были самые разные: говорили и о физике, и об астрономии, о Лейбнице и Левенгуке, об энциклопедистах и литературе, часто касались исторических сюжетов. Люди, собиравшиеся за столом цесаревича, вряд ли даже постоянно помнили о маленьком хозяине и общались свободно, не заботясь, доступно ли его пониманию то, о чем они говорят.

Довольно часто бывал у Павла брат его наставника - Петр Иванович Панин, человек богатого жизненного опыта, обладающий знаниями в самых разных областях. Он говорил с мальчиком о законах, о межевании земель,

о деревенской экономии, о заводах и прочем. «Петр Иванович несколько сатирически говорил о установленных... комиссиях, из коих многие учреждены с самого вступления на престол Ее Величества, а доныне еще не начинались», - писал в дневнике С. А. Порошин. Сам Петр Панин, по его мнению, производил впечатление большого знатока военного искусства и «присвоил великое достоинство и отличное почтение сей профессии». Так, П. Панин говорил «о мужестве наших войск», о храбрости казаков и о высоких качествах русского воина вообще, «о способах, которыми войну производить должно в ту или другую сторону пределов наших, о последней войне прусской» и т. д.

Эти беседы очень нравились великому князю. Со временем он стал довольно часто обращаться к гостям за разъяснениями - и слушал внимательно.

Дневник С. А. Порошина содержит много подробностей бесед Панина с цесаревичем. Особенно часто Панин касался государственного устройства и политики иностранных государств. Порошин упоминает рассуждения наставника Павла о шведских учреждениях и их влиянии на систему коллегий в России; о государственных учреждениях и правлении в Дании, Англии, Франции, Голландии, Гамбурге; о судах, училищах и просвещении вообще. Когда однажды зашла речь о системе государственных доходов (по поводу книги Дантесса о коммерции Англии и Франции), Панин заметил, что автор «все выкрал из одного английского писателя». От Панина, по словам английского посланника Гарриса, великий князь получил хорошее знание новейшей истории Европы. Нередко он касался и современной политической литературы. Часто разговор заходил опять же о русской истории, о предшествующих царствованиях, о воспитании Петра II, об А. И. Остермане, о царствовании

Елизаветы, о современном состоянии России, «о законах и штатских учреждениях, о положении Российской Академии наук, которая оставлена без всякого попечения, и о том, что нижних школ для воспитания юношества и приготовления оного к академическим наукам у нас нет, что оные, для распространения наук, необходимо потребны», «о некоторых подробностях, знаменующих истинную великость государя Петра Великого».

Так исподволь формировались критические взгляды Павла в отношении политики матери.

В то же время при Павле без стеснения велись разговоры, которые даже по тогдашним представлениям не стоило слушать детям. Нравы были вольные, влюбчивость и ветреность были в моде, и в речи высшего круга нередко закрадывался изящный цинизм. Взрослые, увлекшись, толковали о придворных «курах», о многоженстве и роли любовниц во всемирной истории. Не будь Павел по природе на диво чист и неиспорчен, подобные темы могли бы изрядно распалить его воображение. Он и так проявлял иногда осведомленность, не свойственную возрасту. Мог, например, бухнуть в разговоре о вчерашнем балете и французской прима-балерине: «Старая какая-то, помятая... Должно быть, через слишком многие руки прошла». Уже в девять лет Павел считал себя влюбленным то в одну, то в другую придворную прелестницу, и эта игра в любовь изрядно забавляла его наставников. Впрочем, повторимся, мальчик был неиспорченный, и никакая грязь к нему не прилипла.

С 1768 года Павел начал заниматься «государственной наукой», преподавать которую пригласили прекрасно образованного Г. Н.Теплова. Екатерина вовсе не стремилась в те годы отстранить сына от управления государством (это ей пришлось сделать позднее, когда вполне проявилась разница в

убеждениях). Теплов сосредоточился не столько на теории, сколько на разборе конкретных примеров из текущего сенатского судопроизводства. Рано утром с курьером доставляли документы, с которыми императрица считала необходимым ознакомить сына, и Теплов, на основе их анализа, раскрывал наследнику секреты «государственной кухни».

Надо сказать, что большой пользы эти занятия не принесли. Павел во многом жил под влиянием внешних впечатлений. Поэтому ему легко было понравиться, но так же легко было навлечь на себя его нерасположение. Усвоение им отдельных предметов во многом определялось тем, кто его учил. Порошина и Платона он любил и относился к ним с уважением, поэтому и знания, полученные от них, усваивал крепко и сохранял до конца жизни. Напротив, к Теплову его душа не лежала. Это привело к тому, что государственную науку Павлу в основном пришлось позже усваивать самостоятельно.

К моменту совершеннолетия Павел принадлежал, несомненно, к числу наиболее образованных и хорошо воспитанных молодых людей своего времени. Как свидетельствовал генерал Н.А. Саблуков в своих «Записках», «Павел был одним из лучших наездников своего времени и с раннего возраста отличался на каруселях (конных воинских играх-турнирах. - В. Б.). Он знал в совершенстве языки: славянский, русский, французский и немецкий, имел некоторые сведения в латинском, был хорошо знаком с историей, географией и математикой, говорил и писал весьма свободно и правильно на упомянутых языках».

В целом Павел Петрович был, несомненно, таким же плодом воспитательных усилий Екатерины II, как и его собственные сыновья. Но саму Екатерину этот плод не радовал. На «чистом листе» так и не удалось написать нужных слов. Наследник чем дальше, тем больше

раздражал инакомыслием, вечной оппозиционностью, «фрунтоманией», политической прямолинейностью, дикими фантазиями, постоянным недовольством, взбалмошностью, тем, что слишком походил на отца, и тем, что она, Екатерина, была перед ним тоже виновата.

В общем, этот свой воспитательный опыт императрица считала неудачным, почему и стала оправдываться в мемуарах, сваливая вину за все на Елизавету: забрала, мол, к себе и испортила теремной изнеженностью, - и на Панина, которого не смогла заменить кем-нибудь более подходящим.

Нет, определенно, воспитание идеального монарха следовало начинать с первых же часов младенчества - действительно с чистого листа и под самым пристальным и постоянным контролем.

Именно так и стала Екатерина растить внуков, сыновей Павла, - Александра и Константина.

О царевиче Хлоре и Осле

Александрю предстояло стать российским императором. Константину - императором византийским. Правда, Византийскую империю предстояло воскресить из небытия, поскольку еще в XV веке она погибла под ударами турок-османов, но эта задача казалась Екатерине вполне по силам. Для того она и с Турцией воевала.

О будущей славе Александра возвещало его имя, обращающее и к Александру Невскому, в честь которого мальчик был окрещен, и к величайшему воителю и правителю древности Александру Македонскому. О миссии Константина его имя тоже говорило: в русской императорской семье такого до него никто не носил; это было одно из традиционных имен византийских басилевсов. На известном двойном портрете кисти Ричарда Бромптона бабушкины внуки изображены с легко читаемыми символами: у Александра в руках меч и причудливо завязанный узел («гордиев», разрубленный, а не развязанный когда-то, как известно, Македонским);

Константин же изображен в порфире византийских кесарей и со знаменем Константина Великого («лабарумом») в руках.

На рождение обоих братьев были написаны десятки приветственных од (в том числе Г. Р. Державиным) и выбиты памятные медали. Они были державными детьми, и воспитание их должно было происходить на самом высоком - высочайшем - уровне. Поэтому мальчики сразу после рождения были взяты у родителей, чтобы расти под надзором бабки-императрицы.

На слабые попытки родителей возражать Екатерина говорила: «Дети ваши принадлежат вам, но в то же время принадлежат и мне, принадлежат и государству. С самого раннего детства их я поставила себе в обязанность и удовольствие окружать их нежнейшими заботами». Впрочем, прибавляла: «Вы мне дали двух князей, этого мне довольно. **Я** предоставляю вам всех, которые могут быть впоследствии».

Растили Александра (родился в 1777 году) и Константина (в 1779 году) по новейшим педагогическим рекомендациям и «на английский лад» (в те времена считалось, что англичане достигают наилучших результатов в физическом воспитании). В первые годы жизни все внимание обращалось на правильное физическое развитие, здоровье и гигиену.

Екатерина писала своему постоянному корреспонденту барону Гримму: «Маленькая кровать г-на Александра, так как он не знает ни люльки, ни укачивания, - железная, без полога; он спит на кожаном матрасе, покрытым простынею, у него есть подушечка и легкое английское одеяло. С самого рождения его приучили к ежедневному обмыванию в ванне, ежели он здоров; как только весной воздух сделался сносным, то сняли чепчик с головы Александра и вынесли его на воздух, приучили его сидеть на траве и на песке безразлично и даже спать тут несколько часов в хорошую погоду в тени. Он не знает и не терпит на ножках чулок, и на него не надевают ничего такого, что могло бы малейше стеснить его в какой-нибудь части тела... Он не знает простуды, полон, велик, здоров и очень весел».

Точно так же рос и Константин: спартанское ложе, никаких кутаний, не более двух зажженных свечей в комнате, чтобы воздух оставался чистым, открытые окна, ежедневная холодная ванна в комнате, где температура не превышала 15° (по Реомюру; по

Цельсию это примерно 19°). Правда, как писала Екатерина: «Он слабее старшего брата и чуть коснется его холодный воздух, прячет нос в пеленки, стараясь согреться». Впрочем, это преодолели, и Константин тоже стал расти здоровым, веселым и румяным. Кормилицей его и первыми слугами были природные греки - чтобы сызмала привыкал к звукам будущего главного своего языка.

Няней Александра и Константина была вдова ревельского обер-коменданта, героя Семилетней войны И.И.Бенкендорфа - София-Елизавета Бенкендорф (бабушка известного впоследствии шефа жандармов и начальника III отделения А.Х.Бенкендорфа). Она оказалась своего рода посредницей между «большим» и «малым» дворами и пользовалась уважением как Екатерины, так и Павла и его жены Марии Федоровны. Впоследствии Мария всячески протезировала сыну Елизаветы - Христофору Ивановичу - и устроила его брак с близкой подругой своей юности Анной Юлианой Шиллинг фон Канштадт.

В помощницах у Бенкендорф была англичанка Прасковья Ивановна Гесслер - женщина «редких достоинств», как все признавали, - которая сумела привить Александру первые хорошие привычки и наклонности и приучить его к порядку, простоте и опрятности. Бонной Константина была сестра Гесслер - миссис Николе. С этих двух женщин установилась традиция брать в бонны царским детям именно англичанок.

Екатерина стремилась исключить из воспитания братьев все искусственное, чопорное, этикетное, поощряла игры, особенно на сообразительность. Дети приходили в кабинет бабушки, садились на пол, рисовали, листали книжки с картинками, задавали массу вопросов, складывали слова. В обществе Екатерины им не было скучно; они много резвились и

веселились (родители этого не одобряли). Бабушка стремилась в первую очередь воспитать в мальчиках естественность и свободу. «У меня только две цели в виду, - писала она Гримму, - одна - раскрыть ум для внешних впечатлений, другая - возвысить душу, образуя сердце».

По настоянию бабушки братья купались в царскосельских прудах, надевая для этого специальные костюмы, придуманные лично императрицей: длинные шерстяные рубахи, а поверх них широкий шерстяной редингот (род сюртука). Ранее она же придумала для них удобные костюмчики-комбинезоны, соединив в одно целое курточку и штанишки, которые можно было быстро и легко снимать и надевать.

Несмотря на различие характеров, братья отлично ладили друг с другом и были неразлучны и в играх, и в занятиях.

И все же любимцем бабушки и главным объектом ее воспитательных усилий был Александр. Он был пригоже, умнее, покладистее, даровитее Константина (который к тому же неприятно походил на отца и дедушку). С какого-то момента Екатерина почти перестала замечать второго внука, любясь Александром и восхищаясь им одним.

Екатерина возилась с ним, сочиняла сказки, составила свод нравственных правил -«Бабушкину азбуку», в которой поучала: «Делай добро и не перенимай худое, пусть у тебя перенимают добро», «Труд преодолевает труд», «Перед Богом все люди равны» и т. д. «После обеда мой мальчуган приходит, сколько ему вздумается, и проводит от трех до четырех часов в моей комнате, - писала она Гримму. - Мы ежедневно узнаем что-нибудь новое, то есть из всякой игрушки делаем десять или двенадцать, смотря по тому, кто из нас двоих выкажет в этом деле больше гениальности».

Александр был любознателен и показывал большие способности. «Любопытство и любознательность г-на Александра преобладают над всеми другими его вкусами. Он проводит до часу и двух над книгами с картинками, и Бог знает, с чем этот ребенок не ознакомился».

Через пять месяцев бабушка писала: «Теперь мы за арифметикой и не принимаем на веру, что дважды два четыре, если мы сами их не сосчитали. **Я** еще не видала мальчугана, который так любил бы спрашивать, так был бы любопытен, жаден на знания, как этот. Он очень хорошо понимает по-немецки и еще более по-французски и по-английски, кроме того, он болтает как попугай, любит рассказывать, вести разговор, а если ему начнут рассказывать, то весь обращается в слух и внимание. У него прекрасная память».

Чтению и письму оба брата стали учиться, когда Александру было пять лет. Грамоте учились по составленным Екатериной книжечкам: «Ди-тя зи-мо-ю по гор-ни-це ез-дил дол-го на пал-ке, на-ко-нец, ус-тав, сел на пол и за-ду-мал-ся. По-го-дя не-мно-го, спросил: Ня-ня, как я пой-ду за го-род, ку-да я при-ду?»

Писать учились, сочиняя письма к родителям: «Любезной папинка и маминка целую ваши ручки. **Я** слава Богу здоров и ездил вчерась з Братцом вфаетоне гулять а сего дня поедим в Петербург 5 августа Сынок ваш Алексаша».

Специально для Александра Екатерина сочинила свою знаменитую «Сказку о царевиче Хлоре», по которой саму императрицу вскоре прозвали Фелицей. Герой сказки - юноша «дивной красоты», который «столь же был умен и жив, и повсюду слух носился о его красоте,

уме и хороших дарованиях». Однажды его похитил киргизский хан, который, чтобы проверить, на что способен царевич, велел ему найти «розу без шипов»

(иными словами, добродетель). Дочь хана Фелица стала помогать мальчику в поисках цветка и дала ему в помощники своего сына по имени Рассудок. Много опасностей подстерегало их в пути, но в результате они нашли высокую гору, где рос цветок - «добродетель». Взбираясь на гору, спутники опирались на посохи - «честность» и «правду».

По мотивам сказки «О царевиче Хлоре» близ Павловска была построена «Александрова дача». На крутом берегу стоял дом великого князя, близ него златоверхий шатер, а на холме - «Храм розы без шипов», плафон которого был расписан фресками с изображением Петра Великого, который с высоты небес смотрел на Россию, окруженную символами наук, промышленности, богатства и опирающуюся на щит с изображением Фелицы - Екатерины. В парке были и другие павильоны, имевшие названия, взятые из сказки, и, прогуливаясь, мальчики (особенно Александр) поневоле вспоминали соответствующие страницы с нравочениями.

Немец-столяр Пайер обучал великих князей пилить, рубить и строгать. «Не правда ли, забавно, что будущие государи воспитываются учениками столярного ремесла?» - писала по этому поводу Екатерина.

Одновременно мальчики учились и другим ремеслам: красили, обивали, смешивали и растирали краски, рубили дрова, пахали, косили, вскапывали грядки, правили лошадьми за кучера. Ремесла и ручной труд были обязательны для внуков Екатерины. Уроками детей в этот период не загружали, но Александр сам любил читать и учиться и к шести годам умел читать и писать по-русски и по-английски.

Князь Долгорукий для забавы великих князей обучил военной экзерциции солдатских детей и приводил потешный отряд и в Петербург, и в Царское Село. Константин особенно обожал это развлечение и

был счастлив, когда его ставили в одну шеренгу с юными солдатами и учили маршировать наравне с ними.

На день рождения детям отец и матушка дарили коробки с оловянными солдатиками, конными и пешими, со знаменами, алебардами, барабанами и прочим, а бабушка - крошечные сабельки в ножнах с чеканкой.

Сыновья не были изолированы от родителей и регулярно с ними виделись. Павел с супругой на неделе раз или два бывали при большом дворе и общались с сыновьями, а по воскресеньям и на несколько летних недель дети приезжали к родителям в Гатчину. Под непосредственным руководством Павла происходило и военное образование мальчиков. В целом общение в этой семье было даже более интенсивным, чем в тех семействах, где дети учились в закрытых учебных заведениях - Пажеском или кадетских корпусах или институтах благородных девиц, в которых полагалось одно свидание с родными в месяц и никаких каникул в кругу семьи. Другое дело, что изменить что-то существенное в воспитании сыновей Павел и Мария Федоровна не могли: все и всегда решала только императрица.

Но точно таким же образом не могли ничего изменить и родители кадетов или институток.

Следует прибавить, что, когда впоследствии Мария Федоровна сама занималась воспитанием младших сыновей, она неоднократно сталкивалась с запретами со стороны старшего сына-императора и обойти его волю тоже не могла.

Судя по переписке Александра с Павлом, никакого двуличия в отношениях с отцом у него не было. Они искренне и глубоко любили друг друга. Павел был достаточно хорошо образован, чтобы им было о чем поговорить. Отношения их испортились позднее - как

из-за придворных интриг, так и из-за взглядов самого Александра.

В детстве и юности Александр одинаково хорошо чувствовал себя и с бабушкой, и с отцом. В Гатчине он с удовольствием отдавался военным занятиям и сохранил на всю жизнь страсть к военным упражнениям, учениям и парадом. Именно в Гатчине слишком близко над ухом маленького Александра выстрелила пушка и с этого времени он стал глухнуть на левое ухо. Позднее у него стал гаснуть и левый глаз, поэтому, став взрослым, Александр часто принимал характерную позу, склоняя вправо голову (подставляя собеседнику слабослышащее ухо), и пользовался лорнетами: прятал их в рукаве и постоянно терял.

Очень рано братьев начали приобщать к светской жизни. Графиня В.Н.Головина вспоминала забавный эпизод из раннего детства будущего императора: «...На малых эрмитажных собраниях...

часто появлялся великий князь Александр Павлович, которому было всего четыре года, и его трехлетний брат, великий князь Константин. Приводили скрипачей, и начинались танцы. **Я** по преимуществу была дамой Александра. Однажды, когда наш маленький бал был оживлен более обыкновенного, великий князь, шедший со мной в полонезе, объявил вдруг со всей серьезностью ребенка его возраста, что хочет показать мне в дальних комнатах дворца нечто ужасное. Меня это очень озадачило и смутило. Дойдя до самой последней комнаты, он завел меня в нишу, где стояла статуя Аполлона, которая своим античным резцом могла ласкать взор артиста, но вид которой мог легко смутить девочку, к счастью, слишком наивную, чтобы любоваться выдающимся произведением искусства в ущерб стыдливости».

В конце 1783 года умерла С. И. Бенкендорф, и воспитателем Александра стал генерал граф Николай

Иванович Салтыков, хорошо знавший реалии как придворной, так и государственной жизни. Екатерина не искала воспитателя, который воздействовал бы на умы и души великих князей нравственно, - эту роль бабушка отводила себе и учителям. Нужен был человек, который занимался бы делами прозаическими: здоровьем, гардеробом, столом, прогулками, досугом, порядком в тетрадах и книгах, своевременным появлением учителей. Эту роль - фактически дядьки - и выполнял граф Салтыков. Александра он воспитывал до 1794 года, а Константина - до 1795-го.

Новый воспитатель был хорошо известен великому князю Павлу Петровичу, потому что с 1773 года занимал должность гофмейстера его двора, в 1776-м сопровождал его в Берлин на обручение с Доротеей Вюртембергской (будущей Марией Федоровной), а в 1781-м путешествовал вместе с семьей цесаревича по Европе. Павел Салтыкову доверял.

Екатерина сама составила «Наставления» о воспитании внуков. Это был очередной наказ просвещенным согражданам, как должно воспитывать идеальных людей:

«Да будет одежда Их Высочеств летом и зимою не слишком теплая, не тяжелая, не перевязанная, не гнетущая наипаче грудь.

Чтобы платье их было как возможно простее и легче.

Летом же купаться, сколько сами пожелают, лишь бы пред сим не вспотели.

Чтобы Их Высочества спали не мягко, но на тюфяках, как привыкли; а отнюдь не на перинах, и чтобы одеяла их были легкие, летом простые ситцевые, подшитые простынею, зимою стеганые.

Кушать и пить нужно; но что кушать и пить и сколько, сие определять, смотря на то, что Их Высочествам в каких обстоятельствах здорово.

Веселость нрава Их Высочеств ни унимать, ни уменьшать не должно; напротиву того поощрять их нужно ко всякому движению и игре, летам и полу их сходственным: ибо движение дает телу и уму силы и здоровье.

В детях часты малые припадки озноба, либо жара, или боли в члене, делаются к росту или иному какому естественному приращению, которые пройдут без лекаря, без лекарства и без врача и врачевства; употребление же лекарства в тех случаях отнимет силы нужные к производству того естественного действия...

От младенчества дети обыкновенно плачут от двух причин: 1-е, от упрямства, 2-е, от чувствительности и склонности к жалобе. Различить и те, и другие слезы можно по голосу, взгляду и по наружности детей; но те и другие слезы не должно допускать, но надлежит запрещать всякие слезы».

Из семи глав «Наставления» четыре посвящались тому, как укрепить в Их Высочествах добродетели, первой и главной из которых императрица называла «истинное познание Бога, Творца видимого и невидимого». Для преуспевания в этом познании к великим князьям приставлялся духовник - протоиерей Афанасий Самборский.

Наставники должны были развивать в мальчиках уважение к старшим, почитание родных и «умонаклонения» к добру и учтивости к близким, правдивость, смелость, сострадание к «тварям бессловесным, как то: птицам, бабочкам, мухам, собакам, кошкам». «Отдалить надлежит от глаз и слуха во младенчестве и от отроков в первые годы все то, что мысли устрашить может, как то: всякие пугалища, душу и ум утесняющие, которыми обыкновенно детей страшат и от коих делаются они робки, так что не могут остаться одни, боятся своей тени или дрожат в темноте. Все таковые пугалища в речах употреблять не

надлежит». Это писалось с явным учетом воспитания Павла Петровича.

Написала императрица и учебную программу, согласно которой урок мог продолжаться не более получаса, и заканчивать его следовало «прежде, нежели они станут скучать». «К учению не принуждать детей и за учение не бранить. Буде учатся хорошо своею охотою, тогда похвалить. Детям трудно иметь прилежание».

Из языков предполагалось учить русский, французский, немецкий, латынь, греческий (последний - только Константину). Александр должен был изучать еще английский. Помимо этого предполагалась география (прежде всего российская), астрономия, история - всеобщая, древняя и российская, которая «для них и сочиняется». Также математика, изучение гражданских законов и военного искусства; верховая езда, фехтование, плавание, борьба, стрельба из лука и все то, «что телу придает силу и поворотливость».

Все современники характеризовали Салтыкова как ловкого царедворца, успешно лавировавшего «между подводными камнями, которыми была усеяна дорога между большим и малым дворами», научившего тому же своего воспитанника и вообще оказавшего большое влияние на личность Александра. Считается, что от Салтыкова император позаимствовал присущие ему в зрелые годы такт, скрытность и конформизм.

Екатерина была Салтыковым очень довольна и часто хвалила плоды его воспитательных усилий. Александр был к нему очень привязан и, когда в мае 1816 года Салтыков умер, сопровождал гроб с телом до Казанского собора, где тот был похоронен.

Сохранилась переписка царственного воспитанника с наставником, начиная с детских извинительных записок (как странно бывает видеть «историческое

лицо» в положении нерадивого школьника!): «Николай Иванович, простите меня, я виноват перед вами и господином Лагарпом. Признаюсь вам чистосердечно, что я сделал движение руками, которое показало нетерпеливость. Прошу вас попросить его, чтоб он меня впустил. Мы сегодня алгебрику делаем, а Федор Федорович сам сказал, что он ее в другой раз не начнет. Если бы другой был урок, так я бы снес наказание для того, что я бы сам мог сделать его. Но тут я сам ничего не могу сделать».

«Николай Иванович! Я признаюсь в своей вине, за что меня вчера выслали, то было невнимание. **Я** вас прошу сказать учителю, чтобы меня он взял учиться, и скажите, чтобы мне сказал он, чего я не знаю». (Изгнание за провинность из классной комнаты было главным наказанием великих князей; ничему более серьезному их, по желанию бабушки, не подвергали.)

Помощником Н.И.Салтыкова и старшим наблюдателем за воспитанием великих князей был генерал-майор Александр Яковлевич Протасов (1742-1799). Он вел дневник, фиксируя все подробности повседневной жизни великих князей, их учебы и взросления. Такие дневники, как мы видим, были традицией. Протасов, в частности, писал в дневнике: «Замечается в Александре Павловиче много остроумия и способностей, но совершенная лень и нерадение узнавать о вещах, и не только чтоб желать ведать о внутреннем положении дел, как бы требовали некоторого насилия в познании, но даже удаление читать публичные ведомости и знать о происходящем в Европе. То есть действует в нем одно желание веселиться и быть в покое и праздности! Дурное положение для человека его состояния!» (Тут то ли бабушка сильно преувеличивала любознательность маленького великого князя, либо он успел к подростковому возрасту основательно испортиться.)

Законоучитель Александра и Константина о. Андрей Самборский выделялся среди других тогдашних священников европейской образованностью и свободой ума. Много лет он прожил в Англии, был женат на англичанке, единственный среди русского духовенства брил бороду и носил пасторский сюртук вместо рясы. По настоянию Екатерины о. Андрей обучал мальчиков преимущественно православной обрядности и уважению к Заповедям, не вторгаясь в вопросы собственно веры. Екатерина, сама, по сути, равнодушная к религии, очень опасалась, что внуки подвергнутся влиянию «суеверия и фанатизма». В итоге оба великих князя выросли рационалистами, в мире которых не было места Богу. Константин таким и остался, а Александр позднее, во время Отечественной войны 1812 года, пришел к вере, правда, весьма далекой от традиционного православия.

Русскую историю и литературу преподавал великим князьям знаменитый писатель-сентименталист М. Н. Муравьев, физику - Крафт, биологию - известный путешественник академик П. С. Паллас, математику и военное дело - штык-юнкер Ефим Войтяховский, а до этого Шарль Массон, немецкий язык - сын пастора лютеранской церкви Гроот, французский язык и географию - Ф. Лагарп.

Фридрих Цезарь Лагарп (Фридрих Цезаревич или Петр Иванович, как его звали в России), второй человек после Салтыкова, сыгравший важную роль в формировании личности Александра I, появился при русском дворе в 1783 году, когда как раз набирался штат преподавателей. Осмотревшись, Лагарп внимательно изучил инструкцию Салтыкову и составил «мемуар» для императрицы, в котором изложил собственные педагогические взгляды. Он писал императрице: «Будущий правитель не должен быть ни физиком, ни натуралистом, ни математиком, ни

географом, ни филологом, ни юристом и т. д. Но он должен быть честным человеком и просвещенным гражданином и знать преподаваемые предметы настолько, чтобы понимать их настоящую цену и иметь ясное сознание обязанностей, лежащих на монархе, в руках которого счастье и несчастье многих миллионов». Будущий правитель должен был знать, что когда-то «существовало между людьми равенство, и если обстоятельства с тех пор изменились, то это отнюдь не случилось с целью предоставить человечество со связанными руками и ногами прихотям одного человека, и что существовали самодержавные государи настолько великодушные и правдивые, чтобы всенародно объявить своим подданным: мы во славу себе почитаем сказать, что мы сотворены для наших народов» (последние слова были прямой цитатой из знаменитого «Наказа Уложенной комиссии», сочиненного самой Екатериной).

Записка Лагарпа понравилась императрице, и она повысила автора до звания главного наставника великих князей (подчиненного, впрочем, Салтыкову), а также преподавателя чтения, арифметики, геометрии и истории.

По своим взглядам Лагарп был убежденным республиканцем и атеистом (однажды он продиктовал ученикам такое определение Христа: «Некий еврей, именем которого названа одна религиозная секта»). Он произносил пылкие монологи о любви к ближнему, об уважении к человеческому достоинству, о свободе личности как основе любого справедливого общественного устройства, о просвещенном монархе, терпеливом, терпимом и отечески-мудром. Он неустанно внушал великим князьям на примерах из древней и новой истории, как ужасна тирания и как благородна республика. Он говорил о всеобщей свободе, не стесненной никакими - социальными,

сословными или иными - рамками. Он внушал, что крепостное право - несомненное зло.

По натуре педант Лагарп был безукоризненно честен, очень серьезно относился к своему делу, но даже расположенные к наставнику современники отмечали в нем отсутствие

творческого начала, доктринерство и полную отвлеченность его рассуждений.

Система идей, усвоенная Александром у наставника, находилась в сфере чистой теории. К России, ее государственному устройству, истории и ее народу она никакого отношения не имела. Это были абстрактный либерализм и абстрактная гуманность, целительные для души, но вряд ли полезные для будущего государя, которому предстояло жить не в идеальном, а в грубом реальном мире. По мере того как жизнь раскрывалась перед Александром во всей ее неидеальной неприглядности, росло и его разочарование, предопределившее надлом и духовный кризис последних лет жизни императора.

Вместе с набором либеральных идей Лагарп внушал воспитаннику и практические правила царствования - так, как сам их понимал, причем делал это и устно, и письменно вплоть до тех пор, пока Александр не сделался правящим императором. Он предостерегал юношу, что если тот будет избегать труда, то станет игрушкой в руках своего окружения («если государь слаб, избегает труда и если он прибегает к другим там, где он может и должен действовать сам, не рискует ли он дозволить своим приближенным делать зло?»), и тут уже, добавлял Лагарп, не помогут никакие оправдания, вроде «я был обманут» или «я не знал».

Он побуждал Александра добиваться любви своих подданных: «Поскольку Вы принадлежите всей России и должны рано или поздно стать первым ее лицом, и притом лицом публичным, - писал он, - необходимо,

чтобы взяли Вы за обыкновение беседовать со всеми, особенно же с соотечественниками, и показывали им своим любезным приемом и речами свое благорасположение, дабы завоевать таким образом их любовь». Позднее Лагарп рассказывал: «Я старался вселить в него мысли, что он не может иметь истинных друзей». Когда Екатерина спросила его, действительно ли он полагает, что «государя лишены приятностей и наслаждений дружбы», Лагарп ответил: «Не спорно, Ваше Величество, что многие из царей достойны иметь друзей, но положение ваше таково, что все, которые к вам близки, имеют слишком великую необходимость в вас, почему говорят вам большею частью то, чего не чувствуют». «Сими правилами, - говорил Лагарп, - довел я государя до того, что он полагается на себя, а не на окружающих его».

Внушенная Лагарпом осторожность со временем превратилась у Александра в недоверчивость, а потом в подозрительность. Отсюда хрестоматийные «двуличие» и «неискренность» Александра, в которых его обвиняли современники: в их формирование Лагарп внес не меньший вклад, чем Салтыков.

Заботился Лагарп и о чисто внешнем соответствии Александра его высокому статусу. В ноябре 1801 года, когда воспитанник уже царствовал, наставник писал ему: «Ваше Величество! Имею честь сообщить Вам свои заметки касательно воскресного кружка. В общем, Вы играли свою роль весьма удачно. Тем не менее мне показалось, что, входя в салон, Вы слегка оробели. Хвалю за это Ваше сердце, ибо молодости подобает скромность; но император должен иметь вид».

Впоследствии Александр не раз подчеркивал решающую роль Лагарпа в своей жизни. «Я всем ему обязан», - говорил он в 1811 году графу М. К. Огинскому. В другой раз он выразился еще

определеннее: «Не было бы Лагарпа - не было бы и Александра».

В результате общих усилий бабушки и воспитателей Александр получил блестящее образование. Оригинальный и острый ум и широкая эрудиция позволили ему впоследствии блистать в самых утонченных салонах Европы. Он с легкостью поддерживал беседу на разнообразные темы - политические, философские, литературные, даже богословские, и лучшие умы того времени выражали свое восхищение российским императором.

Необыкновенные способности Александра были очевидны для всех. «Ни для одного смертного, - говорил Лагарп, - природа не была столь щедра». Ко всему, он был красив, бесконечно обаятелен, элегантен, прекрасно воспитан, учтив.

И вместе с тем идеального монарха из Александра не вышло. Он не довел до конца ни одного дела, за которые брался. Он потерял всех соратников и единомышленников, на которых когда-либо опирался. Он не освободил, как стремился в юности, народ от деспотизма и крепостного права, не дал России конституции, о которой много говорил; был непоследователен и непостоянен, «слаб и лукав», как писал о нем Пушкин. Одно из самых многообещающих царствований оказалось в итоге одним из наиболее бесплодных. Была ли в том вина воспитателей?..

Великий князь окончил курс географии и истории, геометрии и алгебры, прочитал уйму отрывков из произведений древнеримских и древнегреческих классиков, написал целое собрание сочинений. Далее Лагарп надеялся углубить его знания в области мировой истории и завершить курс изучением философии - Кондильяка, Локка, Руссо, Мабли и особенно Монтескье. Так бы и было, но Александра

Павловича решили женить, а какое же могло быть после этого продолжение образования?

К пятнадцати годам Александр, по словам его воспитателя А. Я. Протасова, вступил в период «развития страстей». Протасов стал замечать у Александра «сильные физические желания как в разговорах, так и по сонным грезам, которые умножаются по мере частых бесед с хорошенькими женщинами».

Екатерина, бывшая очень высокого мнения о внешности внука, предполагала, что женщины будут представлять для Александра опасность, «потому что за ним будут гоняться, и нельзя ожидать, что оно будет иначе, так как у него наружность, которая все расшевеливает».

К тому же Екатерина мечтала передать Александру престол (в обход сына), а сделать это лучше всего было после того, как у внука появятся собственные дети, желательно мальчики, - знак того, что будущее империи обеспечено и в грядущих поколениях.

И поскольку бабушка была уже очень немолода, она начала искать любимцу невесту. В 1792 году из Бадена приехала принцесса Луиза, и судьба великого князя была решена. Они обменивались записочками: «Любите ли Вы меня хоть немного?» (Александр). - «Да, конечно» (Луиза). Александр: «Я Вас буду любить всю мою жизнь». Луиза: «Я Вас буду любить всю свою жизнь».

Александр тотчас сообщил новость Николаю Ивановичу Салтыкову, с которым привык быть предельно откровенным: «С несказанным удовольствием уведомляю ваше сиятельство, что дело совершилось. Я нашел случай вчерась ввечеру уведомить Принцессу о моих чувствах к ней, и я так счастлив был, что она призналась мне, что она им соответствует и что она меня любит.

Я по матушкину приказу был у батюшки, чтоб уведомить его о сем. А как она проснется, я к ней пойду. Если вашему сиятельству будет время, так я, возвратясь от матушки, к вам зайду, чтоб вас подробнее уведомить».

(Чувства просто распирали юного Александра. Он был счастлив... и кто бы мог тогда подумать, что семейное счастье его продлится лишь несколько лет и сменится скоро тягостным взаимным отчуждением?)

Свадьбу сыграли 28 сентября 1793 года. И снова Александр отчитывался перед Салтыковым: «Ваше сиятельство, у нас дело изрядно шло. Я пробовал раза три впускать туды, а оно довольно глубоко входило, и ей больно немножко было, но еще не прорвало кожицу». И потом, месяцы спустя: «Ваше сиятельство, Бог мне даровал дочь, и очень счастливо».

Сами посудите, какие в таких обстоятельствах могут быть уроки?

«Образование молодого князя осталось незаконченным со времени его женитьбы... Он читал урывками, бесплодно, без увлечения. Стремление к приобретению знаний не слишком сильно владело им, и после чересчур ранней женитьбы он не считал нужным поддерживать в себе эту склонность. Между тем он сознавал важное значение серьезных занятий и хотел бы приступить к ним, но усилий его воли не хватало на то, чтобы преодолевать те препятствия для подобных занятий, которые ежедневно выдвигались перед ним в связи с его обязанностями и другими скучными сторонами его жизни», - писал об Александре его бывший друг, один из тех, кого он оттолкнул от себя, князь Адам Чарторыйский.

Но, однако, что же второй бабушкин внук Константин?

Братья росли и учились вместе, хотя разница между ними была больше полутора лет. Александр блистал;

Константин едва посверкивал. У него не было ни яркой одаренности, ни приятной внешности, ни покладистого характера. Он был гиперактивен, неуклюж, строптив, неуправляем - то, что называется «сложный ребенок» - и никому особенно не нужен. Бабушка так и не смогла отвоевать для него Византию, после чего утратила к внуку значительную долю интереса. Константину с детства явно требовалась твердая рука и индивидуальный подход, о котором тогдашняя педагогика еще и не знала.

Наставник уговаривал Константина почитать книжку. «Не хочу читать, - отвечал великий князь, - и не хочу потому именно, что вижу, как вы, постоянно читая, глупеете день ото дня». По-хорошему, мальчишку следовало бы выдрать или хотя бы показать, что подобное поведение заслуживает порицания, но телесные наказания раз и навсегда запрещены бабушкой, да и Руссо велит давать детям больше свободы. В ответ на свои выходки Константин слышал лишь вежливый смех придворных и похвалы своему остроумию.

Его следовало учить иначе, чем Александра, в другом темпе и другим вещам. Может быть, ему нужны были другие наставники - более волевые, настойчивые и принципиальные, способные не пасовать перед священным авторитетом царской власти, - стоики, а не царедворцы. Меж тем учили братьев вместе, и младший вынужден был, постоянно напрягаясь, тянуться за старшим. «Меньшой великий князь дошел только до умножения; затруднение, которое он испытывает при заучивании наизусть таблицы умножения, и отвращение ко всему, что останавливает его внимание на несколько минут сряду, составляет главную причину этого замедления...»

Внимание Лагарпа и других наставников было обращено на одного Александра. Усилия Константина

едва замечались. Он был тенью старшего. Однажды, когда Салтыков увещевал разошедшегося Константина и привел ему в пример брата, Константин резко ответил: «Он царь, а я солдат, что мне перенимать у него?» Естественным следствием этого стало желание как угодно заявить о себе, обратить на себя внимание, заставить если не любить, то хотя бы видеть.

«Великий князь имеет превосходное сердце, много прямоты, впечатлительности и природных дарований; он часто высказывает способность легко усваивать преподаваемое, - писал Лагарп о Константине Салтыкову. - Эти счастливые задатки дают, конечно, блестящие надежды; но напрасно было бы льстить себя ожиданием осуществления их, если не удастся обуздать в нем избыток живости, приучить его сосредоточивать внимание на известном предмете и победить его упрямство... Редко можно встретить молодых людей до такой степени живых, как великий князь; ни одной минуты покойной, всегда в движении; не замечая, куда идет и где ставит ногу, он непременно выпрыгнул бы из окошка, если бы за ним не следили».

«Я заметил... не один, а тысячу раз, что он читал худо нарочно, отказывается писать слова, которые он только что прочел или написал, потому что не хотел сделать того или другого. Он прямо отказывался исполнять мои приказания, бросал книги, карты, бумагу и перья на пол; стирал арифметические задачи, написанные на его черном столе, и эти проявления непослушания сопровождалось движениями гнева и припадками ярости, способными вывести из терпения самого терпеливого человека в свете. Что же я противопоставлял этим бурям? Две вещи: 1) авторитет вашего сиятельства, 2) хладнокровие и терпение, соединенное с неуклонным требованием послушания. Я предоставлял свободу великому князю кричать, плакать, упрямиться, обещать исправиться, просить

прощения, шуметь, не останавливая этой бури, пока она не угрожала повредить его здоровью, и я не соглашался выслушать его до тех пор, пока он не исполнял по моему желанию того, что он должен был сделать; но те только, кто были свидетелями сцен, знают, какому испытанию подвергалось мое терпение и чего мне стоило удержать должное хладнокровие в эти критические минуты».

В это время Константину было всего семь с половиной лет.

Дальше было не лучше. Константин орал, визжал, бросался на пол, стучал ногами, даже кусался. В 1789 году (Константину десять) Лагарп писал: «...при тех условиях, среди которых он находился до сих пор, трудно было бы ожидать, что упрямство его пройдет, и действительно, оно приобрело характер такой несдержанности, что потворствовать ей и терпеть ее более невозможно».

Кроме Лагарпа, перечить Константину никто не смел. Лагарп же читал безобразнику нотации, пытался лишать его игрушек и развлечений, заставлял находиться в классе, пока урок, во время которого он упрямился пленился, не будет выучен самостоятельно, без учителя. Детские записки Константина к Лагарпу - это бесконечные извинения, обещания исправиться, просьбы простить и впустить в класс, из которого Константина то и дело выставляли. «Господин де Лагарп! Умоляю вас прочесть мое письмо. Будьте снисходительны ко мне и подумайте, что я могу исправить свои недостатки: я делаю усилие и не буду мальчишкой, ослом и пропащим молодым человеком. Прошу вас пустить меня придти учиться... Послушный и верный ваш ученик Константин».

Это Лагарп его все время называл - от бессилия - «господин осел».

Есть среди записок Константина и явно написанные с голоса Фридриха Цезаревича, разве что вывод сделан самим великим князем: «В 12 лет я ничего не знаю, не умею даже читать. Быть грубым, невежливым, дерзким - вот к чему я стремлюсь. Знание мое и прилежание достойны армейского барабанщика. Словом, из меня ничего не выйдет за всю мою жизнь».

Подростком Константин стал совершенно невозможен: он открыто безобразничал, ругался и говорил гадости, демонстрировал жуткие манеры и упивался полной безнаказанностью. Теория «чистого листа» в случае с Константином слишком заметно давала сбой. Бабушка не знала, что с ним делать: в ее умных книгах о таком ничего не говорилось. Попытки сажать негодяя под домашний арест давали лишь временное облегчение. В итоге разрубить гордиев узел пришлось уже проверенным способом: женить Константина.

Тем и закончился, к обоюдному облегчению, бесконечный и бесплодный поединок двух упрямов.

Со временем Константин перебесился и сделался вполне приемлем для общества, но для этого ему понадобилось пройти период неукротимого юношеского буйства, пережить гибель отца, три войны, развод и искушение властью, когда умер брат Александр; только после этого постаревший великий князь перестал что-либо доказывать себе и окружающим и успокоился, хотя грубым и несдержанным оставался до конца, создав себе множество врагов.

И все же уроки Лагарпа не прошли для него впустую. Терпение и твердость Лагарпа, его честность и мужественные попытки донести до ребенка понятия о добре оставили в сознании великого князя достаточно глубокий след, создав там систему устойчивых нравственных ориентиров.

Недаром с годами Константин Павлович относился к своему бывшему наставнику все с большей симпатией. В одном из писем он мечтал даже, как однажды с женой приедет к нему в Швейцарию. А в конце письма добавил: «Прощайте, любезный де Лагарп, не забывают меня; я очень вас люблю, и будьте уверены, что вы мне всегда будете очень дороги. Осел Константин.

Осел ты еси и ослом останешься; как бы не мыли голову осла, истратят только мыла. Не заставишь пить осла, когда ему не хочется. Прощайте».

Бриллианты госпожи фон Ливен

После Александра и Константина в семье Павла и Марии Федоровны пошли сплошные дочери, шесть подряд: Александра (1783-1801), Елена (1784-1803), Мария (1786-1859), Екатерина (1788-1819), Ольга (1792-1795) и Анна (1795-1865). Лишь напоследок явились еще два мальчика - Николай и Михаил. Последний был «порфирородным»: родился, когда отец уже был императором.

Рождение внучек не было неприятно Екатерине. Маленькие великие княжны забавляли бабушку. Она с удовольствием с ними возилась, присматривалась к проявлениям характера и в общем была к ним привязана - именно как бабушка. Но воспитание их интересовало ее довольно мало.

Внуки, мальчики - иное дело. Их рождение и воспитание было делом государственным. Там императрица вникала во всякую мелочь. Девочки же составляли до поры до времени «бесполезное украшение гостиных», как выразился современник, а потом выходили замуж. Говорили, что после рождения пятой внучки в ответ на поздравления Екатерина обронила: «Слишком много девок - трудно будет замуж выдавать».

Вот это отсутствие государственного интереса и побудило Екатерину «отдать» девочек родителям. Сама она поначалу контролировала лишь назначение персонала к внукам, подозревая, очевидно, что родители не способны справиться даже с этим, но постепенно, убедившись, что все идет как надо,

перестала вникать и в это. Родным домом великих княжон считался Гатчинский дворец - резиденция их родителей, а у бабушки они лишь гостили.

Растили дочерей Павла в полном соответствии с европейскими образцами. Их мать, великая княгиня Мария Федоровна, сама получила такое воспитание и воспроизвела его в отношении собственных дочерей. Во главу угла ставилась выработка таких качеств, как добронравие, целомудрие и привычка к занятиям. Большое значение придавали светской шлифовке: воспитанию выдержки, любезности и строгой непринужденности. Кроме того, европейская принцесса должна была знать несколько языков (неизвестно, в какой стране придется жить после замужества), уметь рукодельничать и владеть «приятными искусствами», что способствовало развитию вкуса и помогало скрасить досуг себе и окружающим. По мнению императрицы-матери, каждая женщина должна была быть «совершенная швея, ткачиха, чулочница и кухарка» и признавать «свою слабость и преимущество мужа во всяком случае».

Науками юных девиц слишком не напрягали. Вполне достаточно было иметь элементарные сведения из истории, географии, мифологии и истории литературы (европейской, разумеется).

Всему этому великих княжон обучали специально приставленные люди, а мать Мария Федоровна контролировала результаты и исполняла в отношении к детям роль высшего судьи.

Девочек выкармливали кормилицы, пестовали разноплеменные няни и бонны -благодаря их присутствию малютки начинали говорить одновременно на двух- трех языках. С восьми лет к девочкам приставляли гувернанток для планомерного обучения языкам и манерам и постоянного контроля за поведением. Чуть позднее начинали ходить учителя, а

уже лет с одиннадцати-тринадцати юным особам начинали присматривать женихов, чтобы в шестнадцать-семнадцать выдать их замуж.

Когда восемь лет исполнилось старшей из великих княжон, Александре Павловне, бабушка-императрица лично озаботилась приисканием ей достойной воспитательницы. Ей хотелось, чтобы это была прибалтийская немка - аккуратная, исполнительная и умеющая добиться послушания и дисциплины.

Екатерина написала рижскому генерал-губернатору Брауну: «Дорогой Браун, вы присылаете мне лучшие апельсины; не сможете ли вы прислать мне лучшую гувернантку для моих внучек?»

Только что Браун получил эту записку, как ему доложили о визите баронессы фон Ливен. Вошла высокая привлекательная дама под сорок с важной осанкой и твердым выражением лица. Муж ее, генерал-майор русской армии, незадолго до этого умер, оставив ее почти без средств к существованию и с пятью детьми на руках. Убедившись, что воспитывать детей должным образом ей не под силу, баронесса продала имение и отправилась в Ригу в намерении открыть небольшой пансион для девиц. Она просила у Брауна содействия своему проекту.

Сразу оценив твердость и практицизм собеседницы, генерал предложил ей, до приискания постоянной квартиры, помещение к своему дому и еще несколько дней к ней приглядывался. Затем сказал, что нашел ей хорошее место - гувернантки у великих княжон. «Ах, боже мой! - всплеснула руками Ливен. - Да я же не говорю по-французски!» - «А это вовсе не обязательно, у них будут учителя. Дело идет о хорошем, солидном нравственном воспитании - вот что от вас потребуется. И детям своим вы обеспечите в будущем достойную карьеру».

Рассказывали, что по приезде баронессы Ливен в Царское Село императрица Екатерина, стоя за ширмой, случайно подслушала, как гостя сетует кому-то из придворных на трудности предстоящей ей работы: ведь не только двор, но и сама императрица подает девочкам дурной пример своим образом жизни. Екатерина вышла из-за ширмы и сказала госпоже Ливен: «Вы именно такая женщина, которая нам нужна».

И все вышло так, как говорил генерал Браун.

Не только Екатерина, но и Мария Федоровна оценила многочисленные достоинства новой воспитательницы: безупречную нравственность, честность и преданность. Скоро баронесса Ливен была сделана главной воспитательницей великих княжон, полновластно распоряжающейся на детской половине. Конечно же, у нее были многочисленные помощницы, а у каждой девочки имелась личная гувернантка (у Елены - мисс Сейме, у Екатерины - Алединская, у Марии - м-ль Моно, у Анны - мисс Николс и т. д.). Ни в назначения, ни в «кадровые перестановки», ни в распоряжения Ливен ни мать, ни бабушка не вмешивались. Девочки привязались к ней несравненно сильнее или, во всяком случае, относились к ней намного теплее, чем к родной матери, хотя Шарлотта Карловна была с ними строга, а порой даже сурова.

Результаты воспитания оказались превосходны.

Каждая из великих княжон блистала, как подлинный бриллиант. Они безупречно держались, имели идеальную репутацию, и каждая была одарена бесчисленными талантами. Александра Павловна к двенадцати годам

говорила на четырех языках, пела, танцевала, рисовала, лепила из воска, играла на клавесине, а в тринадцать опубликовала в сборнике «Музы» свои переводы с французского «Бодрость и благодеяние

одного крестьянина» и «Долг человечества» и снабдила их собственными замечаниями.

Красавица Елена увлекалась пением и миниатюрной живописью.

Мария особенно серьезно училась истории, музыке и пению. Ее вкус считался безупречным, художественное чутье абсолютным. В Веймаре, где она жила после замужества, ее частым гостем бывал И.-В. Гете, называвший Марию Павловну женщиной выдающейся.

Екатерина Павловна, помимо искусств и живых языков, по собственному желанию изучала латынь, математику и политическую экономию, которую читал ей тот же Генрих Шторх, что был преподавателем и у ее брата Александра.

В 1809 году к Екатерине Павловне посватался Наполеон Бонапарт, и, чтобы иметь благовидный предлог отказать «корсиканскому выскочке», великая княжна спешно приняла предложение принца Георга Ольденбургского, состоявшего на русской службе.

После заключения брака принц получил назначение на должность тверского генерал-губернатора, и его супруга - «тверская полубогиня», как ее прозвали, превратила этот город в подобие столицы. В ее салоне читал свои сочинения Н.М. Карамзин, бывали известные литераторы Ю. А. Нелединский-Мелецкий, А. М. Бакунин, Ф. В. Ростопчин и др. Екатерина была умна и энергична, обладала широким политическим кругозором и государственными способностями, оказывала влияние на брата императора Александра I - в частности, ее стараниями был удален в ссылку знаменитый реформатор М.М.Сперанский, вызвавший недовольство значительной части дворянского общества, что не шло на пользу авторитету государя. У великой княгини было множество приверженцев, втайне не отказавшихся бы увидеть ее на российском престоле - Екатериной Третьей.

Все сестры Екатерины Павловны были выданы замуж за границу и играли видную роль в общественной и интеллектуальной жизни своих стран.

В дворцовых хрониках даровитые сестры еще при жизни превратились в легенду. Дочь Николая I великая княжна Ольга Николаевна вспоминала: «Мы рассматривали их портреты, просили рассказать нам об их характерах, манерах, появлении в свет. Сравнивали эти идеальные для нас существа с собой и находили себя очень посредственными в сравнении с ними».

Усилия Шарлотты Карловны Ливен были оценены ее нанимателями очень высоко. Она закончила свои дни состоятельной женщиной, кавалерственной дамой ордена св. Екатерины, светлейшей княгиней. В дарованном ей гербе помещался двуглавый российский орел с вензелями императоров Павла I и Николая I. Умерла Ливен в один год с императрицей Марией Федоровной, прослужив при дворе 45 лет, с 1783-го по 1828-й.

Павел и Мария Федоровна поручили ей воспитание и своих младших сыновей Николая и Михаила в их первые годы, требовавшие женской заботы.

Как закалялась сталь

25 июня 1796 года, еще при жизни императрицы Екатерины II, великая княгиня Мария Федоровна разрешилась от бремени девятым ребенком - и снова после долгого перерыва это был сын, да еще и сын-великан!

Восхищенная бабушка тут же известила о событии своего постоянного корреспондента барона Ф. М. Гримма: «Сегодня в три часа утра мамаша родила большущего мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него - бас, и кричит он удивительно; длиной он - аршин без двух вершков (62,2 см. - В. Б.), а руки немного менее моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого богатыря». И позднее добавила: «По необыкновенной силе своей, он предназначен, кажется мне, тоже царствовать, хотя у него и есть два старших брата».

Как в воду глядела! Александр умер, не оставив наследников, а Константин отрекся от престола, так как надумал жениться на женщине не царского происхождения и отречение было непременным условием нового брака. И Николай в 1825 году взошел на трон.

На двенадцатый день после рождения Николая торжественно окрестили в царскосельской дворцовой церкви. Его восприемниками были брат Александр Павлович и сестра - Александра Павловна. Бабушка уже болела и лично в церемонии не участвовала, только смотрела за происходящим сверху с церковных хоров и благословила внука образом Богородицы Одигитрии, с которым Николай потом не расставался всю жизнь.

«Во время церемонии крещения вся женская прислуга была одета в фижмы и платья с корсетами, не исключая даже кормилицы. Представьте себе странную фигуру простой русской крестьянки из окрестностей Петербурга, в фижмах, в высокой прическе, на помаженную, напудренную и затянутую в корсет до удушья. Тем не менее это находили необходимым. Лишь только отец мой, при рождении Михаила, освободил этих несчастных от этой смешной пытки», - рассказывал потом Николай.

Первые годы руководила воспитанием маленького великого князя, а вслед за тем и его брата Михаила, появившегося на свет в 1798 году, все та же незаменимая Шарлотта Карловна Ливен. Ее Николай аттестовал как «уважаемую и прекрасную женщину, которая была всегда образцом неподкупной правдивости, справедливости и привязанности к своим обязанностям и которую мы страшно любили. Мой отец при вступлении на престол утвердил ее в этой должности, которую она и исполняла с примерным усердием. Обязанности ее, при жизни императрицы, были тем более тяжелыми, что отношения между сыном и матерью были часто натянутыми, и она, постоянно находясь между обоими сторонами, только благодаря своей незыблемой прямоте и доверию, которое она этим внушала, умела всегда выходить с честью из этого трудного положения».

У каждого мальчика был собственный штат: английская бонна, две дамы для ночного дежурства, четыре няньки (горничных), два камердинера, два камер-лакея, восемь лакеев и восемь истопников. Такое непомерное количество истопников не должно удивлять. Они работали посменно и обслуживали не только детские покои, но и комнаты остального персонала, а кроме того, выполняли всю работу, требующую физических усилий: двигали и переносили

мебель и громоздкий багаж при переездах, таскали воду в ванны (водопровода в современном понимании во дворцах тогда еще не было) и т. д.

Бонной маленького Николая стала шотландка Джейн (Евгения Васильевна) Лайон («няня-львица», как он ее называл), дочь лепного мастера, приглашенного в Россию на работу.

Совсем молоденькая - в момент назначения ей было около двадцати лет, Евгения Васильевна была усердна и решительна и в интересах своего подопечного, к которому была безгранично привязана, готова была спорить даже со всемогущей госпожой Ливен. Лайон говорила по-русски и потом всю жизнь очень гордилась, что первой научила великого князя складывать пальчики для крестного знамения и читала вместе с ним русские молитвы - «Отче наш» и «Богородицу».

Николай ее обожал. С братом Михаилом они частенько спорили - и порой весьма горячо, -

чья няня лучше. Михаил, пылко привязанный к своей «мистрис Кеннеди», настаивал на ее преимуществах, но как младший не всегда мог подобрать убедительные аргументы. Обычно, не одержав верх в споре, он примирительно заключал, что обе няни хорошие и умные. Тогда Николай, подумав минуту, оставлял последнее слово за собой: «Моя все-таки лучше, она - добрее!»

Как и для абсолютного большинства дворянских детей того времени, для Николая именно няня была главным человеком его детства - няня, а не родители. Мать Мария Федоровна при всех своих добродетелях не отличалась сердечностью и в отношениях с детьми на первое место ставила выполнение долга. Первые месяцы жизни сына она считала своим долгом ежедневно посещать его и проводила в детской каждый день от десяти до пятнадцати минут (столько же времени длился стандартный светский визит). После

того, как Николаю исполнился год и ему «не опасна была перемена воздуха», сама она ходить в детскую перестала и требовала, чтобы ребенка приводили к ней в апартаменты - утром и вечером.

Мальчика привозили в коляске и держали в комнатах матери от получаса до двух часов. В это же время к матери приводили и других детей, так что Николай Павлович мог повидаться с братьями и сестрами. Позднее, когда Николаю исполнилось два года, эти посещения сделались менее регулярными, и бывало, что ребенок не видел мать по нескольку дней подряд. Как писал биограф Николая, «Николай и Михаил Павловичи в первые годы детства находились с своею августейшею матерью в отношениях церемонности и холодной учтивости и даже боязни».

Подобные же отношения были с матерью и у других детей. Считая себя обязанной быть строгой и взыскательной, Мария Федоровна исключала из отношений с детьми и их персоналом шутки и ласки. Как вспоминала великая княжна Анна Павловна, когда мать входила в детскую, все в испуге замирали, вытягивались в струнку и напряженно ждали неприятностей. Когда же императрица уходила, все сразу ощущали легкость и свободу.

А к отцу Николай был очень привязан. Павел тоже не слишком часто посещал детей, но делал это всегда с удовольствием и, когда приходил, был легок и весел, много шутил, запросто усаживал нянек, не гнушался поднять какой-нибудь уроненный ими или детьми предмет или игрушку - вообще старался забыть о своем императорстве сам и заставить забыть окружающих.

«Отец мой нас нежно любил», - вспоминал Николай Павлович. Мальчик навсегда запомнил даже незначительные случаи, связанные с отцом: как во время парада «отец, бывший на коне, поставил меня к себе на ногу», как «однажды, когда я был испуган

шумом пикета Конной гвардии, стоявшего в прихожей моей матери в Зимнем дворце, отец мой, проходивший в это время, взял меня на руки и заставил перецеловать весь караул», как «обер-шталмейстер граф Ростопчин от имени отца подарил мне маленькую золоченую коляску с парюю шотландских вороных лошадок и жокеем», как «в Павловске я ожидал моего отца в нижней комнате, он возвращался, я пошел к нему к калитке малого сада у балкона; он отворил калитку и, сняв шляпу, сказал: „Поздравляю, Николаша, с новым полком, я тебя перевел из Конной гвардии в Измайловский полк“»...

Вообще память у Николая была выдающаяся: он помнил себя очень рано и со множеством подробностей. К примеру, встреча с А. В. Суворовым произошла, когда ребенку не было и четырех лет. Пораженный непохожестью Суворова ни на кого из знакомых, маленький Николай Павлович «осыпал его множеством вопросов» по поводу многочисленных наград, а генералиссимус встал на колени и «имел терпение все показать и объяснить».

Хорошо запомнил Николай и кратковременное пребывание в марте 1801 года в Михайловском замке, куда царское семейство переехало по настоянию императора Павла еще до завершения отделочных работ. «Когда нас туда привезли, - вспоминал Николай, - то поместили временно всех вместе, в четвертом этаже, в анфиладе комнат, находившихся не на одинаковом уровне... Наше помещение находилось над апартаментами отца, рядом с церковью... Помню, что всюду было очень сыро и что на подоконники клали свежее испеченный хлеб, чтобы уменьшить сырость».

Естественно, что в память ребенка врезались и обстоятельства рокового 11 марта - последнего дня жизни Павла. Вечером, когда дети поднялись к себе и принялись за обычные игры, «Михаил, которому было

тогда три года, играл в углу один в стороне от нас; англичанки, удивленные тем, что он не принимает участия в наших играх, обратили на это внимание и задали ему вопрос: что он делает? Он не колеблясь отвечал: „Хороню своего отца!“ Как ни малозначащи должны были казаться такие слова в устах ребенка, они тем не менее испугали няnek. Ему, само собой разумеется, запретили эту игру, но он тем не менее продолжал ее, заменяя слово „отец“ - семеновским гренадером. На следующее утро моего отца не стало».

Ночью графиня Ливен разбудила мальчика; его спешно одели и свели вниз, где уже были сестры, маленький Михаил, потрясенная прислуга. «Караул вышел во двор Михайловского дворца и отдал честь. Моя мать тотчас же заставила его молчать... Вошел император Александр в сопровождении Константина и князя Николая Ивановича Салтыкова; он бросился перед матушкой на колени, и я до сих пор еще слышу его рыдания. Ему принесли воды, а нас увели. Для нас было счастьем опять увидеть наши комнаты и, должен сказать по правде, наших деревянных лошадок, которых мы там забыли».

Смерть отца, при всей своей трагичности, не потрясла Николая. Отец всегда был где-то в отдалении, существом полуреальным, а теперь просто переместился из действительности в мечту, в сферу дорогих воспоминаний и полумифических образцов. Всю последующую жизнь отец оставался для великого князя, а потом императора авторитетом и примером, которому он подражал во многих бытовых мелочах.

В год к Николаю приставили, помимо бонны, также двух гувернанток (на дворцовом жаргоне - «полковниц», ибо их покойные мужья находились в этом чине) - Юлию фон Адлерберг и ее помощницу г-жу Тауберт. Они поочередно дежурили при ребенке, следили за его здоровьем, заботились о его начальном

религиозном воспитании и говорили с ним по-французски, чтобы осваивал язык.

Эти женщины, «няня-львица», воспитательницы Михаила и сестры Анны составляли непосредственное окружение будущего монарха, его детский мир. Брат и сестра, а также дети «полковницы» Адлерберг - Владимир и Юлия - были первыми товарищами по играм.

В этом смешанном обществе ребенку было хорошо. У них была уйма игрушек -помимо особенно любимых лошадок еще куча всякого оружия и воинской амуниции, мячики и воланы, масса книг с картинками. Великолепными игрушками были стулья и кресла - из них получались и дворцы, и кареты, и крепости. После поездки на коронацию Александра I в 1801 году любимой игрой детей надолго стала именно коронация: сестрица Анна была императрицей, а братья - ее верными рыцарями и придворными. Анну наряжали как умели: драпировали в занавеску, обвешивали бусами и хрусталиками от люстры. Потом она ехала в карете из стульев, а «придворные» гарцевали на палочках по сторонам... ну и так далее.

Летом, когда детей вывозили в Гатчину, Павловск или Царское Село, их игры переносились на воздух - и здесь конца не было военным баталиям, сопровождаемым громкими боевыми воплями, а также обширному строительству, к которому Николай Павлович пристрастился в самом нежном возрасте. Он старательно рыл песок и землю и «строил» домики для любимой няни или чаще (будущий военный инженер) - всевозможные «военные объекты»: крепости, гавани и мосты. А кроха Михаил (будущий артиллерист) с неменьшим упоением эти мосты и крепости разрушал. В игре Михаил отличался остроумием, насмешливостью и ловкостью, а Николай держался серьезно, властно, любил командовать и хвастаться.

Николай был вспыльчив и гневлив, порой дрался, но также был терпелив и настойчив в достижении цели.

Мальчики изживали присущую им обоим робость и страх перед стрельбой (их часто брали на учения, а нередко и провозили пушки под окнами великих князей, причем Николай поначалу пугался и прятался, но потом постепенно привык), а также застенчивость, для чего их брали на различные официальные церемонии. Первый такой «светский дебют» Николая произошел, когда он только что научился ходить - в год и четыре месяца. Его привели на «малый бал» в Павловске, где он даже «танцевал» с сестрицей Анной Павловной.

Оба великих князя были очень чувствительны, плакали из-за расставания с близкими людьми, огорчались, если любимая няня забывала их вечером поцеловать, чрезвычайно заботились о своих питомцах - канарейках, собачках, белках и зайцах. Последних всегда с охотой отпускали на волю и по этому случаю устраивали праздник. «Гуманность - первая добродетель, которую

надо воспитывать, особенно в великих князьях», - отмечал впоследствии их воспитатель Н. И. Ахвердов.

Осенью 1801 года настала пора переходить из женских рук в мужские. У Николая появились первые воспитатели - «кавалеры» Н.И.Ахвердов и П.П.Ушаков; через несколько месяцев мисс Лайон и другие женщины навсегда ушли из его детской жизни. И хотя к разлуке с няней Николая готовили заранее, пережил он это событие непросто: тосковал, украдкой плакал и старательно (сам) писал нежные письма: «Моя нянинька! Посылаю вам гостинцы... **Я** вас люблю и всегда буду помнить. Николай».

Менее чем через год Михаил присоединился к Николаю, и они опять стали неразлучны, занимаясь с одними и теми же учителями по одним и тем же программам.

В учебных тетрадях учителя каждый день записывали свои суждения о пройденном и усвоенном, внимании и прилежании подопечных. Тетради ежедневно представлялись Марии Федоровне, которая внимательно их просматривала и выносила резолюции - например, «Чрезвычайно стыдно»...

Главным воспитателем Николая и Михаила стал генерал-майор Матвей Иванович Ламсдорф, курляндец, ранее около десяти лет состоявший «кавалером» при великом князе Константине Павловиче. Императрица Мария Федоровна Ламсдорфа очень уважала и всецело ему доверяла.

Ламсдорф был приверженцем прусской воспитательной системы, образчик которой мы уже наблюдали в случае с несчастным Петром Федоровичем. Мария

Федоровна разрешила ему использовать элементы этой системы, в несколько смягченном, впрочем, виде. От него требовалось обходиться с мальчиками поосторожнее, ибо без отца они могли совсем разболтаться, а также, по возможности, отвлекать их от воинственных пристрастий: пусть сколь можно больше занимаются науками, носят штатскую одежду и вовсе не участвуют в военных учениях. С выполнением второй задачи Ламсдорф справиться не мог: против него были и сплошь военное окружение великих князей, и их генетическая предрасположенность, и уже проявившиеся склонности, да и прямо выраженная воля императора Александра: его братья, как и все царские сыновья, должны были готовиться к военной карьере.

Зато с первой задачей - воспитанием строгостью - Ламсдорф справился великолепно. Михаил был мягче и покладистее; ему доставалось меньше. Николай был строптив, самолюбив и упрям - и получал по полной. За свои школьные годы он опробовал весь арсенал принятых к детям наказаний: в угол; без сладкого; без

прогулок; без удовольствий; покинуть класс, пока не извинится, и т. д. Ламсдорф не избегал брани, толчков, щипков, наказания линейкой и шомполом, а порой и рукоприкладства и иногда так швырял ребенка о стену, что у того делалось что-то вроде обморока. Знакома Николаю была и порка розгами, разве что обставляли это унижительное наказание не так торжественно, как когда-то в Киле у его дедушки.

Мария Федоровна во все эти воспитательные методы не вмешивалась; напротив, считала, что детскую

строптивость и упрямство следует обязательно переламывать.

Ламсдорф полагал, что развить и направить к добродетели нравственные и духовные силы детей возможно лишь при уничтожении всякой самостоятельности. Он шел наперекор их желаниям, способностям и наклонностям. Мальчики не могли свободно и непринужденно общаться, играть, предаваться обычной детской резвости, так как на каждом шагу их останавливали, упрекали, читали мораль, наказывали и даже били. Стоило детям - а особенно Николаю - высказать какое-нибудь (даже самое невинное) желание: к примеру: открыть окна в карете, чтобы можно было высунуться наружу, как почти обязательно следовал запрет.

«Граф Ламсдорф умел вселить в нас одно чувство - страх, и такой страх и уверение в его всемогуществе, что лицо матушки было для нас второе в степени важности понятий. Сей порядок лишил нас совершенно счастья сыновнего доверия к родительнице, к которой допускаемы мы были редко одни, и то никогда иначе, как будто на приговор. Беспрестанная перемена окружающих лиц вселила в нас с младенчества привычку искать в них слабые стороны, дабы воспользоваться ими в смысле того, что по нашим

желаниям нам нужно было, и должно признаться, что не без успеха.

Генерал-адъютант Ушаков был тот, которого мы более всех любили, ибо он с нами никогда сурово не обходился, тогда как граф Ламсдорф и другие, ему подражая, употребляли строгость с запальчивостью, которая отнимала у нас и чувство вины своей, оставляя одну досаду за грубое обращение, а часто и незаслуженное. Одним словом - страх и искание, как избегнуть от наказания, более всего занимали мой ум», - вспоминал позднее Николай.

Несмотря на все усилия наставников, «выбить» из Николая неуютные черты характера им так и не удалось. Чем сильнее было давление, тем резче сопротивление. Ему запрещали - он делал назло. Страницы журналов воспитателей пестрели записями о необузданности, вспыльчивости и нарочитой грубости Николая. Годы шли, а мальчик сохранял прежнюю «строптивость и стремительность характера», все ту же настойчивость и «желание следовать одной собственной своей воле».

В этом противостоянии воспитателю, идущему наперекор всем его наклонностям и способностям, у Николая выработался характер поистине стальной. О его силе воли ходили впоследствии легенды. «Твердость его напоминала мужей древности, украшавшихся сими качествами», - писал в своем дневнике камер-юнкер В. А. Муханов

Учебная программа мальчиков была довольно основательна. Русское письмо осваивали сначала, как и современные дети, выводя палочки и крючки. Потом совершенствовали почерк путем многократного копирования прописей с нравоучительными предложениями («Не давши слова - крепись, а давши - держись», «Дети должны родителей любить и слушаться» и т. п.). Практические навыки закреплялись

писанием писем и диктантов: «Когда состояние Царево все другие превосходит, всех силою и могуществом превышает, всех больше делает и умеет, и наконец все правление от него зависит, то необходимо должно, чтоб вящую паче всех святостию и благочинием дом, персону и жизнь его были украшены. Ибо как купец одним аршином меряет все товары, так целое общество подобится жизни своего Государя». Мать приказала мальчикам вести свои личные дневники - заполнять их вечером перед сном. Предполагалось, что это приучит их к самоанализу, породит желание самосовершенствоваться. На практике же писание дневника почти сразу превратилось в докучную формальность, в скучную фиксацию событий. По внутренним побуждениям Николай стал вести дневник лишь много позднее - в 1822-1825 годах (может быть, имелись его дневники и за другие годы, но сохранились только эти).

В 1802 году дети стали брать уроки танцев у известного танцмейстера Лепика - сперва с неохотой, потом со все большим удовольствием. Музыка Николай поначалу тоже не любил: скучал, вертелся, шалил и дурачился; зато вскоре он сам пристрастился к духовному пению и позднее охотно пел с придворными певчими. По признанию Николая, ему еще совсем маленьким каждый раз хотелось плакать от пения церковных певчих, и только боязнь насмешек удерживала от того, чтобы дать волю чувствам.

В 1804 году им стали преподавать рисование, которое очень нравилось Николаю. Он любил раскрашивать рисунки, сделанные Ахвердовым или Ушаковым, а также рисовать самостоятельно - карандашом, пастелью и акварелью. Впоследствии он свободно рисовал с академических слепков, гравировал, компоновал батальные сценки и карикатуры; очень любил изображать военную форму. Впоследствии он

иногда рисовал на полях официальных бумаг. Николай и Михаил учились академическому рисунку у И. А. Акимова и сменившего его в 1810 году В. К. Шебуева. Одно время мальчикам давал уроки О. Кипренский, а в гравировании - знаменитый гравер Н.Уткин.

В 1803 году стали учить Закон Божий под руководством о. Павла Криницкого. Впрочем, на религиозное воспитание Николая Павловича большого внимания не обращали. Его дочь великая княжна Ольга Николаевна вспоминала: «Он был убежденным христианином и глубоко верующим человеком, но Евангелие он читал по-французски и серьезно считал, что церковнославянский язык доступен только духовенству». Впоследствии под влиянием собственных детей, уже зрелым человеком, Николай «выучился понимать чудесные обряды нашей Церкви, молитвы праздников и псалмы, которые в большинстве случаев читаются быстро и непонятно псаломщиками и которые так необычайно хороши на церковнославянском языке».

Начаткам французского с 1802 года учила сама мать - в это время в Европе стало входить в моду, чтобы матери сами учили своих детей. Учить императрица совсем не умела, и мальчики эти уроки не любили.

Кроме этого, великим князьям преподавали немецкий язык, математику, географию, физику. Николай был медлителен, рассеян и часто делал ошибки. «В учении видел я одно принуждение и учился без охоты, - вспоминал он. - Меня часто и, я думаю, не без причины, обвиняли в лености и рассеянности, и нередко граф Ламсдорф меня наказывал тростником весьма больно среди самых уроков... Наш с братом Михаилом главный наставник был не слишком просвещенным человеком и не отличался способностью не то что руководить нашим ученьем, но хотя бы привить нам вкус к нему».

Мария Федоровна планировала, подобно немецким принцам, отправить детей в Лейпцигский университет, что должно было, как она считала, несколько уравновесить воинственные наклонности сыновей. Александр I решительно восстал против этого плана как противоречащего русским традициям.

М.М. Сперанский подал императору мысль отдать братьев учиться в новооснованный Царскосельский лицей. Эта идея Александру понравилась, но против нее ополчилась уже Мария Федоровна. В итоге ограничились домашними занятиями, к которым привлекли известных университетских профессоров: экономиста А. К. Шторха, правоведов В. Г. Кукольника и М. А. Балугьянского, историка Ф. П. Аделунга и др. Одновременно от братьев были удалены их детские друзья и прежние воспитатели. Вместо них пришли новые -

Саврасов и Глинка, которые быстро завоевали доверие и дружбу великих князей. Увеличились учебные часы и предметы. Теперь им преподавали историю философии, латинский и древнегреческий языки, политэкономия, русскую и всеобщую историю, право, а также тригонометрию, механику, гидродинамику, фортификацию, артиллерийское дело, тактику. С этого времени, помимо

отчетов воспитателей, Мария Федоровна получала собственноручные отчеты сыновей на русском языке.

«Успехов я не оказывал, - вспоминал Николай, - за что строго был наказываем, хотя уже не телесно. Математика, потом артиллерия и в особенности инженерная наука и тактика привлекали меня исключительно; успехи по сей части оказывал я особенные, и тогда я получил охоту служить по инженерной части».

К гуманитарным дисциплинам будущий император никакого интереса не выказывал. Виной тому,

возможно, были его наставники, слишком сухо и педантично подающие свои предметы. Если с историей у Николая Павловича отношения в общем сложились и впоследствии он знал ее неплохо, то относительно других дисциплин он так и остался в убеждении, что нормальный человек всерьез этим заниматься не может: качество, не совсем полезное для монарха.

«Не надо слишком долго останавливаться на отвлеченных предметах, - писал он впоследствии, - которые потом или забываются, или не находят никакого приложения в практике. **Я** помню, как нас мучили над этим два человека, очень добрые, может статья, и очень умные, но оба несноснейшие педанты: покойные Балугьянский и Кукольник. Один толковал нам на смеси всех языков, из которых не знал хорошо ни одного, о римских, немецких и бог весть еще каких законах; другой - что-то о мнимом „естественном“ праве. В прибавку к ним являлся еще Шторх со своими усыпительными лекциями о политической экономии, которые читал нам по своей печатной французской книжке, ничем не разнообразя этой монотонии. И что ж выходило? На уроках этих господ мы или дремали, или рисовали какой-нибудь вздор, иногда собственные их карикатурные портреты, а потом к экзаменам выучивали кое-что в долбляжку, без плода и пользы для будущего».

Не способствовали успешной учебе и внешние события. Наступил 1812 год, Наполеон пошел походом на Россию, и юные великие князья, как и все тогдашние подростки, погрузились в переживания военных событий, мечтая оказаться в передовых порядках. «...Отъезд государя в армию был для нас двоих ударом жестоким, ибо мы чувствовали сильно, что и в нас бились русские сердца, и душа наша стремилась за ним! - вспоминал Николай. - Но матушке неуютно было даровать нам сего счастья. Мы остались, но все приняло

округ нас другой оборот; всякий помышлял об общем деле; и нам стало легче. Все мысли наши были в армии; ученье шло, как могло, среди беспрестанных тревог и известий из армии. Одни воинские науки занимали меня страстно, в них одних находил я утешение и приятное занятие, сходное с расположением моего духа».

Николаю пошел уже семнадцатый год. Он все чаще бывал на разводах, парадах, ученьях войск, предаваясь страсти к «шагистике» и стараясь освоить все мелочи обожаемого им «фрунта», военной выправки и маршировки. Рассказывали, что Николай завидовал искусству Михаила в учебном шаге и даже сказал однажды: «Как обидела меня природа! Брат оттягивает ногу вершком более и опускает носок на вершок ниже!»

Война перевалила границы России и велась на полях Европы, а юноши все продолжали упрашивать мать разрешить им отправиться в армию. Наконец, в 1814 году, когда кампания, по сути, была окончена, вдовствующая императрица сдалась. Детям все равно предстояло совершить европейский вояж, и его теперь безопасно можно было соединить с выездом в войска.

Мать напутствовала великих князей превосходно написанным письмом, проникнутым высоконравственными сентенциями. Она советовала им быть строго религиозными, заботиться о правильном распределении времени, посвящать свободные минуты чтению, предостерегала их от праздности и умственной лени, убивающей духовные способности и

заглушающей самые лучшие задатки. Если бы сыновья это еще и прочитали!..

Императрицу-мать очень беспокоил Париж, куда неминуемо предстояло попасть юношам. Париж, «гнездо разврата», со всеми его соблазнами, казался ей местом особенно пагубным для молодых людей. В качестве превентивной меры она попросила врача Крейтона показать сыновьям следствия

«невоздержанности». Доктор отвел юношей в военный госпиталь и показал больных сифилисом в последней стадии. Зрелище подействовало - во всяком случае, на Николая. «Больные, которых я увидел, - вспоминал он, - произвели во мне такой ужас, что я до самой женитьбы своей не знал женщин».

И Николай с Михаилом отправились «воевать». К этому времени война уже кончилась. Войска союзников взяли Париж, всюду царило ликование, и в этой

атмосфере эйфории и всеобщего восторга молодые великие князья объехали пол-Европы. Везде они любовались парадами и смотрами войск, везде посещали дворцы, казармы, театры, госпитали, университеты и богадельни. Действительно, получилась обычная образовательная поездка, соединенная с поисками будущей спутницы жизни.

«В Берлине Провидением назначено было решиться счастию всей моей будущности, - писал Николай, - здесь увидел я в первый раз ту, которая по собственному моему выбору с первого раза возбудила во мне желание принадлежать ей на всю жизнь; и Бог благословил сие желание шестнадцатилетним семейным блаженством». Брак Николая с прусской принцессой Шарлоттой (в православном крещении Александрой Федоровной) был заключен в 1817 году, когда жениху исполнился двадцать один год. Со временем он стал отцом обширного семейства - четверых сыновей и трех дочерей. Все его дети, в свою очередь, тоже имели обильное потомство, так что императорский дом вскоре невероятно разросся и насчитывал к концу XIX века более ста представителей.

Взрослый Николай имел все признаки профессионального военного и «технаря», прекрасно разбиравшегося в различных производствах. Именно в его царствование начали строить железные дороги, пустили пароходы, стали внедрять паровые двигатели

на производстве. В активе Николая было четыре языка: русский, французский, немецкий и английский. Позднее, уже став императором, он освоил (на разговорном уровне) еще и польский - когда собирался ехать в Варшаву, чтобы короноваться польской короной.

О русском языке стоит сказать отдельно. Именно в николаевское царствование знание русского языка стало обязательным для дворянства. Николай демонстративно использовал его в общении с придворными и чиновниками и требовал, чтобы на нем велось делопроизводство (в предшествующие царствования деловая переписка нередко шла по-французски).

Спартанское воспитание приучило Николая к простоте уклада. Он спал на походной кровати (как Павел), на тюфяке из соломы, ел горячее один раз в день, в обед, довольствуясь утром и вечером чаем с хлебом, но мог и сутками ничего не есть; почти не пил вина, не курил, выдерживал многотысячеверстные путешествия - всегда в открытой коляске или санях, - никогда не кутался и не знал домашней одежды (халатов у него просто не было). При этом он старался всегда быть подтянутым, бодрым и свежим и выглядел молодцом, даже когда его свита уже валилась с ног от усталости.

К царской миссии Николая не готовили, и необходимые для нее знания он добывал опытным путем. Можно сказать, что Николай сам превратил себя в царя. К своей новой роли он подошел с небывалой ответственностью и, как прежде старался стать образцовым военным, так теперь, превратившись в государя, принялся воспитывать в себе (поразительно настойчивой внутренней работой) желательные «царские» качества - трудолюбие, выносливость, великодушие, справедливость, милостивость и - особенно - чувство долга.

Грустный опыт собственного детства сформировал у Николая Павловича взгляд на воспитание детей, который он старался реализовать в своей семье: «Им (детям), - говорил он, - следует внушать чувства возможно большего почтения, но в то же время вселять в них доверие к родителям, а не страх».

Та система детского воспитания, которая в итоге сложилась в семье Николая, и стала эталонной для большинства его потомков.

«Мы просто делили с ними ЖИЗНЬ»

Дети Николая Павловича росли в по-настоящему счастливой семье.

Брак Николая и Александры Федоровны, заключенный по взаимной глубокой любви, всеми современниками признавался за образцовый. В этом дуэте Николай был воплощением безупречной мужественности, а Александра - бесконечной женственности. Он был глава семьи - твердый, уверенный, слегка деспотичный, но всегда любящий, снисходительный и нежный. Она никогда не претендовала на первые роли или развитие собственной личности и послушно следовала за мужем, одаривая его абсолютной преданностью и позволяя себя всячески баловать. «Мой жребий все же прекрасен. **Я** буду и на троне только его подругой! И в этом для меня все!» - писала Александра Федоровна. В своем дневнике она записывала, что однажды вскоре после воцарения, когда, как казалось, Николай был всецело занят государственными делами, она сказала ему: «Теперь я на втором плане в твоём сердце, так как первое место в нём занимает Россия». - «О нет, ты ошибаешься, - ответил Николай, - ибо ты и я одно; таким образом, ничто не может измениться». - «Как это чудно!» - продолжала писать Александра Федоровна. - Можно ли после таких слов не быть счастливой, счастливой без конца!»

Атмосфера в семье Николая была возвышенной и сентиментальной. Августейшие супруги любили друг друга и были счастливы. Они любили своих детей и не

считали нужным это скрывать. Для Николая его семья была и крепостью, и убежищем от проблем, и источником бесконечной радости.

«Император Николай Павлович был самый нежный отец семейства, веселый, шутливый, забывающий все серьезное, чтоб провести спокойный часок среди своей возлюбленной супруги, детей и позже внуков. Император отличался своей любовью и почтением к жене и был самый нежный отец», - вспоминала фрейлина М. П. Фредерике.

В кругу семьи грозного императора можно было застать, к примеру, за кормлением каши младенца или за веселой и непосредственной возней с детьми и их маленькими приятелями. Сын художника П. Ф. Соколова рассказывал со слов отца, что однажды тот во внеурочное время оказался на детской половине Зимнего дворца. Соколов писал тогда портреты великих княжон, и ему нужны были для работы те платица, в которых позировали девочки, чтобы дома спокойно прописать необходимые детали. «Знакомый со всеми входами и выходами дворца, отец направился прямо в детскую половину, где помещался гардероб.

Каково же было его изумление, когда, отворив дверь в детскую, ему представилась следующая картина: посреди комнаты император Николай Павлович в сюртуке без эполет и мимо него торжественное шествие маленькой армии в различных пехотных и кавалерийских формах, с барабанами, свистульками, мал мала меньше, в комической важностью старающейся держать строй, чтобы заслужить одобрение своего командира. Увидев моего отца, император велел ему остаться смотреть, „какой у него развод“. Эта маленькая комедия продолжалась довольно долго, пока, наконец, государь не закончил церемонии, расставив ноги и заставив весь отряд

пройти под ними, как корабли проходили под колоссом Родосским».

В счастливой семье императора Николая оттаяла даже чопорная императрица-мать Мария Федоровна. Она превратилась просто в бабушку, любящую и любимую внуками.

«Бабушка приходила уже с утра, - вспоминала дочь Николая великая княжна Ольга Николаевна, - со своей гобеленовой вышивкой... садилась в детской и принимала там доклады, в то время как мы всю резвились... Никогда не забывала она привезти нам с собой гостинец. У меня до сих пор хранится привезенный ею браслет с камеей, изображающей отца».

Когда великим княжнам позволили играть с воспитанницами одного из институтов благородных девиц и сшили точно такую же институтскую форму, бабушка охотно притворялась, что не узнает внучек, и, подзывая их к себе, пресерьезно говорила: «А вы кто, милая?»

«Как ваша фамилия?» Девочки приходили в восторг: им казалось, что они выглядят настоящими институтками.

Семейная атмосфера и пример родителей воспитывали детей сами по себе, почти без усилий со стороны наставников. «Мне очень трудно передать, что дала Мама моему детскому сердцу, - вспоминала Ольга Николаевна. - Она была именно матерью, и описать это невозможно. С ней мы чувствовали себя дома как в раю. Каждую свободную минутку я бежала к ней, зная, что никогда не помешаю... Что касается общения с нами, детьми, то в нем не было никакой предвзятости, никаких особых начал, никакой системы. Мы просто делили с ней жизнь, и это было так легко, как воздух, который вдыхаешь, как будто иначе и не могло быть. Если Мама уезжала, мы становились как потерянные. И

тем не менее я не могу сказать, чтобы она занималась нами. Может быть, сильное впечатление производил пример ее жизни. Только когда я сама была уже замужем, я поняла, что значит иметь такой пример перед глазами. Выезжала ли она, навещала ли институты или принимала дам у себя, всегда что-то от ее существа захватывало и нас, и в те вечера, когда мы стояли у рояля и слушали игру и пение, мы учились глазами и ушами, без длинных тирад, тому, как надо вести себя с людьми».

Николай был свято убежден, что «члены царственных домов должны стремиться стать достойными своего высокого положения, чтобы помирить с ним народное чувство». Дети воспитывались в строгости; им с ранних лет внушалось понятие долга и дисциплины. Вместе с тем им предоставлялось и много свободы. Вне уроков и протокольных обязанностей дети много гуляли, особенно летом, играли в своих комнатах и на детских площадках в парке, плавали, гребли, бегали, лазали по веревочным лестницам трапеций и через заборы (даже девочки), валялись на сеновале.

Живя в Царском Селе, семья Николая I занимала Александровский дворец. Специально для Александра Николаевича и его сестер рядом с дворцом на территории собственного садика, разбитого у окон личных императорских покоев, был построен маленький домик. В нем была гостиная и четыре комнаты для Александра Николаевича, Марии, Ольги и Александры, обставленные миниатюрной мебелью. Домик находился на небольшом острове

- Детском - посреди пруда. На острове дети играли, катались на лодках (имелась маленькая пристань для спуска на воду «игрушечного флота»). Здесь же проходили детские праздники.

В другом уголке Александровского парка у Белой башни был устроен земляной бастион, внутри которого

на площадке стояла мачта с веревочными лестницами и натянутой вокруг нее сеткой - прыгать.

В Гатчинском дворце в одном из залов Арсенала были устроены для детей бильярд, качели и даже настоящая катальная гора.

Процветал любительский театр, в котором с удовольствием принимала участие вся семья, причем отец, император Николай, с особенным успехом играл комические роли, чаще всего всяких смешных немцев. Став взрослыми, великие князья Константин, Николай и Михаил Николаевичи с успехом выступали как актеры-любители.

Когда императору указывали на излишне свободное поведение детей, в особенности девочек, он говорил: «Предоставьте детям забавы их возраста, достаточно рано им придется научиться обособленности от всех остальных».

К физическим наказаниям детей император, памятуя собственное детство, не прибегал

- это тем более примечательно, что вообще розга как воспитательное средство была в его царствование очень распространена. Он умел поставить расшалившегося ребенка на место и без грубости, а преподанный таким образом урок оказывался часто действеннее апелляции к «заднему уму».

Однажды вечером, когда император вместе с гостями собирался играть в карты, великий князь Константин Николаевич, которому тогда было лет десять, чрезмерно расшалившись, подскочил к одному из игроков, Ивану Матвеевичу Толстому, собиравшемуся усесться, и со смехом выдернул из-под него стул. Толстой грузно упал на ковер. Его кинулись поднимать, а скверный мальчишка, хохоча, выскочил из комнаты. Император немедленно отреагировал. «Он положил на стол свои карты, - рассказывал очевидец, граф В. А. Соллогуб, - встал и, обращаясь к императрице,

сидевшей невдалеке: „Встаньте, сударыня! - произнес он, возвышая голос для того, чтобы все присутствующие (а главное - преступный сын. - В. Б.) могли слышать то, что он говорил. Императрица поднялась. - Давайте попросим прощения у Ивана Матвеевича за то, что так плохо воспитали нашего сына!“»

Царских детей не приучали к роскоши и излишнему комфорту: комнаты их были невелики, просто обставлены, снабжены лишь самым необходимым. Близкие по возрасту дети (две старшие дочери и два младших сына) жили вместе. Собственную комнату с элегантною обстановкой дети получали только по наступлению взрослости - в шестнадцать лет. Детей не баловали сладостями - конфеты и мороженое они видели лишь за общим столом или по праздникам. Ольга Николаевна вспоминала, что одеваться ей всегда было «скучно». «Мама или гувернантка заботились вместо меня об этом, и только будучи замужем, я стала думать о том, как я одета, чтобы понравиться моему мужу».

Любые проявления тщеславия отец-император немедленно пресекал. В 1827 году старшие девочки Мария и Ольга (восьми и пяти лет) должны были участвовать в церемонии крестин великого князя Константина Николаевича. «К крестинам, - вспоминала Ольга Николаевна, - нам завилы локоны, надели платья-декольте, белые туфли и Екатерининские (ордена св. Екатерины. - В. Б.) ленты через плечо. Мы находили себя очень эффектными и внушающими уважение. Но - о разочарование! - когда папа увидел нас издали, он воскликнул: „Что за обезьяны! Сейчас же снять ленты и прочие украшения!“ Мы были очень опечалены. По просьбе Мама нам оставили только нитки жемчуга».

До пятнадцати лет на наряды великих княжон выделялось всего по триста рублей в год; недостающее

добавлялось в виде подарков на Рождество и дни рождения.

Не менее решительно отец препятствовал и любым другим проявлениям тщеславия. Современница рассказывала, что великая княжна Мария Николаевна «любила, чтоб часовые отдавали ей честь, и как шустрая девочка (ей было тогда двенадцать лет. - В. Б.) умела всегда после обеда ускользнуть с глаз старших, проворно выбежать на крыльцо с апельсином в руках, сделать книксен часовому и сказать ему: „Миленький солдат, сделайте мне честь, я вам подарю апельсин...“ И часовой, разумеется, исполнял желание великой княжны, и она пре- довольная убегала опять во дворец. Николай Павлович поймал как-то нечаянно на месте преступления шалунью, и с этих пор было строго запрещено часовым отдавать честь великой княжне, когда она одна, а приказано отдавать ей честь только тогда, когда она выходит или выезжает из дворца со своей воспитательницей или с кем-нибудь из членов царской фамилии».

Когда французский посол маршал Мармон просил позволения официально представиться маленькому наследнику, Николай Павлович отклонил его просьбу: «Вы вскружите ему голову. Генерал, командовавший армиями, выражает свое почтение восьмилетнему ребенку!.. **Я** хочу сперва воспитать из сына человека, а потом уже сделать из него государя». И Николай пригласил Мармона в Царское Село, чтобы познакомиться с наследником в неофициальной обстановке.

Вместе с тем детей очень рано приучали к необходимой в их положении публичности. В те блаженные времена цари еще не прятались от своего народа. И Александр I, и Николай I, их семьи могли себе позволить прогуливаться по городу или по парку в окружении простых смертных, которых не разгоняла

полиция, а удерживала в некотором отдалении от августейших особ лишь почтительная вежливость. Все загородные императорские резиденции были одновременно дачными местами, и праздная публика беспрепятственно ходила в царские сады.

Современница вспоминала, как в 1834 году «излюбленная прогулка наша (в Царском Селе) была - ходить смотреть, как играли царские дети на зеленом лугу против

Александровского дворца». Четырехлетний Константин Николаевич, «тогда еще маленький хорошенький карапузик, с которым, не стесняясь зрителями, вечно воевала нянька его, англичанка Мими. Помню, какая раз вышла баталия у них из-за потерянного кушака. Англичанка, чтобы наказать мальчика за это преступление, насильно повязала его по рубашечке своим носовым платком, а маленький великий князь ревел во все горло и от стыда прятался головой к ней в юбки... На тот неистовый крик подошел к ним государь, и когда узнал, в чем дело, то дал сыну маленький подзатыльник и сказал: „Прекрасно, Мими! Прекрасно! Так ему и надо, пусть не теряет больше своих кушаков“».

Постоянное сознание того, что, где бы они ни появились, на них непременно сбегаются смотреть зеваки, как на слонов в зверинце, делалось для царских детей привычным. Большого удовольствия это не доставляло («мне было гораздо приятнее смотреть самой, чем давать себя разглядывать», - говорила Ольга Николаевна), но помогало преодолевать застенчивость и напряженность, вырабатывало спокойную естественность манер и поведения.

Сыновья - великие князья - по традиции готовились к военной карьере, и потому особенно много внимания обращалось на их физическую форму и строевую подготовку. В наибольшей степени это касалось двоих

младших, так как средний брат - Константин Николаевич - предназначался к службе во флоте. Даже в воспитатели ему дали знаменитого мореплавателя и ученого-гидрографа Федора Петровича Литке, а с семи лет Константин каждое лето совершал морское плавание. Третий сын Николая I - Николай Николаевич, - как и отец, должен был стать военным инженером, а четвертый - Михаил Николаевич - артиллеристом.

Младшие братья-погодки росли и учились вместе и оба были зачислены в 1-й кадетский корпус. В корпусе они, конечно, не жили; занимались дома по его программе, но летом вместе с кадетами принимали участие в лагерных учениях и маневрах. Император часто сам командовал учениями и никакой поблажки сыновьям не делал. Один из бывших кадетов, вспоминая, как Николая и Михаила привозили в придворной карете на отрядные учения, рассказывал: «По окончании ученья государь повел нас с заднего плаца на штурм лагеря, направив колонну 1-го корпуса, в которой шли великие князья, в лагерьный клоак, который они и перешли по пояс».

Три товарища

Старшему из сыновей Николая - Александру - была уготована судьба наследника престола, и на его образование обращали особое внимание. Впрочем, младенчество Александра Николаевича, пришедшееся на время, когда отец его еще не занял престол и даже не числился официальным наследником, прошло вполне обычно.

Александр родился в 1818 году в Москве, в кремлевском митрополичьем дворце, где находилась временная резиденция его родителей, приехавших с визитом в древнюю столицу. Поэтому и крестили младенца по старинной традиции в Чудовом монастыре и во время крестин возложили (как Петра Великого) на раку св. Алексия, митрополита Московского.

Руководила его воспитанием до шестилетнего возраста Юлия Федоровна Баранова, урожденная Адлерберг, подруга детства Николая Павловича, которую тот любил как сестру. Бонной Александра стала та самая «англичанка Мими» - М.В. Коссовская (по мужу), которая потом воевала с маленьким Константином Николаевичем за потерянные пояски.

Николай первенца обожал, очень им гордился и пытался воспитывать из него солдата. Современница вспоминала, как счастливый отец хвастался сыном: «Разбудил спящего ребенка и вынул его из кровати, утверждая при этом, что солдат должен быть готов во всякое время. Потом, поставив сына на пол, сам стал рядом с ним на колени, взял громадный барабан и под звуки выбиваемого им самим марша заставил сына маршировать». (Эпизод очень в духе Николая: при всех своих достоинствах он временами был ужасным

солдафоном. Впрочем, он тогда был еще очень молод - ему еще двадцати пяти не было.)

В 1824 году шестилетнего Александра передали на руки преподавателю 1-го Кадетского корпуса, участнику Отечественной войны 1812 года капитану Карлу Карловичу Мердеру (1788-1834). Соединяя твердую волю и невозмутимость с доброжелательностью и добродушием, он, как свидетельствовала великая княжна Ольга Николаевна, «был прирожденный педагог, тактичный и внимательный. Правилom его работы было развить хорошие черты ребенка и сделать из него честного человека. И этому правилу он оставался верен совершенно независимо от того, был ли его воспитанник простым смертным или великим князем. Таким образом, он завоевал любовь и доверие ребенка. Он не признавал никакой дрессировки, не подлаживался под отца, не докучал матери, он просто принадлежал семье: действительно драгоценнейший человек! Никто из тех, кто окружал нас, не мог с ним сравниться». Под руководством Мердера Александр Николаевич начал проходить программу начальной школы.

Мердер оказал на личность Александра Николаевича наиболее сильное влияние. И он сам, и его помощник С. А. Юрьевич вели уже обязательные в таких случаях журналы воспитания великого князя.

Восшествие Николая Павловича на трон и объявление Александра престолонаследником неминуемо повлияло на программу дальнейшего воспитания.

Николай, сам не получивший должной подготовки к престолу, решил как можно лучше подготовить к нему сына. Хотя император и считал, что наследник «должен быть военный в душе, без чего он будет потерян в нашем веке», он осознавал, что образование

наследника должно быть достаточно обширным и предусматривать все основные сферы деятельности, которой ему придется заниматься, возглавив страну.

Для составления программы образования решено было привлечь знаменитого поэта Василия Андреевича Жуковского, хорошо известного императорской семье (с 1815 года он состоял чтецом при вдовствующей императрице Марии Федоровне: знакомил ее с новейшей русской литературой, а в 1817 году преподавал русский язык великой княгине Александре Федоровне, когда она только приехала в Россию). Известный всем как «нравственный и религиозный» писатель Василий Андреевич имел репутацию человека образованного, честного, справедливого и добродетельного, к тому же начитанного в педагогической литературе.

Жуковский подошел к назначению наставником престолонаследника очень ответственно и серьезно, как к главному делу своей жизни. Воспитанный в идеалах эпохи Просвещения поэт свято верил в теорию «чистого листа» и во всемогущество Разума, который есть основа всякой добродетели, и был убежден, что при правильно организованном, а главное, последовательном, настойчивом и непрерывном воспитании возможно воспитать идеального человека и монарха. Этой возвышенной цели и был посвящен разработанный Жуковским «Подробный план учения Государя Великого Князя Наследника Цесаревича».

«Цель воспитания вообще, и учения в особенности, - писал Жуковский, - есть образование для добродетели. Воспитание образует для добродетели: 1) пробуждением, развитием и сбережением добрых качеств, данных природою, действуя на ум и сердце и заставляя их действовать; 2) образованием из сих качеств характера нравственного, обращая добро в привычку и подкрепляя привычку правилами разума,

воспламенением сердца и силою религии; 3) предохранением от зла, устраняя все вредное, могущее ослабить естественную склонность к добру, и содержа душу, сколько возможно, в спасительной неприкосновенности к злу. 4) искоренением злых побуждений и наклонностей, препятствуя им обратиться в привычку и побеждая вредные привычки привычками добрыми.

Учение образует для добродетели, знакомя питомца: 1) с тем, что окружает его; 2) с тем, что он есть; 3) с тем, что он быть должен, как существо нравственное; 4) с тем, для чего он предназначен, как существо бессмертное... В постепенном разрешении сих четырех вопросов заключается весь план учения».

По плану Жуковского, ученье наследника должно было продолжаться с восьми до двадцати лет и делиться на три этапа: «учение приготовительное», «учение подробное» и «учение применительное», включавшие чрезвычайно широкий, почти энциклопедический набор дисциплин - в том числе этнографию, философию, естественную историю, технологию, минералогию с геологией, ботанику с зоологией и т. д., не говоря уже о традиционных Законе Божиим, истории, географии, языках, математике, «приятных искусствах», военных науках, гимнастике и пр.

Весь день питомца следовало плотно занять полезной деятельностью - ни одной праздной минуты: «вставать в 6 часов; с 6 до 7 часов - молитва, завтрак, обозрение того, что надлежит сделать в течение дня; с 7 до 9 - уроки; 9 -10 - отдых, визиты; 10-12 - уроки; 12-2 часа - прогулка; 2-3 - обед; 3-5 - отдых, игры, прогулка; 5-7 - уроки; 7-8 - гимнастика или игры; 8-9 - ужин; 9 -10 - обозрение прошедшего дня; журнал (т. е. ведение дневника)». Подобный распорядок с небольшими изменениями был в дальнейшем принят в царской

семье, и не только для детей Николая Павловича, но и позднее, с тем уточнением, что многочисленные светские и представительские обязанности детей и нередкие переезды часто ломали все планы и регламенты.

Среди игр Жуковский рекомендовал иметь такие, «кои согласны с учебной целью»: «волшебный фонарь, фантасмагорию, космораму» (все это различные виды оптико-механических устройств для демонстрации изображений). «Рядом с ученьем должно необходимо идти и чтение. Надобно читать мало, в порядке, одно полезное: нет ничего вреднее привычки читать все, что ни попадет в руки. Это приводит в беспорядок идеи и портит вкус». Наследнику предстояло прочитать «немногие истинно классические книги, предпочтительно такие, кои могут познакомить питомца с высоким его назначением и странюю, которой он должен посвятить жизнь свою».

Время вакаций Жуковский предлагал посвятить практическому изучению военного искусства.

Наследник должен был «привыкнуть дорожить своим временем», «не почитать ничего выше своих обязанностей». «Его Высочеству нужно быть не ученым, а просвещенным. Просвещение должно знакомить его только со всем тем, что в его время необходимо для общего блага и, в благе общем, для его собственного. Просвещение в истинном смысле есть многообъемлющее знание, соединенное с нравственностью. Человек знающий, но не нравственный - будет вредить, ибо худо употребит известные ему способы действия. Человек нравственный, но невежда - будет вредить, ибо и с добрыми намерениями не будет знать способов действия. Просвещение соединит знание с правилами». Эти

правила таковы: «Уважай закон и научи уважать его своим примером: закон, пренебрегаемый царем, не будет храним и народом. Люби и распространяй просвещение: оно - сильнейшая подпора благонамеренной власти; народ без просвещения есть народ без достоинства; им кажется легко управлять только тому, кто хочет властвовать для одной власти - но из слепых рабов легче сделать свирепых мятежников, нежели из подданных просвещенных, умеющих ценить благо порядка и законов. Уважай общее мнение: оно часто бывает просветителем монарха; оно вернейший помощник его, ибо строжайший и беспристрастный судия исполнителей его воли: мысли могут быть мятежны, когда правительство притеснительно или беспечно; общее мнение всегда на стороне правосудного государя.

Люби свободу, т. е. правосудие, ибо в нем и милосердие царей, и свобода народов; свобода и порядок - одно и то же; любовь царя к свободе утверждает любовь к повиновению в подданных. Владычествуй не силою, а порядком: истинное могущество государя не в числе его воинов, а в благоденствии народа. Будь верен слову: без доверенности нет уважения, неуважаемый - бессилён.

Окружай себя достойными тебя помощниками: слепое самолюбие царя, удаляющее от него людей превосходных, предаёт его на жертву корыстолюбивым рабам, губителям его чести и народного блага. Уважай народ свой: тогда он сделается достойным уважения. Люби народ свой: без любви царя к народу нет любви народа к царю.

Не обманывайся насчет людей и всего земного, но имей в душе идеал прекрасного - верь добродетели! Сия вера есть вера в Бога! Он защитит душу твою от презрения к человечеству, столь пагубного в правителе людей».

План был утвержден императором, и сразу же по возвращении двора из Москвы после коронации осенью 1826 года начались занятия наследника - в соответствии с программой ращения идеала.

Для возбуждения в наследнике, который был намного старше братьев и потому рос один, духа соревнования, Мердер придумал подобрать ему двух товарищей, которые учились бы и жили вместе с ним. Сверстники великого князя, они подбирались таким образом, чтобы один учился немного лучше (Иосиф Виельгорский), а другой немного хуже (Александр Паткуль). Таким образом, наследнику было с кого брать пример, но при этом он не чувствовал себя ущемленным. В конце каждого года Александр и его товарищи сдавали экзамены, а затем следовали трехнедельные каникулы, во время которых много места отводилось военным занятиям.

«Это товарищество было нужно, как шпоры для ленивой лошади», - писала хорошо знавшая жизнь двора А. О. Смирнова-Россет.

С.А.Юрьевич замечал: «С тех пор, как Великий Князь воспитывается вместе со своими товарищами, с тех пор особенно, как поступил к нему Виельгорский, произошла в нем большая перемена и, благодаря Бога, самая счастливая. Великий князь по характеру своему ни в чем не хочет уступить первенство, и это чувство гордости, этот его недостаток, с тех пор, как Виельгорский при нем, приносит ему невероятную пользу. Виельгорский получил прекрасные начала под надзором своей матери (весьма умной женщины, чрезвычайно занимающейся образованием своих детей); он с добрым нравом соединяет прекрасные качества ума и редкую память, а к тому же еще и необыкновенное прилежание. Приготовляя свои уроки всегда отлично, он почти всякую неделю... получает название первого из трех товарищей и, этим-то

способом заслуживая справедливую похвалу наставников, возбуждает в Великом Князе соревнование и выводит его из того усыпления, в котором он, можно сказать, доселе находился».

Паткуль в отличие от Виельгорского блистательных способностей не имел и учился посредственно. С ним Александр быстро подружился, в то время как с Виельгорским сохранял дружелюбную отчужденность, а временами между ними возникала и заметная напряженность. Похвалы, которые получал Виельгорский, действительно действовали на Александра как удар вожжей. Стоило Иосифу увлечься собиранием гербария, как наследник тут же заявлял, что будет делать то же самое. Едва Виельгорский начинал рисовать или чертить карты, как рядом пристраивался Александр Николаевич. Скрытое соперничество приводило к тому, что многие прежде любимые игры и занятия превращались для

Александра в труд, а порой и в неприятную обязанность, поскольку он не мог достичь в них таких же успехов, как это «ходячее совершенство» - Виельгорский.

Александр, Виельгорский и Паткуль подразумевались равными во всем - в глазах как наставников, так и царственных родителей. Тем не менее положение соучеников наследника

- особенно образцового Виельгорского - было довольно сложным, ибо они не просто росли и учились - они выполняли важнейшую функцию, священный долг верноподданного. Им нельзя было шалить, капризничать, проявлять раздражение или досаду - ведь они должны были показывать пример будущему монарху и вести его за собой. «Моя обязанность быть при нем, быть ему полезным и бороться с теми, которые могут иметь на него дурное влияние», - писал высокосознательный Виельгорский в своем дневнике.

Очень характерна сцена, описанная С. А. Юрьевичем: «Его Величество изволил по обыкновению спросить у детей, кто из них лучше аттестован за уроки. Оказалось, Виельгорский, почему Государь удостоил его первого позвать к себе и, поцеловав, приказал на будущее время приходить к себе первым тому, кто лучше аттестован в журнале. Вечером Великий Князь сказал Карлу Карловичу (Мердеру), что теперь Виельгорский не всегда будет первым».

Но сказать было легче, чем сделать. Прилежный Виельгорский опять оказывался первым; император Николай старательно изображал объективность и отличал лучшего; лучший мучился, и пока происходило отличие, краснел и бледнел, а отвергнутый отцом великий князь ночами безутешно плакал и терял уверенность в себе - и без того невеликую.

Порой, когда Виельгорский одерживал верх в игре, великий князь, не в силах сдержаться, прибегал даже к кулакам, за что ему и попадало от бдительных воспитателей: «Поступок сей вынудил меня сделать ему весьма строгий выговор и объявить, что поступком сим он сам себя унижил, ибо выказал гнусное чувство мщения», - писал в журнале К. К. Мердер.

Ко всему, Виельгорский был еще и возмутительно удачлив. Когда вечерами мальчики играли в солдатики, император иногда присоединялся к ним и выступал в роли начальника штаба той или иной оловянной армии - по жребию. Это считалось желанным подарком судьбы. И жребий то и дело выпадал Виельгорскому. Великий князь каждый раз огорчался до слез, так что иногда отец-император предлагал вторично бросить жребий - и тогда уж победа доставалась Александру. Что при всем этом думал «счастливчик» Виельгорский - оставалось за кадром, но - умный мальчик - он наверняка довольно рано понял цену придворному равенству, при котором некоторые всегда «равнее» других.

Несмотря на частые инциденты, воспитатели продолжали сводить великого князя с другими детьми с целью приучить его к естественным товарищеским отношениям. В воскресные и праздничные дни приглашались дети - в основном из «родственных» семей придворных и бывших и нынешних наставников и учителей:

Адлерберги, Фредериксы, Барановы, Нессельроде, Шуваловы, Карамзины, Мердеры. Играли в войну, в жмурки, лапту, пятнашки, ставили шарады и живые картины. Среди детей непременно были юные кадеты из различных корпусов - обычно лучшие по успехам, для которых визиты во дворец для игр с его высочеством считались самой почетной наградой. «Мердер, - вспоминал один из таких счастливцев, - сразу поставил нас в желаемые им отношения к великому князю, то есть в отношения совершенного равенства и товарищества... На основании этого принципа товарищества, не стесняемые придворным этикетом, мы... все вместе бегали, играли, катались, словом, забавлялись всяким образом». Кадеты должны были держаться с августейшим товарищем непринужденно и называть его «просто» Александром Николаевичем, без титула «ваше высочество». При играх нередко присутствовали государь и императрица, и иногда Николай Павлович «с глубоким удовлетворением» наблюдал, как проигравший в составе команды наследник вместе с другими проигравшими тащит на закорках одного из победителей - какого-нибудь веснушчатого кадета.

В этих играх и скрытом соперничестве проходили школьные годы наследника. Его законоучителем был протоиерей Герасим Петрович Павский. Это был широко образованный человек, известный также своими трудами по русской филологии, выбранный и рекомендованный на должность лично В.А.Жуковским,

который придавал религиозному воспитанию наследника колоссальное значение. Павский был популярен в Петербурге и отличался известным свободомыслием. Он отделял «положительную религию», строящуюся на понятиях рассудка (догматы, законы, обряды), от религиозного чувства, считая, что они соотносятся как тело и душа. «Религия ваша - друг просвещения», - писал отцу Герасиму Жуковский. По его мнению, Павский нес воспитаннику живую веру, согласную с «духом времени»: она не поработала, а освобождала человека, наполняя его мужеством и силой.

Однако в 1835 году к императору обратились митрополиты Санкт-Петербургский Серафим и Московский Филарет, задетые излишними рационализмом и морализмом, которые сближали религиозные воззрения Павского с протестантизмом. Павский испытывал заметную неприязнь к институту монашества и культу мощей, был терпим ко всем ветвям христианства, отдавал подчеркнутый приоритет светскому государству и т. д., и все эти отклонения от ортодоксального православия казались высоким духовным лицам опасными для будущего государя.

В итоге под предлогом болезни Павского заменили ортодоксально мыслящим протоиереем В. В. Бажановым.

Всеобщую историю наследнику и его товарищам преподавал женевец «мосье Жилль», активно использовавший наглядный метод обучения и научивший детей писать конспекты. Под его руководством дети чертили хронологические таблицы и писали сочинения на такие исторические сюжеты, как, к примеру, «Жизнь Гуса», «Черная смерть» и т. п.

Русскую историю преподавал К. И. Арсеньев (он же читал наследнику географию и статистику). Арсеньев должен был довести исторический курс до

царствования Петра Великого, а новейшую историю со всеми ее щекотливыми моментами вроде дворцовых переворотов вызвался осветить наследнику лично император. Так и сказал Арсеньеву: «До Петра - вы, а после Петра - я».

Отец с сыном любили обсуждать пройденное на уроках истории. Однажды, когда проходили царствование Ивана Грозного с его злодеяниями, император сказал: «Вот видишь, что бывает, когда Бога, долг и отечество забудешь, а станешь думать только о себе».

В определенные дни недели в библиотеке наследника французские актеры читали в подлиннике произведения французских классиков, прежде всего Мольера. Рисованию учил известный художник-баталист А. И. Зауервейд.

Известный литератор П. А. Плетнев преподавал русскую словесность, знакомил наследника (как и его сестер и братьев) с новейшей русской литературой, читал с ними все новое, что выходило в свет. Царским детям очень нравился Пушкин, особенно «Полтава» и «Капитанская дочка» (в Государственном архиве хранится рисунок великого князя Константина Николаевича, изображающий отъезд Петруши Гринева из родительского дома). С Плетневым учили наизусть стихи (такие, к примеру, как «Размышления по случаю грома» И. И. Дмитриева), переводили на русский язык иностранных авторов, читали и пересказывали отрывки из различных современных произведений - например, из «Путешествий по святым местам» А. Н. Муравьева и др. «Сверх того, Петр Александрович нам рассказывает о составе литературы как науки, а мы после из этого составляем извлечения», - писал И. Виельгорский.

Плетнев был не чужд морализаторства. «Он бывал растроган до слез, когда говорил нам о надеждах, которые возлагают на нас, - вспоминала Ольга

Николаевна, - и хотел бы нам помочь их осуществить. Из всех наших преподавателей он был тем, кто особенно глубоко указывал и разъяснял нам цель жизни, к которой мы готовились. Хотя он был очень посредственным педагогом, его влияние на наши души и умы было самым благодатным».

Для практических занятий русским языком по идее Жуковского дети стали издавать рукописный журнальчик «Муравейник», в котором сотрудничали наследник, его совоспитанники и великие княжны.

Классные занятия чередовались с физическими упражнениями - гимнастикой, которую С.А.Юрьевич преподавал по системе «отца гимнастики», известного немецкого профессора Ф. Л.Янга, верховой ездой, прогулками пешком и в санях, катанием с гор в саду Аничкова дворца.

Экзамены устраивались два раза в год - полугодовые и годовые; всегда в присутствии императора и обеих императриц. Первые экзамены в январе 1829 года прошли успешно. Николай высоко оценил как успехи наследника, так и усилия наставников. «Мне приятно сказать вам, что я не ожидал найти в сыне моем таких успехов, - писал он Мердери. - Все у него идет ровно, все, что знает, знает хорошо, благодаря вашей методе и ревности учителей... Примите мою искреннюю благодарность».

Шестинедельные каникулы наследник и другие дети проводили в прогулках и играх. Играли в мяч, стреляли в цель, катались по озеру на лодке, удили рыбу, купались. Уже подростком Александр пристрастился к охоте, которая потом в его семье была главным увлечением.

Очень важное место в системе занятий наследника занимали военные науки и практические занятия. Николай был свято убежден, что воинская закалка является наилучшим средством формирования

характера будущего государя, тем более что маленький Александр не отличался ни сильной волей, ни энергией, ни отвагой.

Разводы, парады, маневры были неотъемлемой частью жизни наследника. Уже в семь лет Александру был присвоен чин корнета, и еще до наступления юности он прошел все чины до ротмистра включительно. В 1827 году Александр Николаевич был зачислен, как и младшие братья, в 1-й кадетский корпус.

Начальную военную подготовку - маршировку, выправку, приемы обращения с оружием и пр. - мальчики проходили под руководством унтер-офицера Павловского полка Лукашова и фельдфебеля Ермилова. Во время военных игр дети штурмовали потешные крепости под руководством опытных офицеров, выстаивали положенные сроки в карауле и пр.

Николай неусыпно следил за тем, чтобы сын не забывал: его первый долг стать грамотным офицером.

В 1832 году он писал Мердеру: «Я заметил, что Александр показывает вообще мало усердия к военным наукам; я хочу, чтобы он знал, что я буду непреклонен, если замечу в нем нерадивость по этим предметам...; мне казалось, что он любит одни мелочные подробности военного дела».

Чрезмерное увлечение военщиной вызывало тревогу у В.А.Жуковского. Он писал императрице: «Эти воинственные игрушки не испортят ли в нем того, что должно быть первым его назначением? Должен ли он быть только воином, действовать единственно в сжатом горизонте генерала? Когда же будут у нас законодатели? Когда будут смотреть с уважением на истинные нужды народа, на законы, просвещение, нравственность? Государыня, простите мои восклицания, но страсть к военному ремеслу стеснит

его душу, он привыкнет видеть в народе только полк, в отечестве - казарму».

Вообще ход образования Александра Николаевича чем дальше, тем больше тревожил Жуковского. Придуманная им воспитательная программа строилась так, чтобы именно Жуковский «дирижировал» учебой и воспитанием: вовремя разъяснял в нужном духе пройденный материал, проверял его усвояемость и понимание августейшим учеником вытекающего из пройденного нравственного урока и т. д. На практике же его работа свелась к нескольким учебным часам (начальные сведения по физике, химии и русской словесности), периодическому инспектированию учебных занятий, притом не только наследника, но и его сестер и братьев, а также к постоянным нравоучениям.

Он давал наследнику читать сочинения знаменитых моралистов - Руссо, Фенелона, Ларошфуко; он постоянно внушал ему: «На том месте, которое вы со временем займете, вы должны будете представлять собой образец всего, что может быть великого в человеке». Он надеялся сделать своего ученика самостоятельно мыслящим человеком, который живет по внутренним моральным законам, принятым добровольно, но от этого не менее строгим, неукоснительно исполняет свою должность и усвоенные правила - начиная с повседневной самодисциплины хорошо воспитанного человека и кончая самоотвержением монарха, направляющего все силы на служение державе. Даже заболев и уехав за границу для лечения, Жуковский старался не обрывать связи с воспитанником и писал ему письма: «Теперьешнее ваше учение есть только собрание материалов, надобно с ними хорошо познакомиться, но важная минута будет та, когда, собрав эти материалы и составив из них одно целое, вы спросите у себя: что я должен делать с

приобретенным мною богатством на том месте, на которое поставил меня Бог? Вся ваша жизнь будет зависеть от того ответа, который вы сделаете самому себе в свое время на этот вопрос».

Жуковский был честнейшим, порядочным, в высшей степени добродетельным и умным человеком, но... собственных детей у него еще не было (он обзавелся семьей очень поздно - в 58 лет), педагогический опыт отсутствовал, все знания в этой области были чисто книжные. К тому же мышлению Жуковского был присущ определенный схематизм, мешавший за схемой видеть живого человека. Жуковский не учитывал ни возраста, ни развития детей, обращался к ним слишком повзрослому и далеко не всегда добивался понимания. Дети томилась, особенно Паткуль и главный объект поучений - наследник. Если кто и воспринимал наставления Жуковского более-менее адекватно, так это Виельгорский, но он и без того был от природы проникнут идеями долга и ответственности.

Великая княжна Ольга Николаевна, также наставлявшаяся Жуковским, оценивала его впоследствии довольно сурово: «...прекрасные намерения, планы, цели, системы, много слов и абстрактные объяснения. Он был поэт, увлеченный своими идеалами... Я боялась его, когда он входил во время урока и задавал мне один из своих вопросов, как, например, во время урока Закона Божиего: „Что такое символ?“ - **Я** молчу. - „Знаете ли вы слово „символ“?“ - „Да“. - „Хорошо, говорите!“ - „Я знаю Символ Веры, „Верую““. - „Хорошо, значит, что обозначает Символ Веры?“ Мне сейчас 59 лет, но этот вопрос привел бы меня и сегодня в смущение. Что могла ответить на это девочка!

Жуковский читал выдержки из того, что он написал о воспитании нашей Мама, которая после таких длинных чтений спрашивала его просто: „Что вы,

собственно, хотите?“ Теперь был его черед молчать. Я склонна признать за ним красоту чистой души, воображение поэта, человеколюбивые чувства и трогательную

веру. Но в детях он ничего не понимал... (Лишь) благодаря прекрасным преподавателям и Мердеру с его практическим умом влияние Жуковского не принесло нам вреда».

Постоянное педагогическое давление и невозможность быть самим собой не самым лучшим образом действовали на великого князя. Он был то слезлив, то агрессивен, за что вскоре сам же просил прощения. При этом, как отмечал Мердер, «в великом князе совершенный недостаток энергии и постоянства; малейшая трудность или препятствие останавливают его и обессиливают. Не помню, чтобы когда-нибудь он чего-нибудь желал полно и настойчиво».

Иногда с уст Александра Николаевича срывались слова, что он желал бы родиться кем угодно, только не великим князем.

Чем старше становился наследник, тем явственнее он сопротивлялся попыткам «воспитывать» его. Жуковский же не признавал за великим князем права на ошибки и слабости, на желание просто жить, молодо и беззаботно. Убедившись в ординарности природы и приземленное™ устремлений наследника, он был жестоко разочарован и если и продолжал свою деятельность, то лишь потому, что не имел права уволиться по собственной инициативе.

Когда Александру Николаевичу исполнилось шестнадцать лет, в жизни его наступили перемены. Прежде всего он принес общегосударственную присягу. Произошло это в самой торжественной обстановке, в присутствии всей императорской семьи, двора и многих гостей в Большой церкви Зимнего дворца, где вокруг аналоя были выставлены императорские регалии -

корона, держава и скипетр. После молебна Николай I подвел наследника к аналою, и тот перед крестом и Евангелием произнес слова присяги: «Именем Бога Всемогущего, пред Святым Его Евангелием, обещаюсь и клянусь Его Императорскому Величеству, всемилостивейшему Государю, родителю моему, верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к высокому Его Императорского Величества самодержавию, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности, предостерегать и оборонять, споспешествуя всему, что к Его Императорского Величества службе и пользе относиться может...» и т. д. (Затем акт присяги, подписанный наследником, передавался на хранение в Государственный архив.)

Очевидец принесения присяги А. С. Пушкин писал: «Праздник совершеннолетия совершился... Это было вместе торжество государственное и семейственное. Великий князь был чрезвычайно тронут. Присягу принес он твердым и веселым голосом, но начав молитву, принужден был остановиться - и залился слезами. Государь и государыня плакали также, -наследник, прочитав молитву, кинулся обнимать отца, который расцеловал его в лоб и в очи и в щеки - и потом подвел сына к императрице. Все трое обнялись в слезах».

В том же 1834 году скончался - и был искренне оплакан - Карл Карлович Мердер. Вместо него воспитателем

цесаревича стал генерал-майор А. А. Кавелин; помощником его остался Юрьевич; наставником по-прежнему был Жуковский; однако ввели еще одну должность - «попечителя наследника», которую занял князь Х. А. Ливен (сын воспитательницы детей Павла I).

Ему предстояло контролировать политическое образование Александра.

В глазах отца Александр перестал быть ребенком. Его стали готовить к непосредственному управлению государством. В 1835 году Александр был включен в состав Синода, стал приглашаться на заседания Сената и на доклады министров. После присяги у наследника появился собственный придворный штат, куда вошли граф Н. В. Адлерберг и князь А. И. Барятинский, с которыми Александр подружился. К наследнику была также приставлена супруга «попечителя» - княгиня Дарья Христофоровна Ливен, - в задачи которой входило обтесать манеры юноши и приучить его к общению в свете. Много лет проведя за границей и вращаясь в дипломатических кругах, княгиня Ливен была страстно увлечена европейской политикой, поэтому и наследника поначалу попробовала приобщить к этой своей страсти.

«Княгиня Ливен должна была стать во главе салона Саши и отшлифовать его речь, а также манеры, - вспоминала великая княжна Ольга Николаевна. - Это на первых порах ей совершенно не удавалось. Она говорила только о политике, от которой благодаря нашему воспитанию мы были далеки. Когда мы приходили к чаю, некоторые старые господа, сидевшие вокруг княгини,

говорили о Талейране, Веллингтоне, о революционных движениях на Балканах, о Марии де Глория и других вещах, которыми были в то время полны газеты, и все это отдавалось пустым звуком в наших умах. Как только чай бывал кончен, Саша отодвигал свой стул и стремительно бежал к столу молодежи, предоставляя всех тори, мигуэлистов и карлистов их судьбе, в то время как он сам с упоением отдавался игре в „трубочиста“ и смеху, становившемуся тем заразительнее, чем больше мы боялись гнева

княгини. Будучи умной женщиной, она вскоре переменяла свой метод и стала устраивать для Саши танцевальные вечера в Александровском дворце, в то время как ее политические партнеры получали приглашения к ней уже частным образом».

Учебные занятия наследника вышли на университетский уровень. Помимо лекций по военным дисциплинам - военной истории, фортификации, военной политике и стратегии (этот курс читал знаменитый генерал А. А.Жомини) - Александру Николаевичу прочитали курсы юрисдикции (М.М.Сперанский), международной политики (дипломат Ф. И. Бруннов), обозрения русских финансов (министр финансов граф Е.Ф. Канкрин) и др. Все это называлось высшими государственными науками.

Прежний ход воспитания был нарушен, а В.А.Жуковский окончательно оттеснен на второй план. Поэт больше не преподавал; роль его при воспитаннике сделалась чисто номинальной. Александр Николаевич заметно отдалился от Жуковского. «Наша жизнь раздроблена совершенно, - писал Жуковский в дневнике. - Мое влияние на него ничтожно... **Я** для него только представитель скуки... Посреди каких идей обыкновенно кружится бедная голова его и дремлет сердце!»

В 1835 году по настоянию отца семнадцатилетнего Александра Николаевича свозили в Калининскую больницу и показали там самых тяжелых больных сифилисом. Вид их потряс цесаревича, и он, «побледнев, нашелся вынужденным поспешно выйти, присесть в другой комнате и спросить стакан воды». Но если императора-отца схожее потрясение когда-то надолго отвратило от случайных связей, то наследник увиденные ужасы воспринял, видимо, более легкомысленно. Во всяком случае, от хорошеньких девушек он не отвернулся. Первое увлечение -

фрейлиной Натальей Бороздиной - постигло Александра Николаевича, когда ему не исполнилось еще и пятнадцати лет. В дальнейшем, еще до женитьбы, ему приписывали несколько краткосрочных романов, в том числе с фрейлинами Екатериной Мусиной-Пушкиной, княжной Марией Трубецкой и Ольгой Калиновской. Последнее увлечение оказалось настолько серьезным, что потребовало отцовской нотации, тем более что Александр несколько раз заявлял, что ради Ольги готов отказаться от престола.

Отец старался помочь наследнику преодолеть неподобающую страсть и внушить ответственность перед династией и империей. «Вспомни..., - писал он сыну, - что я не раз тебе говорил, что и теперь подтверждаю, что никогда никого из вас не буду принуждать сочетаться с лицом, вам не нравящимся. Но ты должен тоже понять, что тебя Бог поставил так высоко, что не себе принадлежишь, а своей родине, она от тебя ждет достойного выбора».

В итоге императору пришлось лично переговорить с Калиновской, объяснить ей, что «не только два сердца, но будущность целого государства поставлена на карту», воззвать к ее благородству, потребовать от нее жертвы. Родственники увезли девушку в Польшу и скоро выдали там замуж.

В 1837 году Александр Николаевич завершил свое образование, совершив грандиозное по масштабам путешествие по России. Подобной поездки не устраивалось для наследника престола ни до, ни после Александра. Это был жест символический, и не случайно Жуковский тут же придумал для него поэтический образ: «Обручение Наследника с Россией».

Перед путешествием отец - уже традиционно - написал для сына наставление: «Предпринимаемое тобой путешествие, любезный Саша, составляет важную эпоху в твоей жизни. Расставаясь в первый раз

с родительским кровом, ты некоторым образом как бы самому себе предан, на суд будущих подданных, в испытании твоих умственных способностей. Вникая в сие, ты удостоверишься во всей важности сего предприятия, на которое взирать тебе следует не с одной точки любопытства или приятности, но как на время, в которое ты, знакомясь с своим родным краем, сам будешь строго судим...

Нет сомнения, что везде тебя с искренней радостью принимать будут; ты внутри России увидишь и научишься ценить наш почтенный, добрый русский народ и русскую привязанность, но не ослепись этим приемом и не почти сие за заслуженное тобой. Тебя примут везде, как свою надежду. Бог милосердный поможет ее оправдать, ежели постоянно перед глазами иметь будешь, что каждая минута должна быть посвящена матушке России, что твои мысли и чувства одну ее постоянным предметом иметь будут».

Задача показать наследника России, в общем, была выполнена, а вот что увидел сам наследник - большой вопрос: за семь месяцев он проехал 29 губерний, включая Сибирь, в которой добрался до Тюмени и Тобольска (первым из Романовых). При такой концентрации впечатлений все увиденные города, пейзажи, военные колонны, благовестящие храмы и толпы ликующего населения неминуемо должны были слиться в его голове во что-то пестрое, грандиозное, но нерасчленяемое.

А вскоре после возвращения Александру Николаевичу предстоял еще европейский вояж и выбор невесты...

Он вырос, детство закончилось.

Он был хорошо образован, преисполнен возвышенных идей и благих намерений, но так и не стал ни идеальным властителем, ни идеальным человеком.

Он хорошо знал свои обязанности и умел говорить о них словами наставников, но до систематического их исполнения было далеко.

Немало посвященных потихоньку сожалели, что престол должен занять Александр, а не его брат Константин, которого хоть и не готовили в цари, но зато он

был более даровит, энергичен, умен и обладал сильной волей.

Александр-император был осторожен, непоследователен, женолюбив и слабоволен. У него было хорошее царствование (может быть, лучшее за весь XIX век); он провел Великие реформы, но не довел их до конца, и, разрубив узлы одних проблем, немедленно завязал другие.

...А товарищи Александра отстали от него еще на пороге юности. Легкомысленный Паткуль звезд с неба не хватал, и хотя бывал при дворе, но дослужился лишь до петербургского обер-полицмейстера. Ему было суждено прожить шестьдесят лет. Серьезный же, почти идеальный Виельгорский умер в 1839 году от чахотки, на двадцать втором году жизни.

На детской половине

Ну а теперь пора посмотреть, к какому стандарту или, если угодно, «новому чину» воспитания царских и великокняжеских детей пришли во второй половине XIX века, в послениколаевское время. Конечно, полного совпадения правил и традиций в различных семьях быть не могло: многое зависело от семейного микроклимата и отношений родителей и от личных пристрастий и вкусов, но почти для всех потомков Николая I было и нечто общее.

Прежде всего, когда в царской или великокняжеской семье рождался ребенок, об этом возвещали пушечные выстрелы в столице и крупных городах. Если это был наследник - пушки стреляли 301 раз, другой сын - 201. О дочери или внуке и племяннике государя давал знать 101 выстрел. В конце XIX века о рождении царского отпрыска местные власти извещались по телеграфу.

В первый же день жизни дети из императорской фамилии получали почетные чины. Так, великий князь Александр Михайлович стал полковником 73-го Крымского пехотного полка, офицером 4-го стрелкового батальона и еще нескольких воинских подразделений. Приписывались к гвардейским полкам в качестве их почетных шефов даже девочки.

Через несколько дней после рождения происходили крестины ребенка, для чего составлялся специальный «Церемониал», согласно которому, в частности, назначались крестные родители - не менее трех крестных отцов (причем у внуков одним из крестных почти обязательно был сам император), а также четыре-пять крестных матери.

Происходил обряд крещения обычно в одной из дворцовых церквей, в присутствии императора, императрицы и всей императорской фамилии, двора и многих зрителей, размещавшихся на хорах. Ребенка привозили на крестины в золотой карете, запряженной шестеркой белых лошадей; в храм его вносила гофмейстрина - на парчовой подушке, под золотым покрывалом, отороченным горностаем. По бокам подушки шествовали два ассистента. В залах, по которым проходило крестильное шествие, стоял почетный караул из гвардейцев.

После погружения в купель ребенка клали на пеленальный стол, который стоял тут же, в церкви, за ширмой, и надевали серебряное платье с кружевом и такой же чепчик. Крестный клал его на кружевную подушку, и на младенца возлагали орденскую ленту - на мальчиков ордена св. Андрея Первозванного (голубую), а на девочек - св. Екатерины (красную). Певчие придворной капеллы пели все время вполголоса, чтобы не напугать младенца, но за молебном после крестин пели «Тебе Бога хвалим» Бортнянского - во весь голос. Такова была традиция при дворе. Потом младенца причащали.

Современница вспоминала о крестинах в 1831 году великого князя Николая Николаевича (сына Николая I), на которых она присутствовала как зрительница: «Церковь была полна придворными дамами и кавалерами... Шествие крестин началось с того, что 4 камер-лакея в красных кафтанах внесли в церковь за зеленые ширмы маленькую кружевную корзиночку с новорожденным великим князем; за ними сам государь и великий князь Михаил Павлович почтительнейшим образом ввели под руки мать министра двора, князя Петра Михайловича Волконского, которая должна была во время крестин носить кругом купели младенца на золотой подушке. Ее тоже усадили за ширмы в кресло,

и Николай Павлович удалился из церкви (родители, по традиции, на крестинах не присутствовали. - В. Б.). Почти 90-летняя старушка княгиня Волконская была в полном парадном костюме, в лифе декольте, с короткими рукавами, с бриллиантами на голове. Надо было видеть ее грудь, ее руки, ее трясущуюся голову, на которой бриллиантовые колосья ходили ходуном... Все это было так страшно, что даже жалко было смотреть на старушку, а вместе с тем и трогательно было видеть ее желание не отставать от двора, продолжать состоять на службе и быть полезной обожаемому царям своим до последнего вздоха... Кажется, если б тогда, во внимание к ее летам, пожалели ее и не пригласили на эту церемонию, она бы кровно обиделась и захворала бы с горя!.. А тут она воображала, что делает все, что предписывает ей церемониал, и носила младенца на золотой подушке, под тяжелым парчовым одеялом... Правда, что за четыре угла подушки и под оба локтя старушку поддерживали какие-то генералы, но она не замечала этой помощи и, видимо, воображала, что сама носит на руках царского сына, гордо выступала и была счастлива вполне: она участвовала в царском торжестве, она исполняла свой долг...»

Еще до рождения ребенка ему подыскивали кормилицу - крестьянку. Традиция предписывала, чтобы кормилица была здорова, румяна, «в теле», обильна молоком и чистоплотна. Ее собственный ребенок, которого с момента ее «избрания» переводили на коровье молоко, считался молочным братом или сестрой царского ребенка и имел впоследствии некоторые льготы и отличия. Кормилиц для царских детей искали, как правило, в деревнях под Петербургом. Часто их брали из села Федоровское вблизи Павловска, где народ считался особенно «трезвым и здоровым».

Очень важным человеком в жизни царственного младенца была бонна, которую тоже находили еще до рождения ребенка. В обязанности англичанки входила правильная организация воспитания, в соответствии с английской традицией, принятой при дворе. Она следила за чистотой, за температурой и состоянием воздуха в детской, за опрятностью прислуги, за тем, чтобы ребенка не пичкали, не баловали; сопровождала воспитанников на прогулках - и говорила с ними по-английски, так что ребенок привыкал к этому языку с раннего детства и легко на нем заговаривал (правда, довольно часто это оказывался «простонародный» английский, с недостатками в выговоре, который потом старались исправить гувернеры). У англичанки было много помощниц-русских, но, как правило, она их оценивала невысоко и негодовала на их бестолковость и пристрастие к сплетням.

На дворцовом жаргоне бонну называли именно «англичанка», хотя она могла быть и шотландкой, и швейцаркой, и немкой, и даже русской (при этом она официально числилась «в должности англичанки»).

Бонной сыновей Александра II была англичанка Екатерина Ивановна Струттон, прожившая при дворе более двадцати лет и оставившая у воспитанников самые нежные воспоминания. Когда «бедная старушка Китти» скончалась в 1891 году, все братья, включая императора Александра III, искренне ее оплакали и проводили на Смоленское кладбище.

Бонну великой княгини Ольги Александровны (сестры Николая II) звали Элизабет Франклин. Женщина редкой чистоплотности, отправляясь в Россию, она привезла с собой целый чемодан с накрахмаленными чепцами и передниками, так как не уверена была, что там их будут крахмалить должным образом. Как вспоминала ее царственная воспитанница, «в течение всего моего детства, (она) была для меня защитницей и

советчицей, а впоследствии и верной подругой. Даже не представляю себе, что бы я без нее делала. Именно она помогла мне пережить тот хаос, который царил в годы революции. Она была женщиной толковой, храброй, тактичной; хотя она выполняла обязанности моей няни, но ее влияние испытывали на себе как мои братья, так и сестра».

Но далеко не все «англичанки», как и другие няни, приставленные к царственным детям, оказывались достойны своей высокой миссии. А.Ф.Тютчева, гувернантка великой княжны Марии Александровны (дочери Александра II), с негодованием писала о некоей Ишервуд, приставленной к великому князю Алексею Александровичу, что «вульгарная до последней степени», она обращалась с ребенком «с фамильярностью и грубостью дурного тона».

Няня Ольги Николаевны (дочери Николая II) пила и распутничала с казаками конвоя, а бонна ее сестры Марии Николаевны мисс Игер была помешана на политике и в пылу дискуссий забывала обо всем на свете. Во время одного из споров, который затеяла англичанка с кем-то из прислуги, маленькая Мария, голенькая, выбралась из ванны и бегала по коридорам дворца, пока ее не обнаружила и не забрала тетка, великая княгиня Ольга Александровна.

Вследствие подобных эксцессов текучесть кадров при дворе была довольно высокой, и лица возле царственных детей часто менялись, не дав к себе ни толком привыкнуть, ни привязаться.

На протяжении XIX века роль родителей в воспитании детей неуклонно возрастала - это была общая и не только русская тенденция. Общение детей и родителей становилось все менее формальным; матери все чаще присутствовали при ежедневных занятиях детей - их играх и уроках - и не только наблюдали за тем, что делают воспитатели, но и сами много говорили

и занимались с детьми, знали обо всем, чем была наполнена их жизнь, их душа. Отцы находили в семейном общении самый желанный отдых и возможность отвлечься от государственных дел и почувствовать себя обычными людьми.

Многое, конечно, зависело от конкретных людей. К примеру, императрица Мария Александровна была на редкость нежной и заботливой матерью; сыновья почитали ее буквально как святую. В то же время Александр II соблюдал с детьми некоторую дистанцию.

У Александра III было наоборот: императрица Мария Федоровна была больше царицей, чем матерью. Дети ее побаивались - и по большей части не искали у нее ни утешения, ни совета («ив голову бы не пришло», как вспоминала Ольга Александровна - может быть, и несправедливо; сама она любимицей матери не была).

Зато отца дети обожали. Он и ласкал их, и возился с ними маленькими, и позволял ездить у себя на спине, сам на четвереньках изображая лошадку, и рассказывал о собственном детстве, и даже показывал свои мальчишеские сокровища - то коллекцию миниатюрных фигурок животных из фарфора и стекла, то составленный когда-то вместе с умершим братом Николаем альбом собственных рисунков «Мопсополь», где действующими лицами были разнообразные мопсы. Они жили в своем собачьем городе и вели очень активную жизнь.

Дети визжали от восторга, когда отец-император демонстрировал им свою легендарную силу: гнул подковы, сгибал и разгибал кочергу, рвал колоды игральных карт. Мария Федоровна не любила подобных демонстраций - когда портили домашнее имущество, - и потому государь все время исподтишка поглядывал на дверь: не идет ли жена.

Летом отец - страстный охотник - учил детей читать следы животных. «Ему так хотелось, чтобы мы

научились читать книгу природы так же легко, как это умел делать он сам. Те дневные прогулки были самыми дорогими для нас уроками», - вспоминала Ольга Александровна.

При всей теплоте семейной атмосферы авторитет родителей продолжал находиться очень высоко (поддерживать его входило и в обязанность всех воспитателей). Родители по-прежнему воплощали для детей наивысшую инстанцию, воля которой не оспаривалась. Ольга Николаевна вспоминала: «Решение родителей (речь шла об увольнении неудачной гувернантки, тем не менее любимой девочкой, и замене ее на другую. - В. Б.) мне показалось ужасным, но раз они так постановили, значит, они были правы, и мне не оставалось ничего другого, как покориться».

Гавриил Константинович вспоминал о строгости, даже суровости своего отца - великого князя Константина Константиновича (поэта К. Р.). Он не терпел никаких «не могу» и «не хочу». Дети должны были все делать сами: одеваться, убирать за собой игрушки и т. д. - и делали это неукоснительно: боялись гнева отца.

Помимо обычного штата из нянь, «поднянь», горничных, лакеев, истопников и пр., к каждому ребенку «прикрепляли» лейб-медика. В его обязанности входило не только следить за здоровьем младенца и оказывать своевременную помощь, но и докладывать о его росте и физическом развитии. Для этого врач два-три раза в неделю измерял рост ребенка и взвешивал его на весах. Чтобы обеспечить регулярный «привес», доктор часто норовил явиться рано утром и сделать свое дело, пока няньки еще не посадили юное его высочество на горшок.

С рождения до пяти лет при детях, независимо от пола, находился преимущественно женский штат: няни, бонна, старшая воспитательница и т. д. Они ходили в

утвержденной униформе - все в белом и с тюлевыми чепцами на голове. Прислуга из крестьянок (няни, кормилицы) носили дорогие народные костюмы.

Лет в пять к няням добавлялся «дядька» - обычно немолодой унтер-офицер. Ребенок продолжал жить в детской и начинал понемногу учиться: читать и писать, рисовать, танцевать, ездить верхом и т. п., а также осваивать под руководством дядьки основы военного ремесла - прежде всего строевую подготовку.

Царские дети обитали на «детской половине» Зимнего дворца, расположенной в западной части второго этажа вдоль темного коридора.

В семь лет ребенок переходил из детской в другое помещение, к детям постарше. К нему вместо бонны приставляли воспитателя (к девочкам - гувернантку), и уроки велись уже систематически.

Прощание с детской редко происходило без слез. Великий князь Александр Михайлович вспоминал, как, узнав о своей новой участи, он долго ревел в подушку, а его дядька казак Шевченко, видя, что ни утешения, ни обещания, что он будет часто-часто посещать мальчика - «каждое воскресенье», - не действуют, наконец зашептал ему испуганно: «Вот будет срам, если его императорское величество узнают и отдадут приказ по армии, что его племянник, великий князь Александр, отрешается от командования 73-м Крымским полком, потому что плачет как девчонка!»

«Услышав это, - вспоминал великий князь, - я вскочил с постели и бросился мыться. **Я** пришел в ужас, что чуть не обесчестил всю нашу семью в глазах императора и России».

Общий стиль воспитания детей продолжал оставаться спартанским. Великий князь Николай Максимилианович вспоминал: «Во всякую погоду мы выезжали в открытом экипаже, карета разрешалась лишь в случае сильной простуды. Комнаты, в

особенности спальни, были холодные (10-12°) (по Реомюру. - В. Б.). Спали мы всегда на походных кроватях, летом на тюфяках, набитых сеном, и покрывались лишь одним пикейным одеялом». Походная кровать представляла собой металлическую складную конструкцию (принцип раскладушки), на которую вместо матраса натягивалась парусина либо укладывалось несколько досок. Зимой вместо сенных тюфяков поверх досок укладывали тонкие, набитые шерстью матрасы. Подушка полагалась маленькая, плоская, часто в кожаном чехле. Одеяло детям давали простое тканевое. Зимой считалось хорошим тоном укрываться собственной шинелью (так повелось со времен Николая Павловича). Постельного белья мальчикам часто не полагалось (гигиена соблюдалась за счет регулярной смены наматрасников и одеял). Надо сказать, что мальчики до такой степени привыкали к своему спартанскому ложу, что потом не могли перестроиться ни на что другое. Александр Михайлович вспоминал, как, женившись, мучился на обычной кровати с двойным матрасом и полотняным бельем и, так и не привыкнув к ней, перешел на привычную походную койку.

Спальные места девочек почти не отличались от описанных, за исключением шинели (ее не было) и постельного белья (оно было). Кровати, правда, были обычные, но узкие и жесткие, матрас тощий, подушка плоская и одеяло тканевое летом и тонкое шерстяное зимой.

Закалка предусматривала прохладные ванны и обливания, прогулки в любую погоду и очень много физического движения - игр, гимнастических упражнений и пешего хождения. К водным процедурам детей приучали с младенчества, и момент купания маленького нередко становился общесемейным событием. Ольга Николаевна с умилением вспоминала

такие семейные сборища во время купания братьев Николая, а потом Михаила. Именно тогда в ней, едва десятилетней, впервые пробудились материнские чувства: ведь она была крестной матерью Михаила и чувствовала себя особенно ответственной за него.

Все детские помещения отличались простотой обстановки: там стояли венские стулья, обычные столы и этажерки. Ни кресел, ни диванов, никакой роскоши - ни дорогих ваз, ни канделябров. Все функционально, ничего лишнего. В красном углу обязательно иконы -иногда в дорогих окладах. Обычный набор детских комнат состоял из спальни, гостиной, столовой и комнаты няни. После семи лет столовую превращали в классную комнату, поскольку дети начинали питаться за взрослым столом.

Одевали детей довольно просто, без излишней роскоши, в соответствии с семейными традициями и детской модой. Как раз в XIX столетии сформировался специально детский тип костюма. Первые три года жизни мальчиков и девочек одевали одинаково, в так называемые «детские платьица». Дома это могло быть что-то батистовое, светлое, в кружевах и оборочках, а на улице - теплое, шерстяное. Известны фотографии последнего цесаревича Алексея Николаевича в возрасте двух лет, на которых он снят в суконной двубортной курточке и темной юбочке в широкую складку.

В три года мальчики начинали носить штанишки. В первые десятилетия века детский костюм состоял из длинных брюк и коротких курточек; с 1840-х годов в употребление вошли «русские костюмчики»: цветная рубашка-косоворотка и темные брюки, заправленные в сапоги. Широко употреблялись и полувоенного облика «гусарские» курточки, расшитые на груди шнурами. С 1870-х годов до начала XX века широко распространены были костюмчики-«матроски». Постепенно детские штанишки укоротились, и лет до десяти, даже

двенадцати мальчики ходили в любое время года в подобии шортов, а длинные брюки сделались признаком взрослости. Все это носили и маленькие великие князья, с тем только дополнением, что у каждого из них, начиная с пяти-семилетнего возраста, имелся и полный комплект разнообразной военной формы - по числу полков, в которые каждый из них был записан.

Александр Михайлович вспоминал: «В тот день, когда мне исполнилось 7 лет, среди многочисленных подарков, поднесенных мне по этому поводу, я нашел форму полковника 73-го Крымского пехотного полка и саблю. **Я** страшно обрадовался, так как вообразил, что теперь сниму свой обычный костюм, который состоял из короткой розовой шелковой рубашки, широких шаровар и высоких сапог красного сафьяна, и облекусь в военную форму.

Мой отец улыбнулся и отрицательно покачал головой. Конечно, мне иногда позволят, если я буду послушным, надевать эту блестящую форму. Но прежде всего я должен заслужить честь носить ее прилежанием и многолетним трудом».

Тем не менее мальчики довольно регулярно надевали униформу на официальные мероприятия, полковые праздники и в других подобных случаях, а с того момента, как великий князь зачислялся в тот или иной кадетский корпус, он чаще, чем штатское платье, носил форму этого корпуса. Нательное белье меняли часто - во время каждого переодевания. В качестве верхней одежде детям шили одинакового для всех братьев и сестер фасона пальтишки или шубки. «Зимой мы носили бархатные пальто, похожие на боярские кафтаны, отороченные соболем, собольи шапочки с бархатным верхом, гамаши и варежки на резинке, малинового цвета, - вспоминал Г авриил

Константинович. - Наши пальто... передавались от старших к младшим».

Слишком старательно следовать моде при русском дворе было не принято. Петербургский двор одевался консервативно и по «вчерашней моде» - ничего эксцентричного, остромодного, неустоявшегося, никакого «последнего крика». Этот принцип прочно внушали и растущим в царской семье девочкам.

Сестер, как и было принято в дворянской среде, часто одевали одинаково. Разнились лишь некоторые детали (цвет чехлов и кушаков платьев и шляп и т. п.), а также длина. Уже к середине XIX века установилась традиция, согласно которой девочки до двенадцати-тринадцати лет носили платья длиной по колено, более старшие девочки - платья по щиколотку, и лишь после первого выезда на большой бал (обычно в шестнадцать-семнадцать лет) - «настоящие» платья «как у больших» - в пол и взрослую прическу с пучком. Детской прической были косы или распущенные по плечам волосы.

Лет с десяти-двенадцати великие княжны имели также придворное платье в «русском стиле» - бархатное, расшитое золотом, дополняемое шелковым кокошником-повязкой и белой газовой вуалью. Такой костюм надевали все придворные дамы и члены императорской семьи на торжественные придворные мероприятия, и девочки не были исключением, только их платья были короткими и без шлейфа.

Обычная же одежда была довольно простой. Ольга Николаевна вспоминала, как выглядела в тринадцать лет, когда впервые приехала в Германию навестить деда: «Волосы мне зачесывали назад и заплетали в косу; никаких украшений, кроме простой нитки жемчуга, и два платья из белого муслина, совершенно скромные, чтобы менять одно на другое».

Для торжественных случаев (например, посещения церкви) у Ольги и ее сестер были одинаковые платья, состоящие из муслиновой юбки и бархатного корсажа фиолетового цвета. К такому платью надевалось жемчужное ожерелье - подарок персидского шаха. Из трех сестер только старшей, Марии, разрешали при этом еще прикалывать цветы.

Стоит пояснить, что ношение драгоценных камней в слишком юном возрасте вообще не приветствовалось правилами хорошего тона. Юные особы могли себе позволить лишь тонкие золотые или серебряные цепочки, гладкие золотые браслеты, бусы или подвески из полудрагоценных камней, медальоны с эмалью и перламутром или - в качестве наиболее торжественного варианта - как раз жемчужные нити. Взрослые девицы могли носить также тонкие («девичьи») колечки со скромным бриллиантиком. Все остальные драгоценности - все эти бриллиантовые и рубиновые кольца, сапфировые тиары и изумрудные броши, которыми так славился дом Романовых, - поступали в руки великих княжон только после свадьбы.

Спартанский стиль воспитания соблюдался и в еде. Детей не перекармливали и не приучали к перехватыванию лакомств в промежутках между едой. На завтрак кормили овсянкой или хлебом и молоком. К чаю подавали хлеб с маслом, варенье и английское печенье. На второй завтрак - бутерброд с отварным мясом. На обед чаще всего были бараньи котлеты с зеленым горошком и печеной картошкой или ростбиф, на ужин - суп и рыба с картошкой. Даже если дети этих блюд не любили, капризничать не смели и ели без разговоров, что дают.

С семи лет в большинстве семей императорского дома дети начинали обедать вместе с родителями и гостями. При этом они «получали еду последними и часто не успевали ее съесть», - вспоминала Ольга

Александровна. Однажды ее брат Николай (будущий император Николай II) так проголодался, что совершил настоящее святотатство и съел всю начинку из нательного крестильного креста. Такие кресты полагались каждому царскому отпрыску: они были полыми и наполненными пчелиным воском, в котором помещалась малюсенькая частица Животворящего Креста.

«Существовал строгий порядок, - рассказывала Ольга Александровна. - Подавали завтрак, ленч, чай, обед и вечерний чай - все в строгом соответствии с инструкциями дворцовым буфетчикам. Некоторые из этих инструкций сохранились без изменения со времен Екатерины Великой. Скажем, в 1889 году появились маленькие булочки с шафраном, которые ежедневно подавались к вечернему чаю. Такие же булочки подавались при дворе еще в 1788 году. Мы с Михаилом (братом) то и дело проказничали, но мы просто не могли зайти украдкой в буфет и попросить бутерброд или булку. Такие вещи просто не делались».

В семь лет, одновременно с прощанием с детской, ребенок в первый раз ходил на исповедь, и нередко это тоже превращалось в сильное потрясение. Великий князь Александр Михайлович вспоминал: «Впервые в моей жизни я узнал о существовании грехов... Семилетним ребенком я должен был каяться в своей причастности к делам дьявольским... Не глядя в мои полные ужаса глаза, отец Титов поведал мне о проклятиях и вечных муках, на которые будут осуждены те, которые утаивают свои грехи... Но ведь Господь Бог любит всех - мужчин, женщин, детей, животных и цветы. Так как же Он может допустить существование всех этих мук ада? Как может Он одновременно любить и ненавидеть?..»

У грамотного духовника нашлись бы, конечно, аргументы, способные ободрить и успокоить ребенка,

но Александру Михайловичу не повезло с наставником - и вот истоки того религиозного диссидентства, которым он потом отличался всю жизнь.

Разумеется, в царской семье регулярно и аккуратно выполнялись все религиозные обряды. Посещение богослужений по праздникам и воскресеньям было обязательно. Дети основательно знали порядок службы, так что при случае, когда взрослые не видели, могли даже играть в богослужение, изображая кто священника, кто дьякона. Соблюдались все религиозные традиции - к примеру, на праздники непременно принимали у себя духовенство «со святом»: во дворец приезжали высшие церковные иерархи, монахи из Александро-Невской лавры и других монастырей, пели хором славословия, а император и императрица, как полагалось, собственноручно обносили их угощением и вином. Детям в обязательном порядке преподавался Закон Божий.

И все же в большинстве случаев религиозное воспитание царских детей оставалось довольно формальным. Детей приучали к соблюдению обрядов, к корректному и «правильному» поведению в храме. Будет ли при этом затронута душа, придет ли теплая вера - во многом зависело от обстоятельств и натуры самого ребенка. Немалое число царственных детей так и выросли, демонстрируя внешнюю религиозность и обрядовое благочестие.

«Наше религиозное воспитание было скорее внешним, - вспоминала великая княгиня Ольга Николаевна. - Нас окружали воспитатели-протестанты, которым едва были знакомы наш язык и наша церковь. Мы читали в их присутствии перед образами „Отче наш“ и „Верую“, нас водили в церковь, где мы должны были прямо и неподвижно стоять без того, чтобы уметь вникать в богослужения. Чтобы не соскучиться, я повторяла про себя выученные стихотворения... Только

позднее о. Бажанов стал объяснять нам богослужение, чтобы мы могли следить за ним. Вероятно, из оппозиции к религиозному безразличию нашего окружения в нас, детях, развилось сильное влечение к нашей православной вере».

Многое в этом вопросе зависело и от семейных традиций и личности родителей. Александр III писал в одном из писем к жене: «Мама постоянно нами занималась, приготавливала к исповеди и говению: своим примером приучила нас любить и понимать христианскую веру, как она сама понимала. Благодаря Мама, мы, все братья и (сестра) Мари, сделали и остались истинными христианами и полюбили и веру, и церковь».

Гавриил Константинович вспоминал, как набожен был его отец, как подолгу он молился, закрываясь у себя в кабинете. Отцовский пример действовал и на детей. Вечерами родители присутствовали при детской молитве; дети становились на колени перед киотом с образами в спальне и читали положенные молитвы - между прочим, и молитву Ангелу-хранителю, которую, по семейному преданию, читал ребенком Александр II. Родители молились вместе с детьми и поправляли их, если те что-то путали. «Отец требовал, чтобы мы знали наизусть тропари двенадцатых праздников и читали их в положенные дни».

Естественно, у детей не было недостатка в игрушках: у мальчиков всегда имелась настоящая солдатская амуниция - полная копия взрослой, стреляющие ружья и пушечки, военные карты и целые оловянные армии; у девочек - множество всевозможных кукол и разнообразное кукольное имущество.

Некоторые уникальные игрушки запоминались на всю жизнь. Дочь Николая I великая княжна Ольга Николаевна вспоминала, как в память о посещении монастыря в Новгороде получила от игуменьи

игрушечную крестьянскую избу, внутренность которой была сделана из стекла, а вся мебель расшита цветным бисером. В домике имелась кукла с приданным из десяти платьев. Все это было выполнено руками монахинь.

Президент Франции преподнес в подарок старшей дочери Николая II кожаный футляр с куклой и полным приданным - платьями, бельем, шляпами, туфлями, набором для туалетного столика - «все было сделано удивительно искусно, как настоящее!».

Николай I подарил дочерям двухэтажный домик, который поставили в «детском зале». «Этот домик мы любили больше всех остальных игрушек, - вспоминала Ольга Николаевна, - это было наше царство, в котором мы, сестры, могли укрываться с подругами. Туда я пряталась, если хотела быть одна».

Помимо подвижных игр дети рано начинали заниматься физическим трудом. Это считалось полезным и для физического развития, и как средство отдыха от напряженной умственной работы. Соответствовало это и традиции: со времен Петра I принято было, чтобы русские государи знали хотя бы одно ремесло, чаще всего токарное дело, а со времен Павла I активно занимались садоводством.

У каждого ребенка был свой маленький садик, в котором выращивались разные овощи или цветы. Дети традиционно (часто вместе с родителями) подметали парковые дорожки, убирали палую листву, чистили снег, подрезали ветви деревьев. В Царском Селе на Детском острове Александр Николаевич (Александр II) и его товарищи сами построили домик в четыре комнаты с салоном, причем великие княжны усердно помогали: таскали кирпичи и прокладывали дорожки через кустарник.

Очень любил физическую работу Николай II. Даже находясь после революции под арестом, он работал в огороде с такой энергией, что один из солдат сказал:

«Ведь если ему дать кусок земли и чтобы он сам на нем работал, так скоро опять себе всю Россию заработает».

Имелись во дворце и свои праздничные традиции.

Дни рождения детей отмечались торжественной церковной службой и званым ужином. К ним приходили гости-ровесники, которых поили чаем со всевозможными лакомствами и развлекали каким-нибудь занятным представлением - выступлением фокусников или чревовещателей, кукольным театром, дрессированными животными и т. п. Именинники получали подарки: к примеру, великий князь Михаил Александрович на пятнадцатилетие получил велосипед, маленький фотоаппарат, духовое ружье, лук, нож, кофейную чашку и пр. Вечерами устраивались фейерверки и иллюминации.

Начиная с Николая I, при дворе обязательно устраивались детские елки. Готовились к ним заранее, в первую очередь подготавливая подарки. На всякий праздник их раздаривались тысячи - и в Россию, и за рубеж, - и найти что-нибудь по-настоящему оригинальное было не так-то просто.

По этикету, никто из императорской семьи, пребывая в России, не должен был заходить в магазины (за границей было можно). Владельцы магазинов присылали товары прямо во дворец - из года в год одни и те же. О новинках ничего известно не было (да приличные магазины и не публиковали подобной рекламы); вообще газеты в детские приносить было запрещено. Поэтому из года в год челяди, придворным и родственникам дарились в основном вещи из фарфора, стекла и серебра, а родителям дети часто изготавливали подарки сами: вышивали что-нибудь, клеили или выпиливали лобзиком.

Карманных денег у детей не было; цен они не знали, и если они что-нибудь покупали, это оплачивалось из казны.

Родители дарили детям игрушки, книги, садовые инструменты.

После рождественской службы устраивался семейный обед, а затем двери банкетного зала распахивались - и все «оказывались в волшебном царстве». Весь зал был уставлен рождественскими елками, сверкающими разноцветными свечами и увешанными золотыми и серебряными игрушками и золочеными фруктами. Шесть елок ставилось для семьи, остальные - для родственников и придворных. Возле каждой елки был накрытый белой скатертью столик, уставленный подарками. Около полуночи детей уводили в детские.

Через три дня елки разбирали. Ставили стремянки, и царские дети, вооруженные ножницами, срезали с елки лакомства и украшения; все это раздавали слугам, которые приходили сюда со своими семьями. Радовались все - и дарители, и одариваемые.

В пост не было никаких развлечений, прерывались даже уроки танцев, не устраивалось ни балов, ни концертов. Начиная с Вербного воскресенья, дети посещали церковь утром и вечером. Для заутрени девочки надевали русское придворное платье: на голову усыпанный жемчугом кокошник, шитая вуаль до талии, сарафан из серебряной парчи и кремовая атласная юбка.

«Я не помню, чтобы мы чувствовали усталость, - рассказывала Ольга Александровна, - зато хорошо помню, с каким нетерпением мы ждали, затаив дыхание, первый торжествующий возглас „Христос Воскресе!“, который затем подхватывали императорские хоры». По пути в банкетный зал «мы ежеминутно останавливались, чтобы похристосоваться с дворецкими, лакеями, солдатами, служанками и всеми, кто нам встречался».

На другой день государь и императрица становились в конце одного из залов, а все прочие обитатели дворца подходили к ним христосоваться и получали яйцо - фарфоровое, яшмовое или из малахита. Детей-певчих из церковного хора лакеи поднимали и ставили на стул, чтобы царю не приходилось наклоняться.

Одной из главных фигур детства при дворе были гувернантки, объединявшие функции обучения и воспитания. Гувернантки занимались и с мальчиками, пока те не достигали семи-восьми лет, и особенно с девочками, которых сопровождали от младенчества до замужества (нередко и позднее, потому что многие гувернантки оставались при своих воспитанницах и в их взрослой жизни).

Помимо жалованья гувернантка получала придворный статус (подразумевавший в торжественных случаях традиционную придворную форму - «русское платье» синего бархата с золотым шитьем), придворный выезд и ложу в театре.

Подбор гувернанток, как и другой дворцовой челяди, был довольно случайным и не всегда удовлетворительным. К примеру, Ю. Ф. Баранова - сначала старшая воспитательница при детях Николая I, потом гувернантка его старшей дочери Марии Николаевны, как свидетельствовала великая княгиня Ольга Николаевна, «не имела и тени авторитета. Очень добрая, очень боязливая, в частной жизни обремененная заботами о большой семье, на службе, кроме воспитания Мэри, еще и ответственная за наши расходы и раздачу пожертвований, она не умела следить за порядком в нашей классной. Каждую минуту открывалась дверь для гостя или лакея, приносившего какую-либо весть, и Мэри пользовалась этим нарушением, чтобы сейчас же вместо работы предаться каким-нибудь играм. Этому недостатку строгости и

дисциплины можно, вероятно, приписать то обстоятельство, что Мэри и позднее не имела определенного чувства долга. Мадам Барановой не хватало чуткости, чтобы вести ее. Она только выходила из себя, держала длинные речи, которые Мэри в большинстве случаев прерывала каким-нибудь замечанием».

Большинство гувернанток были одиноки, почти никуда не выезжали из дворца и всю свою привязанность переносили на воспитанниц. Те платили им взаимностью, и когда приходилось разлучаться, это приносило много горя обеим сторонам.

Довольно часто гувернантки или воспитатели оказывались в конфликтных или даже откровенно враждебных отношениях между собой, и это наэлектризовывало атмосферу детской половины, изрядно нервировало и остальной штат, и самих царственных детей.

Во время уроков, которые близким по возрасту детям давали одни и те же учителя, гувернантки девочек по очереди присутствовали на занятиях - как для соблюдения порядка, так и для того, чтобы быть в курсе того, что проходят воспитанницы, и потом помочь им при подготовке уроков.

Г оды учебы великих князей проходили под знаком строгой дисциплины и неукоснительно соблюдаемого распорядка. Подъем в шесть часов; вставать немедленно. За лишние «поспать пять минуточек» полагалось наказание. Затем, стоя на коленях, читали молитву перед иконами; далее холодная ванна.

Первые уроки - гимнастика или фехтование. С восьми утра до одиннадцати и с двух до шести - уроки. По традиции, великие князья не могли обучаться ни в казенных, ни в частных заведениях, поэтому учились дома, но уже с середины XIX века учебная программа мальчиков в основном соответствовала той, что была в

ходу в закрытых военно-учебных заведениях, а девочек - в институтах благородных девиц. Использовались и соответствующие учебники. В начале XX века это были «Немецкая грамматика» А. Шульца, русская грамматика А. Пыльнева, арифметический задачник В. Евтушевского, учебник французского языка П.Шанселя и П. Глезера, география Г. Иванова и пр.

Учились восемь лет. Изучали Закон Божий, историю церкви, русскую и европейскую словесность, русскую и всемирную историю, географию, математику, три языка (французский, английский и немецкий), танцы. Танцевали, как правило, братья с сестрами. Как вспоминала великая княжна Ольга Александровна, перед уроком «мы с Мишей должны были сделать друг другу реверанс и поклониться. Мы оба чувствовали себя такими дураками и готовы были провалиться сквозь землю от смущения, тем более что знали: вопреки нашим протестам, казаки, дежурившие возле бальной комнаты, подсматривают за нами в замочные скважины. После уроков они всегда встречали нас широкими улыбками, что еще больше увеличивало наше смущение».

Преподавали детям и музыку - девочкам, как правило, игру на фортепьяно; мальчики могли выбрать любой инструмент. Цесаревич Николай Александрович, к примеру, учился играть на корнет-а-пистоне, а великий князь Константин Николаевич хорошо играл на виолончели и впоследствии иногда даже концертировал вместе с оркестром под управлением Направника.

В некоторых семьях дети изучали еще и древние языки - латынь и древнегреческий, которые со второй половины XIX века преподавались во всех гимназиях.

К этому добавлялось у мальчиков обращение с огнестрельным оружием, строевая подготовка, верховая езда, другие военные дисциплины в

соответствии с военной специализацией, а у девочек - рукоделие и некоторые начатки домоводства (заварить чай или сварить себе яйцо на завтрак должна была уметь и принцесса).

Великий князь Александр Михайлович вспоминал: «Учение не было трудным ни для меня, ни для моих братьев, но излишняя строгость наставников оставила в нас всех осадок горечи». Эта строгость была прямым следствием родительских установок. Тот же Александр Михайлович писал: «Однажды, когда мы были доведены до слез какой-то несправедливостью педагогов и попробовали протестовать, последовал рапорт отцу с именами зачинщиков, и мы были сурово наказаны».

К наказанию розгами в императорской семье, по-видимому, все же не прибегали (во всяком случае, об этом нигде не упоминается), но наказывали часто - и не только за шалости, но и за плохую учебу. Ошибка в иностранном словоупотреблении или переводе каралась лишением сладкого, а неправильно решенная задача - часовым стоянием на коленях лицом к стене (хорошо хоть без гороха). Среди других наказаний в ходу было лишение прогулки, развлечений или удовольствий, а также переписывание по многу раз каких-нибудь учебных текстов.

Впрочем, наказания, как и их отсутствие, зависели от общей атмосферы в семье и степени либеральности родителей. К некоторым детям, любимчикам, высокородные родители проявляли снисходительность. В семье Николая I многое сходило с рук Марии Николаевне, в семье Александра III - очаровательному Джорджи (рано умершему Георгию Александровичу), которого обожала и особенно баловала мать.

В девять часов вечера следовал отбой: дети уходили в спальню, надевали ночные рубашки, немедленно ложились и должны были спать. Дежурный воспитатель

бодрствовал всю ночь, каждые два часа входил в спальню и бдительно проверял, все ли в порядке.

Иногда глубокой ночью мальчиков навещал отец - так водилось в семье великого князя Михаила Николаевича. По словам сына, Александра Михайловича, на просьбы жены не будить детей по ночам великий князь отвечал, что будущие солдаты должны приучаться спать, несмотря ни на какой шум. «Что они будут делать потом, - говорил он, - когда им придется урывать несколько часов для отдыха под звуки канонады?»

А потом, благословив широким крестом всех мальчиков, отец долго молился перед иконами, прося Всевышнего помочь ему сделать из детей добрых христиан и верных подданных государя и России.

Будущее мальчиков из императорского дома могло быть только военным. Выбор происходил лишь между различными родами войск. Александр Михайлович не без горечи вспоминал: «Когда какая-нибудь дама с приторно сладкой улыбкой на губах спрашивала меня о том, кем бы я хотел быть, то она сама прекрасно знала, что великий князь Александр не может желать быть ни пожарным, ни машинистом, чтобы не навлечь на себя неудовольствия великого князя-отца... Брат Георгий как-то робко высказал желание сделаться художником-портретистом. Его слова были встречены зловещим молчанием всех присутствующих, и Георгий понял свою ошибку только тогда, когда

камер-лакей, обносивший гостей десертом, прошел с малиновым мороженым мимо его прибора».

Очень многие дети из императорской семьи страдали от ощущения одиночества и недостатка ласки. «Наше особое положение отдаляло нас от детей нашего возраста, - вспоминал Александр Михайлович. - Нам не с кем было поговорить, и каждый из нас был

слишком горд, чтобы делиться своими мыслями с другими братьями».

Наставники были строги; родители, сами получившие спартанское воспитание, часто считали нужным глубоко прятать нежность к детям и «держали дистанцию». Ласка или жалость прислуги считались не вполне приличными; детям внушалось, что «великий князь не должен проявлять ни малейшей слабости в присутствии посторонних (в том числе и прислуги. - В. Б.). Он должен выглядеть всегда довольным, скрывая свои чувства под маской официальной холодности».

При этом отношения с прислугой были самыми демократичными. Детям категорически запрещалось не только грубить слугам, но и проявлять малейшие признаки снобизма или высокомерия, повышать голос, требовать неподобающих услуг и т. п.

Многие из слуг принадлежали к профессиональным династиям, несколько поколений которых служили при дворе, и как это всегда бывало в аристократических семьях, между господами и прислугой устанавливалось нечто вроде родственной связи. Члены императорского дома всегда знали своих слуг не только в лицо и по имени, но и в подробностях биографии: были знакомы с их женами (не служившими при дворе) и детьми, осведомлены, кто из них и чем болеет, чему учиться и т. п. Слуг поздравляли с праздниками, задаривали подарками, в случае болезни кого-либо из их семей присылали лекарства и лакомства, сами приходили проведать. Слуги передавали дворцовые сплетни, помогали наказанным сноситься с братьями и сестрами и вообще принимали в жизни детей довольно большое участие. Стоит прибавить, что дворцовая прислуга была не только в основном вольной (т. е. не крепостной), но и занимала в обществе довольно высокое положение. К примеру, лейб-кучер его величества по статусу приравнивался к армейскому полковнику.

Вечное чувство одиночества приводило к тому, что довольно часто самыми счастливыми днями детства великим князьям и княжнам запоминались дни болезни. Вот тогда-то дети понимали наконец, как их любят; видели взволнованные и заботливые лица, чувствовали ласку, ощущали себя в центре внимания.

Аскетическая суровость, при самом широком распространении в императорском доме, была все же не единственным стилем взаимоотношений родителей и детей. Александр III вспоминал: «Сколько у нас бывало разговоров самых разнообразных задушевных, когда Мама выслушивала спокойно, давала время все высказать и всегда находила, что ответить, успокоить, побранить, ободрить и всегда с возвышенной христианской точки зрения».

Жизнь внедворцовая, реальная, которой жило российское население, детям была почти неизвестна, а то, что они видели сквозь окошко кареты или вагона царского поезда, а также во время посещения госпиталей, приютов, учебных заведений и других подобных мест, доходило до их сознания в отфильтрованном и приукрашенном виде (все мы знаем, как принимают знатных визитеров). Большинству царских детей знание о реальном мире в общем-то и не было особенно нужно; тем же, кому пришлось после революции с этим миром столкнуться, испытали суровый шок, для преодоления которого требовалась немалая сила воли (вот тут-то и пригодилось суровое воспитание!).

Обязательной частью воспитания великого князя была выработка преданности и лояльности по отношению к императору. «Мы все - верноподданные нашего государя, - приводит в своих „Воспоминаниях“ слова своего отца великого князя Михаила Николаевича великий князь Александр Михайлович. - Мы не имеем права критиковать его решения. Каждый великий князь

должен так же исполнять его приказы, как последний рядовой солдат».

И хотя в последнее царствование преданность и дисциплина в великокняжеском «полку» изрядно пошатнулись, на воспитании детей это не сказалось до самого конца.

После завершения общеобразовательного курса следовала подготовка по военной специальности. К примеру, великий князь Александр

Михайлович, готовившийся во флот, четыре года занимался астрономией, теорией кораблестроения, океанографией, военной и морской стратегией и тактикой, теорией кораблевождения, историей флота и тому подобными предметами, регулярно посещал военные суда и портовые сооружения и каждое лето проводил три месяца в плавании на крейсере. Сходным образом учились и на другие специальности.

В двадцать лет великие князья в присутствии императора и императрицы приносили присягу - два текста, в первом из которых клялись в верности основным законам империи, а во втором - в верности лично государю. После этого юноша целовал крест и Библию, подписывал присяжные листы, передавал их министру императорского двора, обнимался с императором и целовал руку императрице. В семье великого князя это был важный праздник.

С этого дня великий князь обретал некоторую самостоятельность - в первую очередь финансовую. Правда, к нему на пять лет приставляли опекуна, назначенного императором, одной из задач которого было научить юношу разумно и осторожно тратить выделяемые ему средства. До шестнадцати лет никто из великих князей не имел на руках никаких денег, а позднее, от шестнадцати до двадцати лет, им выдавали ежемесячно небольшую сумму на карманные расходы -

обычно рублей пятьдесят. Великие княжны никаких собственных денег не имели до замужества.

По большей части родители старались как можно дольше сохранить нравственное здоровье и целомудрие детей - не только дочерей, но и сыновей, чему способствовали их относительная изоляция и спартанское воспитание, соединявшиеся со значительными физическими нагрузками. Великий князь Александр Михайлович вспоминал, что он до восемнадцати лет «был целомудрен и в желаниях, и в помыслах».

Детей ограждали от соблазнительных картин и рискованных образов (упоминаний о любовных связях, беременности и родах и т. п.), особенно в подростковом возрасте. «Ужасное слово „любовница“ было совершенно исключено из нашего обихода», - свидетельствовал Александр Михайлович.

Исподволь происходило формирование семейной гордости, тесно связанной с понятиями патриотизма. Сердечный трепет вызывало посещение Москвы с ее соборами и святынями, с памятью о Смуте и 1812 годе, о былых государях.

Ольга Николаевна вспоминала, как они с младшей сестрой Александрой после церковной службы пробирались тайком в кабинет матери, где хранились портреты предков и разные принадлежащие им вещи, и там благоговейно прикасались к реликвиям, целовали портреты и усердно молились перед ними.

В пятнадцать лет великие княжны, а в шестнадцать - великие князья получали собственные комнаты, свой штат обслуги (у девочек его составляли камердинер, кучер, два лакея, два истопника и два верховых для поручений; горничные оставались прежние) и изменения в распорядке дня. Теперь они могли позднее укладываться спать, расширялся круг их представительских обязанностей - то есть возрастало

число официальных мероприятий, в которых приходилось участвовать. Кроме того, начинались «выезды в свет».

Высокое положение обязывало детей с очень раннего возраста наравне со взрослыми принимать участие в официальных мероприятиях - военных смотрах, парадах, праздничных богослужениях, церемониальных шествиях, благотворительных базарах, парадных обедах, сопровождать родителей во время посещения школ, приютов, женских институтов и монастырей. При этом надевалась специальная одежда - парадная форма, придворное платье, ордена. Церемонии занимали многие часы, в течение которых приходилось стоять,

соблюдая выправку и демонстрируя любезность и предупредительность.

Навыки светских манер и «царственное достоинство» у большинства великих князей и княжон формировались очень рано. Гувернантка великой княжны Марии Александровны (дочери Александра II) А. Ф. Тютчева свидетельствовала о своей пятилетней подопечной: «Великая княжна ведет себя весьма благопристойно, когда ей доводится показываться на публике, у нее врожденное чувство своего положения и долга, лежащего на великой княжне, и мне ни разу не приходилось упрекать ее за то, что она забыла кого-то поприветствовать или поблагодарить. Даже если она побаивается, то не показывает вида, и это можно заметить только по тому, что она очень радуется, когда возвращается в карету. **Я** часто удивляюсь ее выдержанному поведению в свете, это в самом деле должно быть природное чувство, потому что воспитание пока еще тут ни при чем».

А. О. Смирнова-Россет вспоминала, как семилетняя Мария Павловна в день своих именин участвовала в придворном приеме и общалась с представлявшимися

ей вельможами. Августейшей особе полагалось каждому представлявшемуся сказать несколько милостивых слов, и бедный ребенок изо всех сил старался соответствовать своему положению. Ей «приказывали подходить ко всем министрам. За ней шла воспитательница генеральша Ливен. Бедняжка долго стояла перед графом Паленом», придумывая, что бы такое ему сказать, и наконец произнесла: «Господин граф, любите ли вы розовую помаду?» - «Нет, мадам (таково было официальное обращение к царским дочерям, независимо от их семейного положения. - В. 5.), - ответил Пален, - я люблю бергамотовую». - «А я очень люблю розовую, - сказал царственный ребенок, - и так как сегодня мои именины, меня ею напмадили». И, наверное, искоса глянула на воспитательницу - хорошо ли она выполнила урок?

В задачи гувернанток и воспитателей входила постоянная шлифовка манер и поведения. Ребенок никогда не должен был расслабляться, приучаясь к тому, что вся его жизнь будет расписана по минутам и подчинена жестким требованиям протокола. Помимо неукоснительной дисциплины для такого образа жизни необходимо было еще и незаурядное здоровье: привычка к многочасовому стоянию на ногах (часто в довольно тяжелой одежде - хотя и не такой тяжелой, как в допетровские времена), к частым и длительным поездкам по неидеальным русским дорогам. Спина всегда должна была быть прямая - такая, словно каждую минуту ожидаешь исполнения национального гимна; на лице любезно-внимательное выражение. Нужно было выносить любую погоду: парад или религиозная церемония могли происходить и под дождем, и в жару, и в двадцатиградусный мороз. И царь, и царский ребенок должны были обладать выносливостью буйвола, самообладанием йога и стальными канатами вместо нервов.

Великий князь Александр Михайлович вспоминал, как буквально валился с ног - и одновременно был невероятно счастлив - после первого в своей жизни смотра подшефного полка. «Понадобилось четыре часа, чтобы осмотреть все шестнадцать рот полка... 16 раз я повторил „Здорово, первая рота!“, „Здорово, вторая рота“ и т. д. и слышал в ответ оглушительный рев из двухсот пятидесяти грудей, которые кричали „Здравия желаем“». Отец перед этим наставлял сына: «Помни, что, как бы ты ни был утомлен, ты должен выглядеть веселым и довольным».

Довольно рано - лет в семь-восемь - дети осваивали и застольный этикет. На детских обедах по случаю каких-нибудь праздников великие князья и княжны учились принимать гостей, а во время ежедневных обедов - занимать своих соседей. Чтобы предотвратить нарушения этикета, детей рассаживали порознь между взрослыми. Детям следовало сидеть прямо, с локтями, прижатыми к телу, правильно пользоваться столовым прибором, внимательно слушать застольные речи гостей и при этом говорить лишь в случае, если их о чем-то спрашивают, - все в строгих рамках этикета. Александр Михайлович вспоминал: «Нам было объяснено, что мы должны себя вести в отношении наших соседей так, как вел бы себя наш отец. Мы должны были улыбаться неудачным остротам наших гостей и проявлять особый интерес к политическим новостям». Все промахи детей фиксировались находящимися тут же наставниками и исправлялись или карались немедленно либо по завершении застолья.

Лет с одиннадцати дети начинали участвовать в малых праздничных приемах (у них даже появлялись собственные пажи) и балах, где танцевали церемониальные танцы (в основном полонез) с кем-нибудь из почетных гостей. Ольга Николаевна вспоминала, что ее партнером обычно бывал пожилой и

очень рослый обер-камергер граф Ю. П. Литта. «Ввиду того, что он был председателем Комиссии по постройке церквей, мне было велено вести разговор на эту тему, что я с грехом пополам и выполняла». Такие первые светские мероприятия для царственных детей заканчивались преждевременно: уже в девять часов их отправляли спать.

Перед балами и торжественными обедами Николай I нередко сам показывал детям, как нужно ходить, кланяться, делать реверанс. «Папа очень следил за тем, чтобы мы все проделывали неспешно, степенно», - вспоминала Ольга Николаевна. В итоге мероприятия из удовольствия превращались в испытание, которого ждали со страхом. «Мы могли танцевать только с генералами и адъютантами. Генералы всегда были немолоды, а адъютанты -прекрасные солдаты, а потому плохие танцоры... Об удовольствии не могло быть и речи».

Правда, и из этого правила случались иногда исключения. Дочери Николая I на всю жизнь запомнили свое участие в масленичном костюмированном балу по мотивам арабских сказок (Марии было уже пятнадцать лет, а Ольге двенадцать). Они могли не только любоваться волшебным убранством и великолепными костюмами приглашенных, но и сами были в восточных нарядах, состоящих из шальваров, остроконечных туфель и тюрбанов, им не нужно было танцевать по обязанности, и они долго потом вспоминали, как было весело и чудесно.

К слову, на придворных балах никогда не танцевали модных новинок - только классику. Там надолго задержался традиционный для XVIII века менуэт (уже с 1790-х годов его нигде, кроме двора, не танцевали). Позднее обязательны для исполнения были полонез, кадрили, контрданс, мазурка, котильон. Вальс стали танцевать только с 1830 года, после смерти

императрицы Марии Федоровны, которая долго ему противилась, находя «неприличным».

И все же придворные празднества дети видели нечасто. В большинстве случаев к ним в детские доносилась лишь праздничная музыка - ну, разве что удавалось что-то рассмотреть с лестницы или подоконника.

Протокол и этикет были тяжелой работой, поэтому дети пользовались всякой возможностью выйти за их строгие рамки, пошутить и посмеяться. Ольга

Николаевна вспоминала, как однажды гувернантка А. А. Окулова (незадолго до того только назначенная) решила привести к ней и ее сестре Александре (по домашнему прозвищу Адини) в гости своих племянниц. Те заранее трепетали и представляли себе визит к великим княжнам (!) чем-то очень торжественным. Проказницы-царевны решили их разыграть. «Адини и я сложили целую гору подушек. Задрапированные пестрыми платками и лентами из Торжка, обмотанными вокруг голов, мы сели поверх подушек, вооружившись киями от бильярда вместо табачных трубок. Дверь отворилась - полнейший конфуз! Затем взрывы хохота, киданье подушками - так произошло знакомство. Но Анна Алексеевна (Окулова) была очень долго огорчена таким недостойным представлением».

Большим озорником был в подростковом возрасте великий князь Константин Николаевич. В 1837 году во время посещения Оружейной палаты в Москве он совсем расшалился и, не забывая задавать умные вопросы и делать дельные замечания (к слову, он уже в десять лет неплохо знал историю России), одновременно примерил огромные сапоги Петра Великого, потом уселся на резной трон Ивана Грозного и совсем уже было приладился нахлобучить себе на голову шапку Мономаха, но воспитатель Ф. П. Литке этому решительно воспротивился.

Настоящая светская жизнь - вечера, неформальные балы, любительские спектакли, живые картины, массовые прогулки в санях на Елагин остров и т. п. - начиналась для

царских и великокняжеских дочерей только после наступления совершеннолетия, в пятнадцать-шестнадцать лет. Они могли выезжать в основном к родственникам и в немногие «дружественные» дома - главным образом придворных. В «городские дома» члены императорской семьи ездили редко.

Если для обычной дворянской девушки светская жизнь становилась преддверием замужества: на балах и в театрах ее могли видеть потенциальные женихи, с ними завязывались знакомства и рано или поздно следовало сватовство (для того, собственно, дочерей и «вывозили»), то для великой княжны всевозможные светские увеселения были всего лишь возможностью немного разнообразить жизнь, выйти за пределы того замкнутого круга, в котором она поневоле оказывалась и куда не проникали ни новые идеи, ни свежие впечатления. Важно было также выработать привычку к светскому общению - преодолеть застенчивость и закрытость самих девушек, расшевелить их. Ведь им самим со временем предстояло играть заметную роль в свете. Ольга Николаевна вспоминала: «В фейерверке игривых слов, галантных шуток и ничего не значащей болтовни, как это принято молодежью в обществе, я чувствовала себя вначале потерянной».

Светские выезды увеличивали число знакомств великих княжон. Часто в это время у них появлялись новые задушевные подруги и первые сердечные увлечения. И вот тут требовалась вся бдительность гувернанток, чтобы не позволить легкой заинтересованности превратиться в серьезное чувство. Ведь все знали, что обычные светские кавалеры не для великих княжон - их браки

устраивались только на международном уровне. Та же Ольга Николаевна вспоминала: «Я поймала на себе взгляд... (который) заглянул в мою душу. Я не могу передать того, что я пережила тогда: сначала испуг, потом удовлетворение и, наконец, радость и веселье. По дороге домой я была очень разговорчива и необычайно откровенна и рассказала (гувернантке) Анне Алексеевне обо всех моих впечатлениях. Она стала моей поверенной и ни одного чувства я не скрыла от нее... Она спросила меня: „Нравится он вам?“ - „Я не знаю, - ответила я, - но я нравлюсь ему“. - „Что же это значит?“ - „Мне это доставляет удовольствие^ - „Знаете ли вы, что это ведет к кокетству и что это значит?“ - „Нет“. - „Из кокетства развивается интерес, из последнего внимание и чувство, с чувством же вся будущность может пошатнуться. Вы прекрасно знаете, что замужество с неравным для вас невозможно. Если же вам подобное „доставляет удовольствие“, то это опасное удовольствие, которое не может хорошо кончиться. О вас начнут сплетничать, репутация молодой девушки в вашем положении очень чувствительна; не преминут задеть насмешкой и того, кто стоит над вами. Помните это всегда!“»

Женихи и невесты для членов русской императорской фамилии подбирались во время заграничных визитов или ответных посещений России зарубежными кандидатами из числа определенных владетельных фамилий Европы, главным образом немецких и скандинавских, протестантских по вероисповеданию, а также немногих православных (Греция, Черногория). Юноши, в особенности наследники, могли приискать себе невесту во время образовательного европейского вояжа, причем могло случиться и так, что их внимание привлекали совсем юные девушки, о которых в России еще не сложилось целостного мнения. Так произошло с Александром

Николаевичем, выбор которого пал на пятнадцатилетнюю принцессу Гессен-Дармштадтскую - его русская родня о ней еще толком ничего не знала. Тут же стали собирать сведения. Императрица-мать списалась с родственниками и вскоре получила обнадеживающие сведения: девица, несмотря на молодость, была «очень серьезна по натуре, очень проста в своих привычках, добра и религиозна».

Иногда во время таких ознакомительных поездок братья решали судьбы сестер. Тот же Александр Николаевич, присмотревшись к одному из австрийских эрцгерцогов, отрекомендовал его родителям как наиболее подходящего жениха для сестры Ольги.

Узнав об этом, Ольга тут же стала мысленно считать себя невестой и настраиваться на будущее чувство к нареченному жениху. В результате, когда эрцгерцог приехал в Россию, по ее словам, «...сердце заговорило для него».

Установка на обязательное замужество, причем с тем, кого «пошлет Бог», настраивала великих княжон на самое серьезное отношение к браку. В разговорах девушек «чаще всего речь шла о наших будущих детях, которых мы уже страстно любили и верили, что внушим им уважение ко всему прекрасному и прежде всего к предкам и их делам и привьем им любовь и преданность семье, - вспоминала Ольга Николаевна. - Наши будущие мужья не занимали нас совершенно, было достаточно, что они представлялись нам безупречными и исполненными благородства».

Проникнутые сознанием долга девушки старались не позволять себе неподобающие чувства. С юношами положение было сложнее. Менее ограниченные в своем поведении, они довольно часто переживали до брака и по одному, и по несколько сердечных увлечений, порой настолько серьезных, что молодые великие князья готовы были даже на отречение от своих династических

прав ради любви. Такой пылкий роман пережили и сыновья Николая I

- Александр и Михаил, и сын Александра II - будущий Александр III. Каждый раз, когда возникала подобная проблема, молодой человек имел объяснение с отцом, и чувство долга одерживало верх.

Тем не менее история рода Романовых на протяжении XIX века знала несколько случаев неравных браков: великий князь Константин Павлович пошел на отречение от прав на престол ради любви к польской аристократке Жанетте Грудзинской; старшая дочь Николая I Мария Николаевна после кончины своего первого (правильного) супруга позволила себе тайный морганатический брак с неровней - графом Строгановым. Брат Николая II Михаил Александрович женился не просто на неровне, но и на женщине дважды разведенной - Наталье Вульферт. Такие случаи с течением времени делались все более частыми, что свидетельствовало, несомненно, о проникновении в императорское семейство новых идей и представлений. И можно предположить, что если бы история дала Романовым более долгий век, принцип брака по любви возобладал бы и в этой династии, как он одержал верх в других европейских владетельных домах.

Следует прибавить, что брачный возраст на протяжении XIX века неуклонно увеличивался, и если в XVIII веке каждый великий князь встречал свое двадцатилетие уже связанным брачными узами, то в XIX столетии к венцу выходили в основном уже взрослые люди - случалось, браки заключались и в двадцать пять, и в двадцать семь лет. Но одно правило соблюдалось неукоснительно: наследник престола к моменту принятия короны обязательно должен был быть женат. Следование этому правилу привело, как известно, к тому, что наследник Александра III - Николай Александрович - вынужден был жениться почти сразу

после кончины отца, когда его тело еще не предали земле а вся страна находилась в трауре - нехорошее предзнаменование для будущего царствования.

После того, как брачный союз устраивался, следовала помолвка и назначался день свадьбы - обычно через несколько месяцев. Незадолго до венчания в нескольких залах Зимнего дворца обязательно организовывали выставку приданого царственной невесты. На столах и в стеклянных витринах выставляли фарфор, хрусталь и столовое серебро, постельное и столовое белье,

туалетные принадлежности (в том числе из драгоценных металлов), меха, платья, включая роскошный подвенечный наряд, украшения и т. п. Посмотреть на все это могли приглашенные на свадьбу, придворные, родня, а с конца XIX - начала XX века - еще и репортеры светской хроники, благодаря которым описание приданого с прибавлением фотографий становилось достоянием обывателя.

В конце последнего зала ставили стол с «приданным жениха», которое традиционно являлось подарком отца невесты. Оно состояло из большого количества рубашек, нательного белья (каждого вида по 4 дюжины), а также ночного халата и туфель из серебряной парчи, которые полагалось надевать новобрачному перед тем, как войти в день венчания в спальню к молодой жене. Халат был тяжеленным - весил 16 фунтов (около 7,5 кг) и придавал своему носителю довольно комичный вид какого-то оперного султана, но обычай есть обычай, и

женихи следовали ему неукоснительно.

Несбывшийся

Уже в финале истории дома Романовых судьба наконец-то послала императорской семье такого наследника, о каком она мечтала.

Николай Александрович (1843-1865) был вторым ребенком Александра II и Марии Александровны (старшей у них была рано умершая дочь Александра).

Высокое предназначение Николая заботило родителей с самого его рождения, хотя официальный титул наследника он получил только в феврале 1855 года, после смерти деда, Николая I. В 1845 году его отец писал жене: «Послезавтра ему минет уже два года. Бог да сохранит нам этого милого мальчика. **Я** всегда трепещу при мысли о предстоящей ему судьбе. Но в этом, как и во всех прочих случаях жизни, нужно повторять: „Да будет воля Его!..“ Да сделает Он его достойным занять со временем место, ему предназначенное».

Дед Николай Павлович обожал внука, много им занимался и, по своему обыкновению, рано приучал к военному делу.

Современник рассказывал: «Однажды, возвращаясь с внуком в шарабане, он (император) остановил его у гауптвахты Большого Петергофского дворца и велел Николаю Александровичу распустить дворцовый караул от лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка. Шестилетний Никса бойко командовал: „Слушай! На плечо! К ноге! В сошки!“ Император похвалил его, поцеловал и только заметил, что надо командовать громче».

Первоначальным воспитанием Николая и других детей руководила в основном сама Мария

Александровна. Она старалась каждую свободную минуту проводить в детской и вникала в каждую мелочь гораздо глубже и основательнее, чем все ее предшественницы. К этому времени вообще стало считаться нормой, чтобы приоритетом матери служили дети. Былая дисциплинарная дистанция предельно сократилась.

Николай был любимцем матери: «Она любила его нежнее других и совершенно исключительно занималась им (в ущерб прочим) и гордилась его воспитанием», - писал современник. Она воспитывала Николая, сообразуясь с его природными способностями, мягко и ненавязчиво его направляя. Особых усилий это почти не требовало: это был в полном смысле слова золотой ребенок.

Бонной его была Мария Андреевна Юз, ранее воспитывавшая братьев Александра II - Николая и Михаила Николаевичей. Гувернанткой Николая, как и его брата Александра (первые годы братья росли вместе), была назначена Вера Николаевна Скрипицына, занимавшая до этого должность инспектрисы Воспитательного общества благородных девиц (Смольного института). Она учила мальчиков молитвам и грамоте, а позднее предметам по программе начальной школы - русскому чтению и письму, арифметике и священной истории, первым навыкам французского и немецкого языков, начаткам истории и географии.

В 1848 году у братьев появился военный дядька - унтер-офицер лейб-гвардии Семеновского полка Тимофей Хренов, обучавший их начальной военной подготовке.

С 1849 года воспитание великих князей возглавил бывший директор Пажеского корпуса Николай Васильевич Зиновьев, в помощники которому были приданы генералы Г. Ф. Гогель и Кознаков. Главной их

задачей было приучение мальчиков к военному делу, особенно к требованиям армейской дисциплины.

С 1850 года начались регулярные уроки: каждый день по два часа занятия со Скрипицыной, потом фронт, маршировка и ружейные приемы у Хренова и два раза в неделю уроки гимнастики и танцев.

По вечерам в воскресенье к великим князьям приглашались их сверстники -племянники генерала Зиновьева Козловы, С.Шереметев, Н.Адлерберг, А. Олсуфьев, юные герцоги Лейхтенбергские и принцы Ольденбургские, и все вместе они играли в мяч и в войну, устраивали изрядный шум и возню.

Весной двор переезжал в Царское Село, где любимыми местами Николая и его братьев

был Детский остров, а также специально для них устроенный гимнастический уголок с лестницами, канатами, мачтами и крепостными укреплениями.

Уроки продолжались и в Царском Селе, но здесь много времени отводилось прогулкам и всевозможным играм - настоящее деревенское приволье.

К 1 июля (когда праздновался день рождения бабушки Александры Федоровны) семейство Александра Николаевича переселялось в Петергоф, где неизменно занимало Фермерский дворец. Рядом был Финский залив с его шхунами, яхтами и ботиками, и юный Николай Александрович, подобно своему предку Петру Великому, страстно увлекся морем. Ему построили яхту для морских прогулок, названную «Никса», а дед Николай Павлович зачислил внука в гвардейский Морской экипаж.

У детей Александра II было счастливое детство - с любящими родителями, бабушкой и дедушкой, со множеством игр, игрушек, приятелей, удовольствий, с праздниками на Царицыном и Ольгином островах. Будущий наследник рос в на редкость гармоничной атмосфере.

В 1852 году наступила пора гимназического курса, и к Николаю и Александру - теперь уже к каждому порознь, ибо существовал индивидуальный подход в воспитании, а братья различались и возрастом, и темпераментом, и способностями, - стали ходить учителя. Известный историк литературы **Я.** К. Грот преподавал русский язык, всеобщую и русскую историю, географию, церковнославянский и немецкий языки; С. П. Су-хонин - математику, Ф. И. Шау - английский язык, Ф. Курнар - французский, И. И. Жау - чистописание,

Н. И. Тихобразов - рисование. Закону Божьему учил протопресвитер В. В. Бажанов, который был наставником еще отца великих князей. В программе были музыка, танцы, фехтование, верховая езда - все как полагается. Уроки занимали сорок пять часов в неделю, включая время для подготовки.

О том, насколько серьезным было образование цесаревича, свидетельствует хотя бы программа по русской словесности. Среди произведений, которые проходил Николай, были сочинения Хераскова, Фонвизина, М.Н.Муравьева, Екатерины II, И.И.Дмитриева, Карамзина, две книги «Илиады» в переводе Гнедича, произведения Жуковского, «Горе от ума» Грибоедова; «Борис Годунов», «Полтава», «Медный всадник», «Скупой рыцарь», отрывки из «Евгения Онегина» и др. произведения Пушкина; «Герой нашего времени» Лермонтова, отрывки из «Мертвых душ», «Тарас Бульба», «Шинель» Гоголя; «Бирюк» и «Бежин луг» Тургенева, «Антон-горемыка» Григоровича, «Поярков» и «Красильниковы» Мельникова-Печерского и др. Кроме того, наследника основательно познакомили с древнерусской литературой, он даже занимался переложением некоторых псалмов и притчей Соломона с церковнославянского на современный русский язык.

Учителя не могли нахвалиться Николаем: он поражал наставников блеском ума и способностей. «Будущий наследник обещает чрезвычайно много, - писал **Я. К. Грот.** -Наружность у него приятная. В лице его много сходства с отцом и отчасти с дедом. Черты лица у него правильные и гармонические, глаза голубые с большой живостью, светлые волосы, коротко стриженные. Нрав Николая Александровича веселый, приветливый, кроткий и послушный. Для своих лет он уже довольно много знает, а ум его развит. Способности у него блестящие, понятливость необыкновенная, превосходное соображение и много любознательности».

18 февраля 1855 года умер Николай I, и цесаревич Александр Николаевич стал императором, а великий князь Николай Александрович - наследником и цесаревичем. Его назначили атаманом всех казачьих войск и канцлером Александровского университета в Гельсингфорсе - на должности, которые до вступления на престол занимал его отец, - и зачислили во все полки гвардии.

Теперь предстояло озаботиться его дальнейшим образованием, которое должно было не только соответствовать предназначению Николая, но и быть по-настоящему качественным и всеобъемлющим. Императрица Мария Александровна начала поиски подходящих лиц и программ.

В разговоре с А. Ф. Тютчевой Мария Александровна однажды сказала: «Пусть мне во всей России назовут человека, который с природным умом соединял бы истинное образование, с сильной волей - твердые принципы, веру и неиспорченную нравственность, и я ручаюсь вам, что преодолею все препятствия и поставлю этого человека к своим сыновьям». Но найти такого наставника для цесаревича было непросто. Несколько кандидатур оказались неудачными.

В.П.Титов был слишком неопытным педагогом, К. Д. Кавелин - слишком либералом, А. Ф. Гримм (уже служивший ранее наставником у великого князя Константина Николаевича) - слишком немцем.

Наконец появилась кандидатура, устроившая всех: граф Сергей Григорьевич Строганов, бывший попечитель Московского учебного округа и куратор Московского университета; с его управлением был связан лучший период в жизни этого учебного заведения. Строганов был умен, ироничен, блестяще образован; он воевал с Наполеоном, объехал весь мир и прочитал целые библиотеки книг. Его уважали как в академических, так и в военных и придворных кругах за безупречную честность, принципиальность, полное отсутствие низкопоклонства и верность долгу.

«Граф Строганов создал для цесаревича спокойный, такой ясный умственный мир и в то же время такой широкий, что он мог получить в нем умственное развитие не только богатое и полное, но и твердое и совсем застрахованное от опасности влияния со стороны, - писал историк Е.С. Каменский. - Ничего не скрывая от ума великого князя из того, что тогдашние увлечения времени и моды противопоставляли всему, что граф Строганов считал основными истинами в политическом вероучении, он умел так убеждать своего воспитанника в истине и так опровергать все покушения на нее, что правильное умственное воспитание цесаревича делалось без малейших усилий. То серьезною речью, то шуткой, иронией, сарказмом, метко и кстати сказанными, он обращался с великим князем так, что вызывал в нем и полное доверие, и полную откровенность.

Между воспитателем и воспитанником был постоянный обмен мыслей».

Назначенный попечителем наследника Строганов лично разработал для него университетский курс,

соединявший гуманитарные и военные дисциплины, и пригласил для преподавания лучших профессоров из Московского, Петербургского, Киевского университетов и Духовной академии, в том числе историков С. М. Соловьева и М. М. Стасюлевича, филолога Ф.И.Буслаева, экономистов И. К. Бабста и Н.Х. Бунге, юристов Б.Н.Чичерина, К.П.Победоносцева и И.Е. Андреевского, военного тактика М. И. Драгомирова и др.

Все приглашенные профессора отнеслись к преподаванию с особой ответственностью, старались не просто вложить в голову наследника знания, но и научить его размышлять и анализировать, применять теории к практике. Николай Александрович был внимателен, усидчив, вдумчив; профессора наперебой хвалили его, уверяя, что за всю их преподавательскую практику у них не было более способного ученика. «Развитие его, как все тогда замечали, в умственном отношении замечательное, - писал историк С. М. Соловьев. - Главной причиной этого изумительного развития была, разумеется, его даровитость, соединенная с тонким умом и очень восприимчивую натурой. Кроме того, он умел, а эта способность столь же ценная и редкая, как даровитость».

Б.Н.Чичерин писал о нем: «...Прелестный юноша, с образованным умом, с горячим и любящим сердцем, веселый, приветливый, обходительный, принимавший во всем живое участие, распространявший вокруг себя какое-то светлое и отрадное чувство». По словам другого преподавателя - А. И. Чивилева, - великий князь «был умен, способен к труду мысли и сочувствовал всем высшим ее интересам».

М. М. Стасюлевич преподавал наследнику всеобщую историю. Он писал: «Великий князь превосходно знал отечественную историю, и его любимую привычку было делать при всяком случае сравнение нашего прошедшего с судьбою других народов. Он хорошо

понимал, что знание отечественной истории недостаточно для великой нации.

„Действительно, - выразился он однажды в конце нашего разговора об отношении всеобщей истории к отечественной, - народу, который имеет значение в судьбе человечества, необходимо знать историю этого человечества, чтобы занять посреди его приличное себе место“».

Под руководством Стасюлевича Николай прочел целый ряд европейских исторических документов и мемуаров (на языке оригиналов, естественно). Сильное впечатление на него произвели мемуары министра французского короля Генриха IV - Сюлли. Цесаревич сделал ряд выписок из этого источника, в особенности его заинтересовало то место, где Сюлли давал советы королю, как тому спасти Францию, доведенную предшественниками до полного внутреннего расстройств.

Ф. И. Буслаев читал Николаю историю русской средневековой литературы и тоже знакомил его с наиболее известными памятниками: Остромировом евангелием, Изборником Святослава, различными Патериками, с Сийским евангелием с его великолепными миниатюрами, причем демонстрировал и сами рукописи, специально для этих уроков выдававшиеся из библиотек - петербургской Публичной и московской Синодальной - и даже привозившиеся из Сийского монастыря. «Я должен был предложить ему из своей науки то, что подобает ведать будущему царю России! - писал Буслаев. - Полюбив науку, его высочество полюбил и относящиеся к ней рукописи и книги, а вместе с тем приобрел охоту составлять свою собственную, кабинетную библиотеку, по своему личному выбору и вкусу».

В обязанности Буслаева входило также приватное, внеклассное ознакомление Николая с «идеями,

взглядами и направлениями современной образованной или вообще читающей публики по более интересным выдержкам из журнальной беллетристики и по таким газетным статьям, которые почему-либо возбудили всеобщее внимание и наделали много шума». Это делалось вечерами, за общим чайным столом.

«Чем больше заинтересовывался цесаревич бойким движением тогдашней периодической литературы, - рассказывал Буслаев, - тем живее обнаруживалось в нем желание составить себе ясное и точное понятие о ее главнейших деятелях, об отличительных качествах каждого из них, о нраве и обычаях и вообще о той обстановке, в которой они живут и действуют. На первом плане были для него не номер журнала, не газетный лист, а живые люди, которые их сочиняют и печатают для распространения в публике своих убеждений, мечтаний и разных доктрин. Чтобы удовлетворить такому разумному желанию, я должен был входить в биографические подробности о журналистах и их сотрудниках, прозаиках, поэтах и критиках не только новейшего времени, но и прежних годов - поскольку это находил нужным и полезным. Я рассказывал о журнальных партиях, об ожесточенной вражде, с какою критика встречала произведения наших великих писателей - Карамзина, Пушкина, Гоголя; говорил о западниках и славянофилах, о „Библиотеке для чтения“ и о пресловутом бароне Брамбеусе, о „Северной Пчеле“ Булгарина и Греча, о „Москвитянине“ Погодина и о критических статьях Шевырева, об „Отечественных записках“ Краевского и о Белинском, о „Современнике“ Панаева и о Некрасове, Добролюбова и многих других».

«Последнюю лекцию читал я цесаревичу 31 декабря 1860 года, а перед отъездом в Москву был у него вечером 16 января 1861 года, - вспоминал Буслаев. - Из всего, что тогда говорилось, помню только немногие

его слова, искренние и душевные, которые глубоко и навсегда вкоренились в моем сердце. Речь шла о наших теперь уже поконченных занятиях. Сначала он спросил меня, какую отметкою оценил бы я его сведения и успехи, если бы он держал экзамен вместе с другими моими слушателями в университете. Я сказал, что он был бы одним из самых лучших. И как обрадовался наследник такому отличию! Потом, после небольшой паузы, будто отвечая на чей-то вопрос, он тихо промолвил: „Да, теперь я знаю, как мне воспитывать и учить своих детей, если Господь Бог благословит меня ими“».

Николай Александрович действительно был юношей незаурядным. Он обладал большими способностями, настойчивостью, врожденным чувством ответственности, хотел и успешно учился работать. Современники замечали, что он «очень вдумчив и, кажется, очень озабочен своей будущей ролью». Последнее было действительно так. Николаю было всего двенадцать лет, когда фрейлина императрицы Марии Александровны А.Ф.Тютчева (дочь поэта Ф.И.Тютчева) записала такой, например, его монолог: «Папа теперь так занят, что он совершенно болен от усталости. Когда дедушка был жив, папа ему помогал, а папе помогать некому: дядя Константин слишком занят в своем департаменте, а дяди Нике и Миша слишком молоды, а я слишком еще мал, чтобы помогать ему».

В 1859 году шестнадцатилетний Николай писал в дневнике: «Трудно мое призвание и особенно в минуту столь тяжелую (шла подготовка Крестьянской реформы. - В. Б.), во время решения вопроса, жизненного для отечества нашего. Трудно папа работать, надо ему всем помогать, надеюсь, что буду в состоянии к тому».

Его дневники свидетельствуют не только о том, что ему - одному из немногих в императорской семье - была

присуща способность к рефлексии, но и о постоянной и упорной работе над собой: к примеру, он отмечал, с какими своими недостатками ему следует бороться: заносчивостью, «недостатком деликатности, строгостью в суждениях о других и со снисходительностью к себе самому».

Юноша возбуждал в обществе большой интерес, симпатию, а главное - глубокие надежды. В нем видели будущего человеческого и благородного правителя, способного облагодетельствовать свою страну и править не «железным жезлом», а милостью и любовью, последовательно, мудро и справедливо. Он даже обнаруживал, как казалось, либеральные воззрения, столь созвучные тогдашнему настрою российской интеллигенции. Известного своим консерватизмом правоведа К. П. Победоносцева изрядно выводили из себя возражения наследника «в либеральном духе» во время занятий, вопросы о конституции, которые он задавал.

Насчет либеральных убеждений и общественность, и наставники, возможно, преувеличивали. Во всяком случае, по свидетельству одного из друзей цесаревича, он говорил: «Мне представляется, что неограниченный монарх может гораздо более сделать для блага своего народа, чем ограниченный, потому что в каждой палате гораздо больше интересов личных и партийных, чем может их быть в самодержавном государстве».

После шестнадцати лет цесаревич стал ходить к императору на доклады министров; у него появился свой «салон», руководство которым, не доверяя чужим, взяла на себя сама императрица Мария Александровна. Здесь было немного музыки, немного салонных игр и очень много умных и занимательных разговоров, которые цесаревич слушал с большим интересом. Императрица приглашала государственных людей и придворных, ученых и писателей (в том числе

Ф.И.Тютчева, графа А. К. Толстого, князя П. А. Вяземского). Попутно Николай шлифовал свои манеры и навыки поддержания светской беседы.

Устроенное для наследника по образцу отцовского ознакомительное путешествие по России охватило только ее европейскую часть и было разбито на два этапа: летом 1861 года состоялась поездка по Волге на Нижегородскую ярмарку и оттуда в Казань, а летом 1863 года - еще одна, от Петрозаводска до Астрахани и Дона. Цесаревича встречали восторженно. Он посещал университеты и хлебные баржи, мельницы, лавки, харчевни, крестьянские избы и казачьи курени, различные производства; интересовался технологиями, работой ремесленников, заработками рабочих, положением студентов, ценами.

«Войдя в избу крестьянина Куранова, - писала тогдашняя газета, - Цесаревич, по народному обычаю, положил три поклона перед святыми иконами и, заметив в божнице старинные образа, разговаривал о них с хозяином. На набожных хозяев и крестьян произвели сильное впечатление слова его высочества о старинных иконах: из этих слов они узнали, что он хорошо изучил русское иконописание и его пошибы. „На Божье-то милосердие дока какой!“ - говорили крестьяне. Но еще больше удивило их, когда его высочество, взяв из божницы кожаную лестовку, стал расспрашивать Куранова о значении ее и сам говорил, что четыре лопасти лестовки знаменуют четырех евангелистов, обшивка их - евангельское учение и т. п. <...> Нельзя описать впечатления, произведенного этим на народ, увидевший, что наследник знает и уважает заветные русские обычаи. „Русский! Настоящий русский! Слава Тебе Господи!“- говорили крестьяне и крестьянки со слезами на глазах; многие набожно крестились».

В 1863 году Николай Александрович писал из поездки младшему брату: «Ваше Высочество, августейший братец мой Алексей Александрович, здравствуйте и преуспевайте! Ваш братец Николашка Вам кланяется и желает много лет здравствовать. Думается мне, что подзабыли вы братца вашего набольшего, вот и взял перо гусиное и отписываю вам цидулку сию неграмотную.

Я, слава Богу, жив и здоров и преуспеваю в путешествии моем. Газет и писем моих к братцам, думаю, вы не читаете по малой вашей, не в обиду будь сказано, грамотности. Так я сам хочу вашу милость известить и с вами малое время покалякать. Теперь аз малое время плыву на некоем паровом ките, именуемом „Поспешный“, сиречь „скоро ползущий“. Идем мы вниз по матушке по Волге, по широкому раздолью. Воистину, Ваше Высочество, широкое раздолье. Хорошо море, да Волга лучше... Берега, Ваше Высочество, какие! Страсти сущие! Почище будет, чем в Петергофской речке, высоко и привольно. Гуляй, сколько душе угодно... Хорошо, доложу вам, также на Нижний посмотреть, из себя красив выгладит; ну и город важный, богатый - все есть. Вот доложу, какие есть тут, стоят и проживают городища: Рыбинск, Ярославль, Кострома прозываются пресущественные города! Особливо Ярославль из себя красив: ну и богатеющие купцы тут проживают и на ярмонку в Низовой Новгород ездят, там торг свой ведут. Эти города называю вам, потому что вы в географии еще не тверды, а может, до того не дошли, а где-нибудь по Америке или по Африке прогуливаться с указкой изволите. Ну, признаться, и я не твердо их знал, а вот как теперь, то и помню...»

Когда Николай писал эти полные веселья и юмора строки, жить ему оставалось чуть больше полутора лет.

Отец хотел, чтобы сын, отличавшийся хрупким телосложением, побольше занимался физическими

упражнениями. Однажды, участвуя в скачках, великий князь упал с лошади и сильно ушиб спину. Видимо, эта травма, которой врачи поначалу не придали значения (рентгена в те времена не существовало), стала причиной патологии спинного мозга, приведшей в итоге к преждевременной гибели наследника.

«На ближайших к нему точно какое-то затмение нашло, никто не замечал, что с того времени великий князь худел, бледнел, одним словом, угасал, - писала современница. - Он под конец не мог даже выпрямиться, а ходил немного сгорбленным». Никому и в голову не приходило, что это признаки серьезной болезни. Бледность приписывали усталости от интенсивных занятий или путешествия, а с сутулостью воспитатели боролись обычными призывами держаться прямее. В 1861 году у наследника начались довольно сильные боли в спине. Врачи лечили его от ревматизма.

18 июня 1864 года, завершив свое образование, цесаревич выехал в заграничное путешествие и довольно скоро нашел девушку, с которой решил связать свою судьбу, - принцессу Дагмар Датскую. Родители одобрили его выбор; в сентябре 1864 года состоялась помолвка. Свадьба была назначена на лето 1865 года. «Теперь я у берега, - говорил Николай другу. - Бог даст, отдохну и укреплюсь зимой в Италии; затем свадьба, а потом новая жизнь, семейный очаг; служба и работа. Пора... У нас вся будущность впереди. Здесь, в Европе, лето, а у нас, в России, весна, с ее неурядицами, но зато и с ее надеждами, с ее первыми отпрысками пробуждающейся жизни. Вся работа впереди... Мне кажется, что и люди есть, но только их не ищут. Сколько людей, и дельных, и интересных, нам пришлось видеть в прошлом году во время нашего путешествия по России...»

Не сбылось. Свадьба в 1865 году состоялась, только под венцом с Дагмар стоял не Николай, а его брат

Александр Александрович, которому, умирая, цесаревич завещал и невесту, и престол.

Последние

В семье Александра Александровича считали человеком негодным для управления государством. Он был тугодум, старательный середнячок. Тщательно занимаясь старшим сыном, Мария Александровна отчасти намеренно сдерживала развитие остальных мальчиков, опасаясь возникновения соперничества из-за верховной власти.

Дядя будущего императора великий князь Константин Николаевич признавал полную неподготовленность Александра к престолу. При дворе Александра считали «неразвитым, неодаренным, неутонченным, упрямым и непокладистым».

Конечно, когда произошла трагедия с Николаем, все пришлось переиграть. Александра спешно объявили наследником; ему прочли курс «государственных наук» (делали это в основном те же профессора, что занимались с Николаем). Но Александр был к тому времени уже вполне взрослым человеком со сформировавшимися взглядами. Науки, возможно, несколько расширили его кругозор, но несколько не повлияли на систему взглядов. Александра еще можно было учить, но уже поздно было воспитывать.

После первых лекций К. П. Победоносцев записывал: «Сегодня я пробовал спрашивать великого князя о пройденном, чтобы посмотреть, что у него в голове осталось. Не осталось ничего - и бедность сведений или, лучше сказать, бедность идей удивительная».

Между тем Александру предстояло царствовать, и, став императором, он вполне успешно справлялся со своими обязанностями. Современники уверяли, что превращение взрослого недоросля в императора

произошло очень быстро, буквально у них на глазах, словно по мановению божественной воли.

А. Ф. Тютчева, зная государя еще маленьким мальчиком и потом юношей и вновь увидевшая его уже императором, писала: «Теперь, глядя на него, я с изумлением спрашивала себя, каким же образом произошла эта полнейшая перемена... откуда у него появился этот спокойный и величавый вид, это полное владение собой в движениях, в голосе и во взглядах, эта твердость и ясность в словах, кратких и отчетливых, - одним словом, это свободное и естественное величие, соединенное с выражением честности и простоты, бывших всегда его отличительными чертами... Видя его, понимаешь, что он сознает себя императором, что он принял на себя ответственность и прерогативы власти».

Положившись в своей царской участи на Божью волю и ощутив себя помазанником Божьим, Александр III, кажется, пришел к неожиданному выводу,

что никакая специальная подготовка к престолу вообще не нужна. Во всяком случае, собственного своего наследника он растил совершенно обычным образом, безо всякой оглядки на престол. Учителям и воспитателям детей Александр говорил: «Ни я, ни жена не желаем делать из них оранжерейных цветов. Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру... Учите рошенько, послаблений не делайте, спрашивайте по всей строгости, не поощряйте лень в особенности. Если что, то адресуйтесь прямо ко мне, я знаю, что нужно делать. Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные, здоровые русские дети. Подерутся - пожалуйста. Но доказчику - первый кнут. Это самое мое первое требование».

Николай II прошел все стадии принятого при дворе обычного воспитания и усвоил обычный, немного видоизмененный гимназический курс, в котором не было древних языков (от которых стонала тогда вся

гимназическая Россия), но зато были ботаника, зоология, минералогия, анатомия с физиологией, поскольку Александр III любил природу и старался привить детям интерес ко всему живому.

Потом Николай прошел курс высшей школы: политическую экономию, право и военное дело. Все это к концу XIX века составляло норму для всякого юноши, принадлежавшего к образованным сословиям и ориентированного на военную карьеру.

Александр III почему-то не допускал Николая до заседаний Государственного совета вплоть до 1893 года, так что Николай оказался не подготовлен к управлению империей и первое время после воцарения пребывал в настоящей панике.

Николай Александрович вырос очень здоровым, физически крепким юношей со здоровыми простыми вкусами и нормальными инстинктами. Он был прекрасно воспитан -аккуратен, выдержан, учтив, пунктуален. Даже при самых тяжелых обстоятельствах он не позволял себе расслабиться и манкировать своими обязанностями. Он был неприхотлив, равнодушен к комфорту, вел самый размеренный образ жизни. Любил тихие семейные радости, охоту, длительные пешие прогулки, физический труд на свежем воздухе, фотографирование. Воспитывали его не столько педагоги, сколько семейные традиции и родительский пример.

В любой другой стране и в другое время это был бы хороший монарх, достойно и с честью представляющий свою страну. Но, конечно, не в охваченной предреволюционным брожением России.

В собственной семье Николай старался воспроизвести ту же модель, которую с успехом применили к нему самому, с той лишь поправкой, что наследник Алексей был тяжело болен и почти не мог ходить.

В остальном модель действовала. Николай и Александра позволили своим детям быть просто детьми.

Их не мучили сверх совершенно необходимого обязанностями по представительству. У них было множество игр и игрушек, собак, лошадок, котов, летних путешествий, финских и крымских впечатлений. На них не наседали со всемирной ученостью: школьная программа была не обширной, и от детей не требовали блестящей успеваемости. Дочери Николая плохо говорили по-французски и совсем не знали немецкого. Они читали обычные детские книжки

- Майн-Рида и Ф. Купера, Лидию Чарскую, М.Додж, Г. Бичер-Стоу, роман Ф.Х. Бернетт «Маленький лорд Фаунтлерой», посещали театральные утренники и киносеансы -«видовые» и «комические». Им не докучали нравоучениями - во всяком случае, тоже сверх необходимого. Они просто росли, дружили между собой (общим именем девочек было ОТМА, составленное по первым буквам их имен), любили родителей - и были счастливы. Воспитание их шло естественно и незаметно - усвоением стиля жизни, привычек, нравственных устоев и вкусов родителей.

Александра Федоровна сама занималась воспитанием дочерей - няни и гувернантки лишь подменяли ее на время отсутствия. Императрица сама качала детские колыбели (подписывая в это же время деловые бумаги), сама купала наследника и так много внимания уделяла детской, что при дворе поговаривали, дескать, императрица не царица, а только мать.

В своем дневнике Александра Федоровна писала: «Мы еще не вполне понимаем, как много значит атмосфера в доме,

где растут дети, для становления их характера. Самое первое место для нас, где мы учимся правде,

честности, любви, - это наш дом, самое родное место для нас в мире... Только один раз дается детство со всеми его возможностями. То, что вы можете сделать, чтобы украсить его, делайте быстро».

«Цари» жили уединенно, большей частью в непарадном Александровском дворце Царского Села. Давно прошли те времена, когда праздные зеваки могли свободно глазеть на царское семейство. Трагическая судьба Александра II навсегда отучила царское семейство от беспечности. За дворцовой решеткой, за кордоном из казаков, полицейских, агентов в штатском жизнь царской семьи текла невидимо для подданных. Эта чрезмерная, почти гипертрофированная скромность, желание словно бы спрятаться, сделаться незаметными объяснялась и застенчивостью последних «царей», и тяжелой болезнью наследника с неизбежным чувством вины матери, и известной неприязнью к Александре Федоровне со стороны императрицы-матери и большей части «семьи» и двора. Все это было вполне понятно и даже вызывало сочувствие, но... оказалось роковым для властителей. «Нельзя царствовать инкогнито», - сказал когда-то один умный человек. Закрытость царской семьи была такова, что временами возникало сомнение: а есть ли вообще кто-нибудь там, наверху? Отсутствие информации пополнялось слухами, тем более дикими, чем сложнее становилась обстановка в стране.

Теперь, глядя на эту тайную идиллию последней царской семьи уже с позиций времени, признаешь, что так для них было лучше. Самодержавие катилось под откос; его не способен был удержать ни Николай, ни кто-либо другой на свете. И хорошо, что хотя бы в семейном кругу все они были счастливы.

История царского детства и царского воспитания закончилась выстрелами в доме Ипатьева.

Как мы видели, она изобиловала разными сюжетами: и печальными, и драматическими, и возвышенными, и несуразными.

Воспитание «царей» прошло тот же путь, что и вся отечественная педагогика; оно знало своих героев и злодеев, свои взлеты и падения.

Царским наставникам так и не удалось подарить России образцового самодержца -такого, какого они пытались сконструировать, да и возможно ли это было вообще?.. Реальные властители были живыми людьми со своими заблуждениями и ошибками, но -худо-бедно - они держали Россию почти 400 лет, и эти годы были заполнены не только бедствиями и проблемами. Страна знала и эпохи процветания, и великие победы, имела свои поводы для гордости и радости - в общем, жизнь шла как жизнь, все как полагается.

Воспитание в императорском доме имело много недостатков. Наставник последнего цесаревича П.Жильяр - потом, после екатеринбургской трагедии, - говорил, что «образование их искусственно, тенденциозно и догматично... Учителя знакомят ученика с основными положениями программы и мало думают над тем,

чтобы развить его любознательность, склонность к анализу и умение ставить под сомнение полученный результат. Они стремятся избегать всего, что может вызвать неуместный вопрос ученика и разбудить в нем вкус к нетрадиционным предметам обучения. Кроме того, царский ребенок оторван от жизни. Он не может представить себе, что происходит за стенами, на которых для его удовольствия нарисованы фальшивые картинки».

Это справедливо, да не совсем.

Именно роковые революционные события показали, какого рода людей производило это неправильное воспитание. Именно тогда обнаружилось невероятное

мужество и душевная твердость тех, кто погиб. Проявились поразительная жизненная стойкость и способность преодолевать трудности у тех, кто уцелел.

Во всей послереволюционной истории Романовых (тех, выросших «в царском доме») не зафиксировано, кажется, ни одного случая трусости, малодушия, пресмыкательства перед новой властью. Ни один не спился, не опустился, не деградировал. Они достойно переносили нищету, безвестность, бессилие, изгнание, они много и настойчиво работали, снова и снова начиная с нуля, - и остались верны себе.

Согласитесь, что воспитательная система, способная производить на свет подобный человеческий материал, при всех своих огрехах есть явление замечательное.